The background of the cover is a historical painting depicting a hot air balloon launch. A large, spherical, light-colored balloon with a dark grid pattern is being inflated. A crowd of people in 19th-century attire is gathered on the ground, watching the event. Another balloon is partially visible on the left.

В.Г. Колташов

**КАПИТАЛИЗМ КРИЗИСОВ
И РЕВОЛЮЦИЙ:**
КАК СМЕНЯЮТСЯ
ФОРМАЦИОННЫЕ ЭПОХИ,
РОЖДАЮТСЯ ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ,
УМИРАЮТ РЕСТАВРАЦИИ
И НАСТУПАЕТ НЕОМЕРКАНТИЛИЗМ

Монография

RU
science
RU-SCIENCE.COM

В.Г. Колташов

**КАПИТАЛИЗМ КРИЗИСОВ И РЕВОЛЮЦИЙ:
как сменяются формационные эпохи,
рождаются длинные волны, умирают
реставрации и наступает неомеркантилизм**

Монография

Ru-Sciense / ru-sciense.com

Москва

2019

УДК 330

ББК 65.01

К61

Колташов В.Г. – экономист и историк, специализирующийся на экономических кризисах с древнейших времен до эпох торгового и современного индустриального капитализма. Руководитель Института нового общества, преподаватель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. В начале 2008 г. он дал удивительно точный анализ современного кризиса как многолетнего болезненного перелома, большого трансформирующего мировое хозяйство и жизнь общества кризиса. Прогноз вызванных кризисом изменений продолжает реализовываться, подтверждая теорию цикличности больших кризисов. Под руководством Колташова было подготовлено немало аналитических докладов. А в книге «Кризис глобальной экономики» (2009) он рассказал о логике первой волны мировой нестабильности, предупредив: кризис еще вернется. В 2013 году, в момент начала второй волны кризиса, автор возвратился в Россию после шести лет анализа экономической катастрофы в Греции. В этот же период он занялся изучением связи больших кризисов и великих модернизационных революций эры капитализма. Так впервые был произведен экономический и социально-политический анализ таких их фаз, как реставрация и славная революция.

Колташов, Василий Георгиевич

Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм: монография / В.Г. Колташов. – Москва : РУСАЙНС, 2019. – 224 с.

ISBN 978-5-4365-3711-5

О сути этой книги многое сказано в ее подзаголовке. Она посвящена следующим важным вопросам: иерархии, роли и цикличности экономических кризисов; длинным волнам в развитии торгового и промышленного капитализма; разбору этапов великих модернизационных революций эры капитализма в контексте больших экономических кризисов и стоящих за ними законов. Акцент сделан на анализе таких фаз революций, как реставрация и славная революция, фаз отнюдь не случайных и экономически необходимых. Последний вопрос книги — современный экономический кризис, являющийся переломным и несущим миру новый, неомеркантильный порядок. Первым делом дан разбор того, как в реальности происходила смена рабовладельческого и феодального общества и какую роль здесь сыграли экономические кризисы III и XIV вв. Сопоставляя их, автор показывает причины успеха торгового капитализма в Европе и создания мирового рынка. Открывая кризис 1770-х гг., книга обнажает и механизм, создавший промышленный капитализм. Продвигаясь с анализом экономических событий XIX—XXI вв., автор дает теорию больших циклических кризисов, сменяющих длинные волны развития (волны Николая Кондратьева).

Ключевые слова: экономика, история, экономические кризисы, великие кризисы, большие кризисы, капитализм, формационные эпохи, неомеркантилизм, модернизационная революция, реставрация, славная революция

Рисунок на обложке:

Вылет Гамбетты на воздушном шаре «Арман Барбес» 7 октября 1870 года, картина Жюль Дидье и Жака Гио. Коллекция музея Карнавале, Париж.

Оглавление

Предисловие

О происхождении этой книги

Часть I. Формационные эпохи, этапы и волны капитализма

Глава 1. Неизвестное в кризисах и загадка революций

Глава 2. От неолитической революции к великому кризису III в.

Глава 3. Великий кризис XIV в.: от феодализма к капитализму

Глава 4. С кризисами от торгового капитализма к промышленному

Глава 5. Тяжкие роды промышленного капитализма

Глава 6. Длинные волны и короткие циклы, XIX в.

Глава 7. Теория волн, циклов и больших кризисов капитализма

Глава 8. Длинные волны и большие кризисы, XX в.

Глава 9. Конец кейнсианства и волна глобализации

Глава 10. Современный кризис, его волны и условия преодоления

Часть II. Великие модернизационные революции

Глава 1. Великая русская революция и теоретические блуждания левых

Глава 2. Макроскопирование и нити русской реставрации

Глава 3. Реставрации в логике модернизированных революций

Глава 4. «Веселая» английская Реставрация и ее славный конец

Глава 5. Реставрация и славная революция по-французски

Глава 6. Механика славных революций, выводы для России

Заключение и вопрос о социализме

Список литературы

Предисловие

(4-9 стр. в бумажной версии книги)

Что мы знаем о кризисах и что мы понимаем в них? Казалось бы, много. Нет такого учебника экономики, где не нашлось бы место теориям кризисов. А сколько вышло книг с громкими названиями! О кризисах любят рассуждать политологи, социологи и даже философы. Однако, накопив значительные сведения о сложных поворотах экономики, общество собрало и солидную коллекцию вопросов, чаще всего оставляемых новыми теориями без ответа либо вызывающих еще большее вопрошание.

Причина тому в состоянии современной мысли. Экономическая наука вообще, это хорошо знают философы и плохо экономисты, развивается неравномерно. За удивительными прорывами теории следуют десятилетия застоя или деградации, а научно верные концепции подменяются более удобными с точки зрения политической конъюнктуры. Новые факты не осмысливаются, а ошибки прошлого увековечиваются под именем «исторических законов». Многие эти «законы» на самом деле иногда работают. Но работают они, как ржавые замки, без всякой гарантии, от раза к разу. Картину идейного бедствия закрывает терминологический туман. В нем некоторым ученым так приятно бывает вести интеллектуальные игры и дразнить публику своим мнимым превосходством. На деле же они уводят познание в сторону. Поэтому обычный человек, пройдя курс экономики в школе, колледже или университете, путается в элементарных житейских обстоятельствах. Особенно непросто пришлось многим людям в реалиях современного кризиса. Он отлично показал, чего стоят некоторые теории.

Экономические кризисы есть одна из самых модных и в то же время забытых в терминологическом и псевдологическом тумане проблем. Столкнувшись с кризисом 1970-х гг., западные экономисты назвали его стагфляцией, кризисы вообще были упрощены ими до рецессий — сокращения ВВП, где причины спада отодвигались на задний план по сравнению с самим

фактом неких почти механических проблем в производстве, торговле и потреблении. Для кризиса 2008 г. тоже придумали красивое название «Великая рецессия». Много ли это объяснило? А чего стоит модное выражение «черный лебедь», пущенное в оборот трейдером и публицистом Нассимом Талебом как обозначение события, которое трудно спрогнозировать, но последствия которого колоссальны. В этой книге многие «лебеди» превращаются во вполне закономерные повороты. Игнорировать их позволяет особая оптика, против которой и восстает Василий Колташов. Но он отказывается опереться и на постулаты советского марксизма, подчеркивая при этом методологическую связь с Карлом Марксом и выделяя ряд проблем, с которыми тот столкнулся в анализе капитализма.

Колташов видит проблемы как в левых, так и в правых трактовках капитализма. О методологических затруднениях первых он говорит сразу и много. Вторые интересуют его меньше в силу аналитического бессилия и бесплодия. Списание крупных кризисов на ошибки регуляторов и «лебедей» автора не устраивает.

Поистине нелепо в наше время выглядят либеральные экономисты, договорившиеся до того, что экономика есть почти одна математика. Здесь отрицается уже не какая-то часть аналитического наследия, а весь философский инструментарий. Стоит ли удивляться неожиданности прихода кризиса 2008 г.? Стоит ли удивляться чиновникам от экономики, только и говорившим невпопад в момент нового обострения кризиса (2014—2016): все закончилось, нащупано новое дно? Между тем, как показывает автор книги, кризисы вполне возможно предсказывать, они могут и должны быть понятными. Они даже имеют иерархию в истории. Есть великие кризисы, есть большие и средние. Последние изучены более всего, но этого недостаточно, чтобы понимать процесс. Как недостаточно и теории циклов Николая Кондратьева, которой так часто злоупотребляют. Но дьявол заключен не только в разных функциях кризисов, он в их подвижной взаимосвязи и вызываемых всем этим общественных сдвигах. Стремление видеть все это как динамический процесс, не чуждый классовых

противоречий и борьбы, сразу выдает марксистский исследовательский подход автора, который дополнен оригинальным инструментарием. Говоря о методе макроскопирования лишь во второй части книги, Колташов де-факто применяет его и в первой части, хотя там это делается не столь явно.

Процесс экономического развития берется в данной книге как целое. Поэтому вопрос о кризисах быстро превращается в вопрос о механизмах общественного прогресса, где есть место эволюции и революциям. А чередующиеся большие кризисы и есть один из видов таких социальных революций, возникающих в силу необходимости.

Широко известна фраза Карла Маркса о насилии: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»¹. Марксистскими школами это высказывание понималось как оправдание революционного, пуще партийного насилия и террора их критики соглашались с этим и морально негодовали. При этом последних нисколько не смущало, что в этом случае ни о каком марксистском «экономизме» (экономическом редукционизме), в котором они любили обвинять марксизм, речь идти уже не может. Какие уж тут «железные» экономические законы, если признается, что надстройка в виде партийных активистов запросто способна изнасиловать экономический базис?

Опустим вопрос, насколько подобное насилие оправданно (хотя бы потому, что насилие оправдывается победившими всегда *post factum* самой возможностью его применения не только революционерами, но и, как правило, не только ими). Заметим только, что Маркс имеет в виду совсем другое, добавляя к вышеприведенной фразе: «Само насилие есть экономический потенциал». Он не говорит о насилии *над* историей и не оправдывает его! Для него сама предыдущая история человечества есть лишь предыстория человека, муки его рождения, состоящая почти сплошь из сплошного насилия и преимущественно экономического насилия над людьми. Человек в эпоху общественно-экономической (вторичной) формации делает не то, что хочет, а

1 Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 23. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 761.

то, что ему позволяет делать экономика, точно так же, как в предыдущую («первичную», первобытную, формацию), человек делал не то, что хотел, а то, что ему позволяла делать природа.

Из этого всего следует, что политическая революция как политическое насилие есть только рефлекс, симптом экономического кризиса, симптом экономического насилия в его конкретно-исторической форме и ответная реакция на него. Так было во времена буржуазных революций и во времена мировой социальной революции первой половины XX в., ничего не изменилось и сейчас. Кризис и политическая революция во всей совокупности ее этапов (по новому описанных в данной книге), таким образом, в своей последовательности есть единое, своеобразное социально-экономическое и политическое событие — *социальная революция*. Их нельзя разделять и абсолютно противопоставлять друг другу, как это принято в либеральной и даже в части марксистской историографии (в последней порой преувеличивается разрыв с кризисом, тогда как революция его завершает, если это, конечно, победоносная революция).

Не всякий кризис перерастает в социальную революцию, но всякой социальной революции предшествует кризис, сгущающий социальное насилие. Политическая революция не порождает насилие, она стремится обратить его против самих насильников. Террор герцога Альбы в Нидерландах XVI в. породил террор гезов, вековой цинизм французского дворянства по отношению к третьему сословию — террор якобинцев, империалистическая война — большевистское насилие над Временным правительством и над сторонниками войны. Так кризис, порожденный конфликтом между старым и новым, кусает сам себя, чтобы покончить с собой.

Следовательно, другую известную фразу Маркса про то, что революции — это локомотивы истории, можно дополнить следующим образом: они таковыми являются только вместе с кризисами. Да и сами великие и большие кризисы, на которых концентрируется автор в первой части книги, разве они не являются экономическими революциями?

Требуется исторический материал, чтобы все это вполне показать, но,

кроме того, требуются и новые методологические приемы, чтобы этот материал осмыслить. Для осмысления современной общественной реальности прежней марксистской понятийной сетки давно уже недостаточно. Для этого требуется иная социологическая оптика, более дробная, нежели классическая «марксистско-ленинская» дихотомия понятий «капитализм / социализм / коммунизм». Оставаясь в принципе верной для обозначения долговременных общественных процессов, она оказывается недостаточной в силу своей абстрактности для рассмотрения современного общества, имеющего переходный характер постольку, поскольку оно уже познало опыт не только господства над ним «невидимой руки рынка» и борьбы с ней, но и, что самое важное, опыт социально-ориентированного управления этой «невидимой рукой». Мировая экономика остается капиталистической, но вместе с тем она уже не однородно-капиталистическая, а представляет собой совокупность противостоящих друг другу и даже друг с другом противоборствующих, моделей, в том числе и таких, где сам капиталистический способ производства сохраняется лишь в превращенном, подавленном виде. Это хорошо видно по современной нелиберальной антикризисной рецептуре, о которой упоминает Колташов. Она предлагает все больше сужать сферу свободного функционирования капиталистических отношений.

Понятия и подходы, оставшиеся нам в наследство от советского времени, не отражают все оттенки превращения капиталистического способа производства, все переливы его переходных моделей, все стороны форм его разложения в эпоху, когда он преодолевает свои структурные кризисы только благодаря углублению кризиса системного.

Книга Василия Колташова тем и интересна, что в ней предлагаются и развиваются новые подходы и понятия для рассмотрения прошлых и современных общественных реалий, которые выходят за рамки старых «марксистско-ленинских» схем. При этом автор старается сохранить их связь с методологией Маркса. Стремясь придерживаться классической марксистской аналитической традиции, он применяет ее методы для решения ранее не

ставившихся или не имевших ответов вопросов. Это и дает обилие новых интересных выводов в книге, и делает ее столь необычной и увлекательной, что является редкостью в современной науке.

Сказав о проблемах, методах и традиции исследований в наши дни, быть может, для кого-то слишком много, необходимо еще раз подчеркнуть: главное в книге — кризисы, лишь разобравшись в них можно научиться понимать механику великих революций. Потому всякий интересующийся вопросом экономических кризисов с практической ли точки зрения или с чисто познавательной найдет в данной работе немало нового. Она не справочник и не собрание версий событий, а, как не раз подчеркивал автор в личных беседах, сжатое выражение большого и целостного исследования. Задача его проста — сделать кризисы понятными, прогнать «лебедей». Можно ли использовать такое знание в спекулятивной игре на бирже? Вероятно, да. Предсказав обвал рынков в 2008 г., а после новую волну кризиса, автор не скрывал, что в этих ситуациях логично извлекать выгоду или уклоняться от потерь. Вот только дело науки извлекать еще и смысл. Потому Колташов взялся за разбор обширного исторического материала, живо интересуясь при этом вопросами современной экономики и политики.

Первым итогом этой работы является данная книга.

Начав исследование еще до потрясений 2008 г., автор вел его под влиянием большого кризиса современности. Немало людей читали его статьи, доклады и комментарии, знакомились с выступлениями по радио и телевидению. Логика Колташова не всем и не всегда была понятна, но удивляла точность оценок и глубина анализа фактов, будь то политика ЕС в Греции или курс Дональда Трампа в международной торговле. Автор книги очень рано предсказал крах неолиберальной глобализации, паралич ВТО и неизбежность неомеркантильной эры. Но как делались эти прогнозы? Какой в точности инструментарий и какое знание фактов стояли за ними? Те, кто дочитают книгу до конца, смогут оценить это. И все же автор признавался мне, что, порой допуская ошибки или слишком далеко забегая в оценке перспектив, он не отмахивался от проблем, а

стремился уточнить свое понимание работы механизмов капитализма. Он вновь и вновь анализировал ситуации больших кризисов и волн развития XIX и XX в., стремясь уловить нечто новое, что позволило бы лучше понять большой кризис современности. Данная книга делает доступными широкой публике результаты этой многолетней непростой и еще не вполне завершенной работы. Она написана несложным для восприятия языком. Все главы завершаются небольшими обобщениями. Это должно облегчить восприятие весьма непростой и зачастую совсем по-новому подаваемой информации.

Не скрывать открытое — таков главный принцип науки. Главное правило предисловия — не пересказывать книгу, которая, на мой взгляд, вполне соответствует этому древнему правилу познания. Потому остается подчеркнуть последнее: высказанные Колташовым идеи зачастую имеют дискуссионный характер, даже провоцируют спор — это одно из достоинств книги. Она подталкивает к пересмотру ошибочных представлений и открывает пространство для дальнейших исследований. Но всякий имеет право спросить прямо: «Выводит ли эта работа на самом деле познание экономических кризисов и социальных революций на новый уровень? Дает ли она подлинную возможность заглянуть в будущее, понять ново-меркантильные сдвиги нашего времени и раскрыть тайны русской и китайской реставраций? Так ли уж уникален анализ автора?». Об этом следует судить читателю.

Пусть каждый сам делает выводы. Но пусть он и не скрывает их, ибо только так движется вперед познание.

Кандидат философских наук Андрей Александрович Коряковцев

28 мая 2019 г., Екатеринбург

О происхождении этой книги

(10-13 стр. в бумажной версии книги)

Эта книга никогда не появилась бы, если бы мы вполне понимали логику развития общества, а другие тексты обеспечивали готовыми ответами. Однако события XX и начала XXI в. показали, как мало еще прояснены этапность изменения глобального капитализма и смысл великих революций. Противоречия теории и реальности бросались в глаза любому интересующемуся: «социализм», вопреки советскому марксизму, сменился в ряде стран капитализмом, следом зашла в тупик неолиберальная глобализация, «свободный рынок» начал вытесняться новым меркантилизмом (неомеркантилизмом), а мировой кризис оказался тяжелым и многоволновым. Встал вопрос о расширении центра глобального капитализма. В этой ситуации потрясенные новой ломкой экономики люди стали чаще искать ответы в «Капитале» Карла Маркса. Сознawali ли они, что Маркс сам споткнулся о реальный ход истории? Понимали ли, что для ответа на вопросы о современном им кризисе необходимо заглянуть в далекое прошлое и разобраться в нем? В любом случае потребность в новом знании после 2008 г. возросла. Мы должны научиться лучше понимать капитализм и действовать на основе этого в частной и общественной жизни.

Таков вызов эпохи.

Получение нового знания — вот, что двигало автором этой книги на протяжении двух десятилетий. Осознание кризиса марксистской мысли и левой практики, беспомощности либеральной философии и экономической теории для понимания капитализма подталкивали вперед, но не могли дать ответов. Миросистемный анализ, фрейдомарксизм и множество исторических работ, включая французскую школу анналов, демонстрировали сложность общественного развития, но без вскрытия его экономической логики невозможно было подвинуться дальше и снять множество накопленных вопросов. Я избрал отправной точкой торгово-промышленные кризисы и не

удовлетворился вполне их марксовым объяснением. Циклическая теория Николая Кондратьева оказалась полезна, но также не была принята в готовом виде. Только повторное движение по фактам могло позволить преодолеть ее слабости и расширить данное Марксом понимание экономических кризисов и их роли.

Изучение больших экономических кризисов и длинных волн при капитализме было начато мною задолго до потрясений 2008 г. Рассматривалось и влияние этих явления на весь исторический процесс, а точнее, его строение на этой основе. Однако первая серьезная демонстрация результатов работы оказалась связана именно с мировым экономическим кризисом, начавшимся в тот год. Этого требовали экономические обстоятельства. Нужно было применить имеющееся понимание к анализу новой обстановки в мировой экономике, отложив на время широкие констатации и поиск новых переломных моментов на всем протяжении истории капитализма. Таким моментом, к примеру, был кризис 1770-х гг. Выработка исследовательского подхода не была от этого прекращена. В процессе анализировалось то, что люди не привыкли замечать или приучены были объяснять упрощенно, минуя непонятные стороны. Возникали новые проблемы, включая и те, что объективно ставила новая эпоха. Это помогло общему анализу, но не ускорило подготовку его публичного описания.

В 2007—2013 годах я находился в Греции. Здесь в мае 2008 г. был составлен доклад «Кризис глобальной экономики и Россия», были написаны многие другие тексты (в том числе книга о первой волне кризиса), началась работа над книгой «Циклы капитализма». К этому моменту мною обдумывались уже не только большие повороты в истории промышленного капитализма, но и великие революции, меняющие формационные эпохи. Таковыми были кризисы III и XIV в. Рассмотреть их нужно было прежде всего с экономической стороны, причем так, чтобы причины и следствия событий встали на свои места. Особое внимание вслед за этим было уделено мною уже упомянутому кризису во второй половине XVIII столетия, ибо он являлся рубежом, отделявшим

торговый капитализм от промышленного капитализма. Все это должно было сделать более понятной логику уже капиталистического развития.

В 2010—2013 годах я трудиться над книгой «Циклы капитализма». Были написаны главы по XVIII—XIX вв. Часть текста вошла в эту книгу. Но дело в том, что ряд вопросов заставил меня сделать поворот от «Циклов» к смежным и уточняющим исследованиям: по кризисам вообще и реставрациям в рамках великих революций. Одновременно вторая волна глобального кризиса в 2013—2016 гг., рост в мире протекционизма и другие процессы подтвердили верность сделанных еще в начале 2008 г. прогнозов. Это также показало, что отход от концепции больших циклов Николая Кондратьева к длинным волнам был правильным. В 2011 году у меня состоялся разговор с выдающимся советским экономистом Станиславом Меньшиковым, серьезно занимавшимся длинными волнами¹. Я познакомил его в общих чертах с проводимым анализом. Меньшиков высказал мнение, что наблюдения и решения выходят за рамки кондратьевской теории и, возможно, создают новую концепцию.

Стоит сказать, что в 1980-е гг. Меньшиков и Клименко в своей книге отвергали идею «конституирующих кризисов». Они требовали доказать существования запускающих длинные волны структурных кризисов. Это справедливое требование было не так просто удовлетворить. Но задача могла быть решена, что сразу увеличило бы понимание развития капиталистической экономики и облегчило бы решение многих смежных вопросов.

Необходимость постоянно анализировать текущие события забирала у меня много времени, хотя и подталкивала к расширению поля исследования. Оно не было уже чисто экономическим, а включало политический процесс, культурные и иные последствия перемен в экономике. Главное же, что оно включило политические механизмы перемен в экономике как капитализма, так и более ранних обществ. Однако в 2013 г. я возвратился с семьей в Россию. Бытовые затруднения и необходимость заниматься аналитическими докладами, работать в различных проектах и писать многочисленные статьи отвлекали от

1 Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу. М. : Международные отношения, 1989.

исследования несколько лет. Правда, я утвердился в это время в необходимости разделить всю работу на три части — три книги, первую из которых вы держите в руках.

Первая книга, в соответствии со своим названием, ставит задачей вскрыть логику мирового капиталистического развития. С кризиса конца XVIII в. до современного кризиса показано, как менялся капитализм с каждой длинной волной его развития, как волны эти зарождаются и завершаются. Предпринята попытка выделить этапы развития монополистического капитализма, что едва ли было бы возможно без рассмотрения докапиталистических преобразований (естественно, не в том виде, как это делал советский марксизм). Потому анализ охватывает кризис древнеримской экономики и феодального хозяйства. Особое внимание уделено в этой работе модернизационным революциям в буржуазном обществе, стирающим в пыль остатки феодальных отношений. Но автор уклонился от детального изложения их хода, поскольку эта работа блестяще выполнена многими учеными. Зато выделены и проанализированы такие диковинные для восприятия многих людей фазы великих революций, как реставрация и славная революция, процесс завершающий революционный рывок нации. Все это не исключает теоретических обобщений и практических выводов. Они особенно важны, поскольку Великая русская революция все еще не закончена, а движется к окончанию реставрационного этапа, что тесно связано с мировым экономическим кризисом, вновь меняющим глобальный капитализм.

Вскрытие логики капитализма никак не отменяет неизбежности его окончания. Зато горизонт его развития становится более ясным. И это имеет значение, поскольку невозможно предугадать контуры социализма, не поняв капитализм как явления всемирной истории. Потому вопросу о новом общественном строе в книге также уделено внимание. Сделано это исходя из понятого в капитализме. А он продолжал в начале XXI в. свое развитие, сколько бы его критики не утверждали обратное. Однако этот исторический механизм завершит свою работу, возможно, не в самой далекой перспективе. Вопрос о

конце капитализма в книге поставлен исходя из анализа окончания других формационных эпох, а не из радикальной традиции или личных желаний автора.

Таковы были условия рождения этой книги. Таковы ее черты. Она является первой из трех задуманных работ. Вторая будет касаться больших экономических кризисов в деталях, а третья должна будет показать всю логику волнового развития промышленного капитализма. В двух этих книгах главными должны быть детализация и уточнение экономических выводов. Работы эти не появятся быстро. Исследование потребовало больше времени, чем я рассчитывал. Зато оно дало много «боковых» сведений, рожденных широким охватом исторического материала. В конечном итоге это-то и позволило представить новую систематизацию истории классового общества. Потому я и принял решение отложить описание некоторых экономических тонкостей и подготовить эту книгу. Впрочем, это вовсе не означает завершения исследования и, возможно, не исключает ошибок. Я также стремился к тому, чтобы новые факты и закономерности открывались не сразу, а словно бы в результате общего с читателем расследования. Возможно, это достигнуто.

Итак, перед вами книга о закономерностях развития эксплуататорского общества, сменяющих формационные эпохи кризисах, больших экономических циклах капитализма, логике его этапов и модернизационных революциях. Все это я постарался разобрать в единстве, не обходя сложности, включая те, с которыми столкнулся Карл Маркс. В книге этой две части и заключение, затрагивающее вопросы теории социализма и возможностей современной политики. Сама же работа написана в соответствии с античным правилом концентрированного изложения, предполагающим как краткость описаний и обобщений, так и размышление над прочитанными главами. Эти стилистические принципы автор считает наилучшими, тогда как современную погоню за объемом и путаностью — вредной для науки.

Здесь изложение от первого лица заканчивается.

Часть I. Формационные эпохи, этапы и волны капитализма

Глава 1. Неизвестное в кризисах и загадка революций

(14-25 стр. в бумажной версии книги)

Две тысячи восьмой год напомнил человечеству о том, сколь разрушительными могут быть экономические кризисы. Падение на рынках, рост безработицы, долги домохозяйств и правительств, а также проблемы в банковской сфере и обесценивание валют — таковы признаки открытой им эпохи. Они проявлялись в разное время в разных странах, заставляя аналитиков и чиновников спорить о том, когда же будет поставлена точка в истории для многих неожиданно долгого и острого глобального кризиса. Эту точку правительства не раз ставили на протяжении десяти лет с момента начала кризиса. Всякий раз кризис исправлял ее на запятую, чтобы вновь продолжиться, продемонстрировать, что его причины не устранены.

Растянувшийся на второе десятилетие нового века мировой экономический кризис показал беспомощность формального подхода к кризисам. Он вновь, как это уже не раз было в истории, напомнил: острые и длительные хозяйственные переломы неверно списывать на ошибки финансистов, центральных банков или правительств. Они также не могут быть привязаны к перепроизводству товаров, раздутию кредита и чему-либо еще. Все это имеет место, но не позволяет понять ситуацию. А, не понимая столь сложный и затяжной кризис, можно ли было говорить о том, что мы понимаем кризисы вообще? Возможна и обратная постановка вопроса.

Ключ к постижению сути кризиса 2008 г. и последующих лет лежит во множестве других экономических кризисов, включая и те, которые были до капитализма. Таких кризисов два — это кризис III в. и кризис XIV столетия, о котором писали многие ученые с 1950-х гг. Мимо него не проходили Фернан Бродель и Иммануил Валлерстайн. В России им занимался историк Борис Кагарлицкий. Именно этот кризис следует считать родами торгового капитализма, предшественника промышленного капитализма. Работы многих

ученых продвинули наше понимание этого кризиса, но не вскрыли в полном виде его сущности. Более всего прояснилось значение кризиса как экономического, социального и культурного перелома в европейской истории. В середине XVII в. случился еще один кризис, породивший Английскую буржуазную революцию и фронду во Франции. Ранее, во второй половине XVI столетия, прослеживается другой мировой хозяйственный кризис, связанный с оскудением ряда рудников серебра в испанской Америке и исчерпанием возможностей хищнической эксплуатации ее коренного населения. На выходе же Европа получила буржуазную революцию в Нидерландах, считающуюся первой, религиозные войны во Франции и многое иное. Так экономические кризисы предстали творцами революций нового типа. Но эти кризисы не были равнозначны переломам III и XIV в. В иерархии кризисов они стояли ниже этих великих революционных переворотов.

Не миновал без кризисов и «галантный» XVIII в. В 1770-е годы грянул, быть может, один из самых серьезных по последствиям кризисов в истории мира. То был кризис торгового капитализма, кризис лидировавшей тогда британской экономики, ориентированной во многом на внешние рынки, но базировавшейся на мануфактурном производстве, которое легко копировалось странами друг у друга. Этот кризис дал нам индустриальный, машинный капитализм. С этого момента, согласно собранным советским экономистом Львом Мендельсоном данным, берут начало циклические торгово-промышленные кризисы¹.

Являлся ли начавшийся в 2008 г. кризис циклическим? Безусловно, да. Но каково измерение этих циклов? Каковы они? Многое ли современная наука знает об этом? Есть ли у нас законченная и ясная теория циклического развития мировой (зональной, в ранние периоды истории) экономики или хотя бы промышленного капитализма? Такой теории на момент начала современного кризиса не существовало. Различные аналитики подходили к нему с разными линейками. Большинство из них недопустимо коротки; эти системы оценок

основаны на изучении процессов за относительно короткий период времени и по отдельным проявлениям. Даже там, где исследователи пытались опереться на знания обо всей эпохе индустриального капитализма, они не устранили «белых пятен». Ими, например, могли быть кризисы 1770-х и 1810—1820 гг., а также многие иные события. Потому кризис 2008 г. и оказался для многих настолько неожиданным и малопонятным в своей логике.

Но загадка кризиса была столь трудной не для всех.

Девятого июня 2008 г. в России был представлен аналитический доклад «Кризис глобальной экономики и Россия». Документ был подготовлен нашей командой в сжатые сроки — надвигалось большое биржевое падение, а темой доклада был еще только начинающийся мировой экономический кризис. Доклад был опубликован на русском и английском языках. Он вызвал немалый интерес, поскольку содержал как прогноз развития кризиса (включая его первую острую фазу), так и анализ его причин¹. Однако как бы за скобками этой работы осталось исследование всевозможных предтеч глобального кризиса второго десятилетия XXI в. — кризисов прошлого.

Кризис, начатый 2008 г., вызвал бурную дискуссию. Один из поставленных ею вопросов гласил: не является ли столь продолжительный и острый кризис точкой в истории капитализма? Не заканчивается ли с ним время господство капитала? Но не наступит ли вслед за крахом этой системы не социализм, а примитивное общество — постиндустриальный феодализм? Спекуляции различных «ученых» на эту тему продолжают будоражить умы миллионов людей. Вера в подобное развитие событий тем более логична, что марксистская наука с ее верой в светлое будущее, казалось, была посрамлена в XX столетии: вместо коммунизма советский «развитой социализм» пришел к катастрофе. В то же время мыслители либерального толка приучили мир к вере в рынок, который ничего так и не смог сам отрегулировать в 2008—2019 гг.

В современном обществе была также посеяна вера в безграничную вариативность истории. Постмодернизм внушал людям возможность всего.

1 Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Кризис глобальной экономики и Россия». URL : http://igso.ru/world_crisis_and_russia/

Сторонники цивилизационного подхода старались доказать, что все в истории обстоит именно так. По их мнению, кризисы уничтожали цивилизации, тем самым давая дорогу построенным на иных принципах цивилизациям, порой очень жестоким и малокультурным. С этой точки зрения дикость легко сменяла прогресс. Даже приверженцы теории длинного циклического развития капитализма Николая Кондратьева и сторонники идеи постиндустриального общества, не говоря уже о фанатиках глобализации и «свободной торговли» (якобы единственной дороги прогресса), не были способны внушить людям уверенность в лучшем будущем.

Повышение налогов на доходы и имущество трудящихся, рост долгов домохозяйств, девальвации и сокращение правительствами социальных расходов (с ними исчезали трудовые и социальные права) — таков набор постоянно поступавших в 2008—2019 гг. новостей. Периодические декларации властей различных стран об окончании кризиса ничего не меняли. Кризис оставался. Он осознавался миллионами людей, которые хотели бы найти из него выход. Их старались успокоить самоуверенной фразой «Все кризисы проходят», тогда как вопрос состоял в том, как и когда, а вернее, в силу чего они преодолеваются.

Какими бывают кризисы? Каким является современный кризис? Как мы пришли к нему и куда он нас поведет? Какова цикличность кризисов? Как связаны они со сменой формационных эпох, в которых пытался разобраться Карл Маркс? Как вообще следует выделять фазы развития человечества и почему? Для этого необходимо конкретно ответить на вопрос о том, как закончились рабовладельческая и феодальная формационные эпохи. Что еще следует рассмотреть, это каков был процесс рождения промышленного капитализма. Какие кризисы и в какой цикличности он породил, что дает нам понимание их логики? На эти вопросы можно дать ответ, пусть еще и не являющийся полным, но позволяющий лучше понять роль экономических кризисов в истории и сегодняшней жизни.

Готовя первое аналитическое исследование современного кризиса, автор

книги проанализировал большинство кризисов эпохи промышленного капитализма. Однако работа началась с едва ли не первого известного крупномасштабного кризиса рыночного хозяйства — кризиса III в. Он до основания потряс экономику Римской империи, хотя историки больше обращают внимание на его политические проявления. Важность этого кризиса для современного анализа состоит в том, что римская рабовладельческая экономика являлась во многом моделью капитализма — экономики, основанной уже на свободном труде. Но это не все. Кризис III в. перевернул страницу истории, он завершил рабовладельческую формационную эпоху в Европе. Чуть ранее (в конце II столетия) подобные процессы можно увидеть в Китае. Однако именно в Римской империи рабовладельческий строй достиг вершины развития, показал максимум своих возможностей. Такой же вершины достиг к XIV в. европейский феодализм. Созданная им сложная система отношений и распределения функций между разными группами населения, возможно, казалась современникам почти совершенной. Но кризис XIV в. навсегда изменил Европу. В век этого особого экономического кризиса был рожден торговый капитализм.

С торжеством торгового капитализма мир познал первые модернизационные революции. В советской науке вслед за классиками марксизма их именовали буржуазными и буржуазно-демократическими, отделяя от «первой социалистической революции». Этим революциям приписывалась великая роль смены формаций. Но изменяли ли они их? Опыт реставрации частной собственности в России и накопленные за XX в. сведения вскрывают противоречия этого упрощенного видения, основанного на превращенных в камень мыслях Маркса, часто высказанных им самому себе в черновиках, но не скрытых от потомков. Для Маркса в вопросе о смене общественно-экономических моделей развития не все было ясно, он пытался разобраться. Особенно терзали его вопросы в конце жизни, когда экономический кризис 1873—1880 гг., казалось бы, создавал ощущение, что перед нами «капитализм в состоянии кризиса, который окончится только

уничтожением капитализма». Отвечая русской марксистке Вере Засулич на письмо в марте 1881 г., Маркс написал четыре наброска. Он явно подыскивал слова, отражающие реальность наилучшим, а не наиболее философски красочным образом. Но говорит ли он в письме Засулич о современном ему и наблюдаемом в тот момент экономическом бедствии или о некоем общем кризисе капитализма?¹

Маркс желал наступления нового общества. Однако он переоценивал роль уже завершавшегося в тот момент экономического кризиса. Вместо конца капитализма кризис принес монополистический капитализм и колониальную экспансию, позволившую спустя некоторое время говорить об империализме.

Вот как Маркс формулирует свою мысль в набросках к ответу Засулич: «Лучшим доказательством того, что такое развитие «сельской общины» соответствует направлению исторического процесса нашего времени, служит роковой кризис, претерпеваемый капиталистическим производством в европейских и американских странах, в которых оно наиболее развилось, — кризис, который кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа — к коллективному производству и коллективному присвоению». В отосланном Засулич письме Маркс остался сдержанным в оценках². Ответ для него был не так важен, как собственные размышления, которые позднее так легко были залиты в узкие формы общественно-экономических формаций и искажены в концепции социальных революций, совершаемых как революции угнетенных классов во имя новых отношений. Маркс долго думал над ответом. В итоге он исключил из него весь оптимизм по поводу якобы грядущего конца капитализма. Он сделал это в силу сомнений.

Маркс умер в 1883 г. В последние годы, несмотря на болезнь, он мысленно много раз возвращался к сделанным в молодости прогнозам и выводам. Его осторожность в ответе Засулич, при том что он несколько раз пытался развернуть свой ответ, логична. Мыслитель здесь остановил пылкого

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 250—251.

2 Там же.

революционера. Все это не помешало последователям позднее зацементировать идеи классика. Так возникла «пятичленка», советский формационный подход, где главные этапы истории сменялись как общественно-экономические формации. Между тем в «К критике политической экономии» Маркс писал: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹. Правильнее говорить о формационных эпохах, где присутствуют различные способы производства, баланс между которыми меняется в сторону исторически более прогрессивного. Это вовсе не означает более эффективного экономически. Эффективность его велика в потенциале. Все эти тонкости необходимо выделить, показав и то, как проходят качественные перемены.

Первым категорию «формационная эпоха» выделил российский философ-марксист Андрей Коряковцев. Он подчеркнул: она неравнозначна понятию «формация» и более гибко описывает процесс, позволяя его понять и лучше увидеть в нем различные тенденции. К этому следует добавить и это будет подкреплено далее фактами, что формационные эпохи имеют общие для множества стран временные границы. Они заканчиваются и начинаются для народов в одно или близкое время.

Формационные эпохи полны неизвестного. Но интерес представляет и вопрос о переходе от торгового к промышленному капитализму. А произошел он не под влиянием социальной революции, а в результате экономического кризиса 1770-х гг., о котором в этой книге будет сказано немало. Советский марксизм определил социальные революции как резкую смену общественного строя, производимую при активном участии широких масс насильственную перемену. В результате ее устраняются преграды на пути развития общества, и надстройка (государство и отношения) приходит в соответствие с экономическим базисом. Однако лишь преодоление феодальных отношений и связанных с ними политических форм удалось в полной мере подвести под

определение социальной революции.

Великая русская революция, как и революция в Китае, не привела к переходу от капиталистического строя к социализму. То, что называли социализмом, на деле было временным явлением, переходной формой. Она возникла для решения революцией своих задач, состоявших не только в сносе феодальных пережитков, но и в модернизации страны. В этом плане все буржуазные революции носили модернизационный характер. Но чем позднее они происходили, тем более сложной оказывалась эта задача, тем более возникало внешних и внутренних преград, тем дальше заходили эти революции. И всякая социальная революция рождала новые радикальные формы и отношения, во многом отрицавшие на этапе реставрации. И всякая революция (в экономической или политической форме) проходила этот этап, лишь по окончании которого становилось ясно, как далеко должна была завести общество эта революция. Но что представляет собой окончание реставрации? Каким оно было во Франции и Англии? Каким оно может оказаться в России? Куда в итоге должна будет прийти страна? И какую роль выполняют в процессе исторического развития реставрации?

Все модернизационные революции имели место в условиях мирового торгового или промышленного капитализма. Все они решали задачу преодоления связанной с феодальными и более ранними отношениями отсталости. Однако развитый торговый и производственный капитализм имел место в отдельных — центральных — зонах мировой системы. Основной вопрос революций в Нидерландах и Англии состоял в отказе буржуазии и обуржуазившегося дворянства, чьи хозяйства не просто ориентировались на рынок, но строились на свободном труде, от союза с феодальной знатью. Эта узкая группа общества вовсе не являлась рыцарством Средних веков. Под влиянием кризиса XIV в. она избрала рыночные ориентиры и вступила в союз с богатым купечеством и банкирами. Разрыв этого союза буржуазией — вот чем были первые буржуазные революции. Союз этот находился к моменту их начала в кризисе, чаще всего носившем форму провала внешней политики и

финансового кризиса государства. Оно оказывалось неспособно обеспечить экономический рост, и его политика отбрасывала общество обратно. Между тем буржуазия как класс выросла к этому моменту и считала возможной требовать больших прав, новых условий деятельности, а с какого-то момента и всей полноты власти. Не сразу, но неизбежно вопрос о власти делался для буржуазии главным.

В ранних буржуазных революциях (голландской и английской, совершившихся до перелома 1770-х гг.) сельская и городская буржуазия выдвигала сильных лидеров. Сила их была не столько в личных чертах, сколько в доверии своей партии и в концентрации полномочий в рамках революционного процесса. Так, «при всех своих качествах Оливер Кромвель (несмотря на то, что он ярко смотрелся на фоне английского парламента) не был более выдающимся, чем Людовик XIV или Густав Адольф». Еще скромнее выглядел его нидерландский предшественник. «Сравнивая избранного голландской революцией вождем Вильгельма Оранского и его современников, таких выдающихся политических деятелей, как Филипп II в Испании, Генрих IV во Франции, Иван IV Грозный в России, Стефан Батория в Польше и Елизавета в Англии, мы можем сказать, что никаких выдающихся качеств он не имел»¹. Во всяком случае, нужными для превращения в вождя нового исторического движения качествами были не столько военная одаренность, навык дипломата и администратора, сколько смелость пойти на разрыв со старыми правилами и последовательность в борьбе с противником революционной партии.

В отличие от революций XVI—XVII вв. более поздние революции — американская и английская — решительно выдвигали принцип коллегиальной власти. Они смелее изымали и распределяли имущество. Во Франции значительная часть земель была продана мелким собственникам, бывшим зависимым крестьянам. Был также нанесен сильнейший удар по связанной со старым порядком крупной буржуазии. В результате возник слой новых крупных

собственников, нуворишей (от фр. *nouveau riche* — новый богач).

Революции XX в. ушли дальше своих предшественниц. Великая русская революция провозглашала коллективную власть трудящихся классов в форме советов, постоянно обновляемых представительных органов всех уровней. Собственность помещиков и капиталистов перешла в распоряжение народа и его представителей. Сам класс капиталистов был ликвидирован как «отживший», как помеха форсированного общественного развития, на деле являвшегося большей частью доразвитием. Революционная партия собрала в своих руках власть и собственность, которые затем перешли в распоряжение нового класса — не временных управляющих, а капиталистов. Это были нувориши Великой русской революции, появились они лишь спустя много десятилетий после ее начала, и не на стадии термидора, а в результате реставрации частной собственности. Подобным образом шли перемены и в Китае. Здесь новый господствующий класс тоже первоначально оформился из представителей бюрократии и партийного начальства или связанных с ними лиц.

В странах западного капитализма имели место отличные процессы, со временем оказавшие влияние на «социалистический лагерь». Пролетарская революция, о которой говорил Маркс, поднялась в первой половине XX в. как великая волна. В государства с феодальными пережитками она принесла модернизационную революцию нового поколения. В ней рабочий класс был главной движущей силой, но радикализм преобразований был обеспечен энергией возмущенного крестьянства. В странах с утвердившимся к тому времени промышленным капитализмом пролетарское движение также поднялось, но расстановка сил здесь оказалась иной, нежели в России или Китае. Самым решительным политическим организатором этого движения в странах развитого промышленного капитализма были коммунистические партии. Социалисты и социал-демократы выражали материальные и политические требования рабочих в менее радикальной форме. Кризис 1929—1933 гг. показал: капитал не может не идти навстречу рабочему классу,

поскольку экономике нужно повышение спроса с его стороны. После Второй мировой войны эта необходимость нашла выражение в кейнсианской экономической политике. В этом смысле рабочий класс одержал крайне важную победу, избавлявшую его от бедности в группе экономически наиболее передовых государств. Так возникло «общество потребления».

Впервые указал на то, что это изменение должно рассматриваться как результат своеобразной пролетарской революции Андрей Коряковцев. Также оно может быть оценено как реализация прогноза сделанного Марксом в рукописях 1844 г. Рассматривая вопрос о политической активности пролетариата, Коряковцев сказал: «Политическая деятельность является потребностью рабочего класса, поскольку, только участвуя в ней, он удовлетворит свои классовые интересы. Но она не является потребностью эмпирических пролетариев, поскольку их жизненные, житейские цели и задачи лежат вне пределов политической сферы общества». По оценке Коряковцева, политические теории, «начиная с учения Ф. Лассаля, который первым стал создавать национальную пролетарскую партию, а затем ленинизм, троцкизм, сталинизм, учение Д. Лукача, грамшианство и т.д.», следует «выделить и противопоставить классическому марксизму как просветительские теории рабочего класса»¹. В итоге политическая активность рабочего класса во второй половине XX в. снижается в силу удовлетворения его материальных запросов.

Коряковцев заключает: «Маркс ошибся не столько в предсказании мировой пролетарской революции, сколько в определении ее конкретных результатов». Им можно считать создание такой социальной системы, «перераспределительного социализма», где сохраняется капиталистический способ производства, но его продукты становятся более доступными для рабочего класса в силу социальной политики государства и кредита. Мысли эти были развиты им вместе с Сергеем Вискуновым в работе «Марксизм и полифония разумов», посвященной обнажившимся в XXI в. проблемам

1 Коряковцев А.А. Социальные прогнозы К. Маркса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. С. 70—85.

философии марксизма¹. Они отмечали: игра в марксоведение и коллекционирование знаний о различных течениях марксизма заслонили от большинства левых мыслителей изменение капитализма, поведения и мироощущения рабочего класса.

Трудящиеся остыли к радикальным идеям и в странах «реального социализма».

Реставрация частной собственности — таким оказался результат «социалистических» революций. То была политическая катастрофа для левых. Однако еще важнее оказалось фиаско радикального марксизма, провозглашавшего скорый, уже наступающий крах якобы отжившего капитализма. Этот общественный строй на практике доказал, что не был понят в должном виде: даже великие революционные мыслители, такие как Владимир Ленин и Лев Троцкий, принимали желаемое за действительное и ошибочно понимали предстоящее. Немногим лучше оказался Иосиф Сталин. Хотя он все же сделал ставку не на Коминтерн, а на прагматичную внешнюю политику и начал восстановление важных для национального развития буржуазных символов. С началом холодной войны эти процессы оборвались.

Авторам советских учебников научного коммунизма крах капитализма виделся скорым. Они находили множество «доказательств» его общего кризиса, упадка, вырождения и надвигающейся гибели, тогда как никакого серьезного инструментария к анализу этого строя не применяли. Глубину его истории измерить не пытались.

Было несложно предсказывать конец эксплуататорского общества на основе циклических кризисов, войн, социальных протестов или распада колониальной системы европейских стран. Пророчества эти не стоили ничего, поскольку ни на что, кроме впечатлений, не опирались. Большая логика развития капитализма была пророкам неизвестна. Теория была догматизирована и вульгаризирована, и даже передовые марксисты не всегда знали, как быть с новыми фактами.

Однако до того как произошло окаменение марксистской теории, Роза Люксембург в книге «Накопление капитала» невольно бросила вызов идее скорой гибели капитализма и упрощающему исторические процессы подходу. В этой работе она на теоретической модели показала: капиталистический способ производства может существовать, пока идет расширение зоны его применения¹. Расширение рождает накопление капитала. С одной стороны, концентрируются средства производства, с другой — формируется масса наемных работников. Этот класс пополняется за счет выходцев из села, нередко еще недавно существовавшего вне рыночных отношений. Процесс этот усилился во время глобализации 1980—2008 гг. Усилилась и эксплуатация труда. Но капитализм не достиг предела, а мировая революция не опрокинула этот строй. Кризис левой мысли в этот период не был преодолен, зато человечество продолжило накопление знаний.

Во вступлении к работе Фернана Броделя «Структуры повседневности: возможное и невозможно» историк Юрий Афанасьев приводит мнение французского философа-марксиста Луи Альтюссера. Тот однажды упрекнул историков, что те довольствуются констатацией, а не видят, что исследуемые ими явления обусловлены способом производства². Однако одной из причин кризиса марксизма был избыток теоретических заключений при недостатке констатаций. Если в XIX в. и первой половине XX столетия многие факты прошлого еще не были подняты на поверхность и первично проанализированы, то делом второй половины минувшего века стал именно такой сбор и разбор фактов. Многие делались в форме истории повседневности или различных сторон материальной жизни общества. Привязка изучаемых явлений к неточным или ошибочным теоретическим положениям могла повредить делу познания. Это отлично продемонстрировал советский опыт, где всякое новое должно было подкреплять уже установленное. Потому, вводя новые факты или процессы в оборот, ученые старались найти такие цитаты классиков марксизма,

1 Люксембург Р. Накопление капитала. М. : Государственное издательство, 1924.

2 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. С. 20.

которые защищали бы от упреков в ревизионизме. Новое в марксистском понимании мира не должно было конфликтовать с ранее установленным.

Конфликт же этот обострила и вскрыла сама история. Реставрация в России и Китае частной собственности в конце XX в. показала, сколь недостаточно понимали левые философы мир и сколь мало улавливали изменения в нем. Они вслед за Марксом и Энгельсом провозглашали стремление изменить его, тогда как он все еще нуждается и в понимании. Принципиально важные для этого факты накапливались и дополнялись ценным первичным анализом, пусть даже носившим поверхностный позитивистский характер. Однако приход в 2008 г. нового мирового кризиса должен был дать толчок к переменам, поскольку этим кризисом разрушалась привычная неолиберальная среда. Мир вступил в новый период преобразований, эффективное участие в которых едва ли возможно для левых без понимания логики всех предшествующих и происходящих перемен.

Необходимо разобраться в том, как конкретно заканчиваются и рождаются формационные эпохи, строятся и ломаются возможные в них общественно-экономические отношения, какую роль играют реставрации в рамках великих модернизационных революций в эру капитализма и какова его большая цикличность. Не менее важно и то, как в ней работают кризисы, что за перемены они несут и как изменяют логику развития.

Краткое обобщение. Вопросы кризисов и революций в истории мира не является настолько простыми, чтобы существующие ответы можно было счесть удовлетворительными, но ответы могут быть получены, если двигаться вслед за фактами и не бояться переступать через догматы; первым шагом является введение понятия «формационная эпоха», описывающего время развития рабовладельческой, феодальной или капиталистической формы отношений; в рамках такой эпохи происходят экономические кризисы различной иерархии, а с приходом капитализма и великие революции.

Глава 2. От неолитической революции к великому кризису III в.

(25-36 стр. в бумажной версии книги)

Неолитическая революция с ее переходом к сельскому хозяйству от охоты и собирательства, по всей видимости, должна считаться рождением первой формы классового общества. Марксистская традиция именует его рабовладельческим строем. Однако далеко не сразу и далеко не везде труд рабов стал основой экономики. И все же появление этого класса и развитие производительных сил на основе его эксплуатации обеспечило прогресс общества. Старт этому процессу дала неолитическая революция, а предел положил кризис III в. Потому маркировка этого времени как рабовладельческой формационной эпохи должна быть принята и будет применяться далее как корректная. Рабовладельческий способ производства, справедливо именуемый как античный (греко-римский в своем рождении), развился в условиях этой эпохи и показал пределы предоставленных ею возможностей.

Неолитическая революция дала людям тот прибавочный продукт, который позволил установиться отношениям эксплуатации человека человеком в их первом виде. При этом первоначально рабство имело в возникшем аграрном обществе эпизодический вид. Рабовладельцем могли выступать первые купцы или даже общины.

Вероятно, в первые века земледелия людей не оставляло ощущение благополучия установившейся жизни, уверенности в будущем и радости избавления от страха голода. То была эпоха, которую нередко называют «золотым веком» или высшей стадией «первобытного коммунизма». Однако новые условия привели к постепенному разрушению гармонии, даже если она держалась тысячи лет.

После неолитической революции в зонах распространения сельского хозяйства росло население. Развивались обмен и разделение труда в производстве. Вместе с этим росло и расслоение. Возникли первые города, в

которых труд рабов применялся все чаще. При этом необходимо оговориться: рабовладельческая экономика с этого периода до времени расцвета торговых полисов Греции может быть выделена лишь условно, поскольку основную массу продуктов создавал труд свободных людей, общинников, хотя в экономике богатых городов (особенно с появлением крупных монархий) эксплуатация рабов играла немалую роль.

Но прежде чем все это произошло, начались войны между племенами и их союзами. Появилась привилегированная группа вождей. Существовавшие в то время купцы не могли не соблазнить ее представителей возможностью получения богатств и жизни в лучших условиях, чем имели соплеменники. На следующем этапе, в результате роста населения в зонах наибольшего развития земледелия, возникает монархическая власть с дворцами как ее средоточием и складывается «азиатский способ производства» с его властителем и чиновниками. Рабам было найдено место в экономической системе, причем стало понятно, что эксплуатация их чрезвычайно выгодна хозяевам и еще более возвышает их над обществом общинников, свободных земледельцев. Еще более усилилось разделение труда. Возникли сети городов. Расширился обмен продуктами производства.

Так из новых экономических условий начал развиваться рабовладельческий порядок. Он возник не в результате социальной революции, понимаемой как резкая смена строя насильственным способом, хотя насилие в конфликтах земледельцев и приверженцев более архаичных отношений едва ли было редкостью. Но само установление необходимых условий для развития рабовладельческого способа производства явилось сменой формационной эпохи, даже если первоначально ни один свободный общинник не превратился в раба и не подвергался эксплуатации соплеменниками.

Подобным образом, в результате позднейших кризисов III и XIV в., были созданы условия для развития новых, феодального и капиталистического способов производства. Хотя первый кризис не уничтожил института рабства, а второй — феодальной зависимости. Потому корректно говорить именно о

старте формационной эпохи, но не об установлении общественно-экономической формации в ее принятом в советском марксизме понимании. В этой логике формационные эпохи сменяются для обширных территорий, где проживают многие народы, а не разновременно для разных народов. Это никак не отменяет отставания одних и высокой степени развития других страны к концу эпохи, всякий раз в классовом обществе, отмечаемом глубоким и продолжительным экономическим кризисом. В ходе формационных эпох происходит ограниченное природными условиями и во многом ими же обусловленное своеобразное соревнование различных соприкасающихся экономических зон мира. Одни государства полностью используют потенциал эпохи, как Римская империя смогла извлечь максимум возможного развития из эксплуатации труда рабов. Другие, как Китай того же времени, подходят к кризису (имеется в виду кризис III в.) с организацией общества, не отражающей рабовладельческую рыночную экономику. Это отставание не спасает от хозяйственных потрясений.

После долгого кризиса XIV в. в XV в. вступает обновленная Западная Европа. В то же время возникает Османская империя, которая как, кажется, несет в себе не только сильные стороны, но и слабости раннего феодализма.

Османская империя, как держава новая и созданная почти с чистого листа, имела военно-административные преимущества раннего феодального порядка, которые в длительном соревновании с другими державами рассыпались или предстали ее пороками. Они в значительной мере открылись в XVII-XVIII вв., но стали заметны уже в XVI в. Например, в битве при Лепанто (1571 г.) турецкий лук был неудачно противопоставлен многочисленному и разнообразному европейскому огнестрельному оружию, а галеры османов — более крупным парусно-гребным галеасам католической коалиции.

Кризис перевел на новый этап развития страны, которым суждено играть роль центра в экономических процессах. Формационная эпоха сменилась. Страница истории переворачивается, и неразвитость множества народов этому никак не мешает. Позднее часть из них будет вынуждена проводить

радикальные прогрессивные реформы и осуществлять революции, обеспечивая этим догоняющее развитие. Такое догоняющее развитие, учась на чужом опыте и копируя практики, вынуждены были осуществлять и древние племена.

Начавшаяся не без внешних затруднений неолитическая революция также передала новой эпохе общины и племена. Историки продолжают исследовать причины этого переворота. Он явно произошел не только в результате изобретения земледелия и его применения в наиболее благоприятных зонах Евразии, но также из-за исчерпания здесь возможностей первобытного строя — исчерпание в ряде зон добычи и полезных растений. Подобное исчерпание возможностей позднее дважды обнаружится под влиянием изменений климата, ухудшения условий для земледелия в III и XIV столетиях.

Рабовладельческая или древняя формационная эпоха породила общественные классы. Основными классами, согласно советскому марксизму, стали рабовладельцы и рабы. Но до развития рыночной экономики полисов Эллады, а после Римской республики и империи скорее можно говорить о господстве условных рабовладельцев в монархиях Востока. Роль же рабов, их положение и количество не позволяет говорить о них как об очевидно основном классе. Скорее, это был потенциально основной класс. Этот потенциал был реализован в античную (греко-римскую) эпоху. С III века до н.э. по III век она переживает экономический расцвет. В этот же период частная собственность предстает как основа общества. Это прежде всего собственность рабовладельцев на средства производства и самих работников — рабов.

На Востоке монархи выступали нередко концентрированным рабовладельцем. В других частях цивилизованного мира собственников было множество. Здесь государство стало тем аппаратом насилия, подавления и контроля, что обеспечивал господство над массами рабов. Масса их возрастала вместе с увеличением экономического значения рабства. Возникнув во многом как средство защиты и поддержки общин земледельцев, государство постепенно стало политической машиной (основным институтом классового общества), не только управляющей обществом, охраняющим его

экономическую и социальную структуры, но отстаивающим интересы господствующего класса и мешающим их социальным противникам. В его рамках в эпоху господства рабовладельческих отношений велась внутренняя борьба между различными группами населения, включая и потенциальных рабовладельцев, какую бы низкую ступень социальной лестницы они не занимали. Эта внутренняя борьба достигла пика в эпоху поздней Римской республики, выразившись в восстаниях и гражданских войнах. Они сыграли немалую роль и в момент глубочайшего кризиса всего строя в III в.

В рабовладельческую формационную эпоху произошло отделение умственного труда от физического. Начали складываться наука, литература, искусство. Постепенно они стали играть в жизни общества все большую роль. Подлинным чудом этой формационной эпохи стало развитие денег, торговли и рыночного производства. Все это достигло своего апогея в римскую эпоху, когда италийский город покорил страны Средиземноморья, когда его правители погрязли в роскоши, а плебс, как писали многие, был развращен. Величие и порок соединились так сильно, что создали впечатление, державшееся даже спустя тысячу лет после падения Рима.

Христианские мыслители не раз утверждали: Римскую империю погубила распущенность нравов. Поклонники язычества и античной философии возражали: крушение Западного Рима произошло уже после торжества веры в Иисуса и строгой морали. Бани к тому времени широко переделывались в храмы, что лишь способствовало эпидемиям. Вполне возможно, что неудачи римской государственности подпольные язычники V—VI вв. связывали с предательством народом и властителями «истинных» старых богов.

Моральные споры не способны дать верного ответа. Они лишь запутывают дело. Нелепо было бы рассматривать и развернувшийся в 2008 г. кризис как продукт отказа от протестантской этики капитализма или замены семейных ценностей узким рыночным индивидуализмом. Он также не был вызван отказом от кейнсианской экономической политики и социального государства в странах с развитой индустрией, так как все это произошло логично, и было

неизбежно. Но точно так же неизбежен был крах неолиберальной экономической стратегии, так долго господствующей в мире. Что же касается формационной эпохи, давшей такое развитие экономике рабского труда, то она завершилась раньше гибели Римской империи.

Упадок Римской империи происходил после катастрофической эпохи солдатских императоров, именуемой еще кризисом III в. Пять десятилетий государство раздирали гражданская война. Императоры сменялись один за другим, как правило, погибая насильственной смертью. Правление в три года считалось продолжительным, а если оно обходилось без одновременного царствования соперника или нескольких конкурентов в других частях империи, это было совсем уж хорошо. Границы государства в этот период осаждались варварами, а в политике боролись две силы: сенат, представлявший крупных земельных собственников, и средний слой рабовладельцев, они и выдвигали солдатских императоров. Историки старательно распутывают политические узлы эпохи, подготовившей будущий крах империи. Но возможно ли разгадать их экономические причины? Понимание их должно помочь прояснить логику смены формационных эпох. Чуть менее важно, выявление древних механизмов масштабных кризисов, в века капитализма способных тянуться долгие годы или даже десятки лет. Все это (включая начавшийся в 2008 г. кризис) никак не укладывается в прокрустово ложе циклов Клемана Жюгляра, которые должны случаться раз в 7—11 лет и занимать немного времени, никак не охватывая целые эпохи. И хотя этот французский экономист XIX в. создал теорию для промышленной эры, кризисы рыночных систем мы находим и ранее. Даже ранее III в.

Уроки Римской империи интересны сегодня во многом и потому, что это была рыночная империя. Она сталкивалась с проблемами потребительского спроса, сходными с теми, что известны современному обществу.

Рабовладельческий способ производства прошел несколько стадий развития. Сначала он выглядел «азиатским» — нерыночным в своей основе, когда труд рабов производил натуральный продукт и большого значения для

экономики не имел. Маркс потому и разделил азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства. Говоря о древности, если мы сравним азиатский и античный (рабовладельческий) способы производства, то разница между ними будет огромна, пусть они и сосуществовали многие столетия, хотя азиатский способ производства явно предшествовал античному, поскольку тот развился на его базе в отдельных зонах мира: в Элладе и ее колониях, Риме и Италии, Карфагене и других колониях Финикии на Западе. Потому для древней или рабовладельческой формационной эпохи будет верно признать, что оба этих способа производства отражали лишь стадии единого процесса, при том что античный способ производства как высшая форма использующего труд рабов общественного хозяйства мог развиваться не везде. Даже на Востоке, куда греческие мигранты во время походов Александра Македонского и после — во время диадохов (др.-греч. διάδοχος — преемник) принесли античные формы хозяйствования, развитие его шло зонально. Два способа производства, выделенных Марксом, соседствовали. Сосуществовали даже два типа города: самоуправляемый полис с большой долей греческого населения и рабов и подчиненный власти царя традиционный восточный город. Первые были крупнее и стояли на важнейших торговых путях, обеспечивая эксплуатацию внутренней периферии. Города второго типа как раз принадлежали к этой внутренней периферии. Лишь Римская империя, далеко не сразу и не везде распространив латинское и римское право на подвластные города в провинции, смогла понизить долю «азиатского» в античной экономике.

Волну прогресса принесли древнему обществу греческие полисы: как политическая форма города-государства отражали развитие мелкого рыночного рабовладельческого хозяйства. Не случайно этот период истории оставил нам множество серебряных монет. Их непрерывно находят археологи в местах, где стояли греческие города, включая и черноморское побережье. Полис как сообщество мелких рабовладельцев создавал не только товарное предложение, но и спрос. Олигархи той поры по более поздним римским меркам являлись

собственниками средней руки. Успех македонских завоеваний дал полисной системе новые ресурсы и новые области для экспансии — создания новых полисов. Они были заинтересованы в эллинистических монархиях, так как те перераспределяли внутри государств ресурсы от «азиатской» экономики к новым античным центрам. Модель эта не могла не оказаться в кризисе, ставшем кризисом всех эллинистических монархий.

Новую волну прогресса в древнем обществе нес Рим.

Торжество Римской республики в Средиземноморье обернулось развитием более крупного рыночного рабовладельческого хозяйства. Не столь большими стали поместья, сколь много их сосредотачивалось в одних руках. И, конечно, тысячи рабов в таких поместьях производили продукты не для потребления владельцев. Нацеленность хозяйства была рыночной. Не случайно некоторые западные историки XIX—XX вв., как это делал немецкий ученый Теодор Моммзен, называли это время едва ли не капиталистическим. Моммзен, в частности, указывал: «...на столичном денежном рынке ссудный процент был равен лишь шести и что деньги в Риме были, таким образом, дешевле, чем когда-либо во всей древней истории»¹. Здесь следует уточнить: речь идет о республике в период диктатуры Юлия Цезаря, уже одержавшего победу над оптиматами, партией олигархии.

Во время, когда римский мир — *Pax Romana* — переходил от олигархической сенатской республики к империи, рыночные отношения способствовали укрупнению городского производства. Тогда в ответ на выражавшийся в обнищании граждан кризис была реализована своеобразная кейнсианская программа. Она (в лице первых императоров династии Юлиев-Клавдиев) наделила имуществом множество пролетариев и восстановила средний сегмент в экономике². Это было достигнуто в непростой политической борьбе и стало основой экономического подъема I—II вв.³ Косвенным выражением успеха этой политики стал культ Цезаря, Августа и Августы в

1 Моммзен Т. История Рима. СПб. : Наука : Ювента, 1997. URL : <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1355853009>

2 Егоров А.Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. М. : Нестор-История, 2014.

3 Колташов В.Г. План Цезаря годится и для нас. URL : <http://svpressa.ru/economy/article/136244/>

римских колониях. Множество граждан почитали их как богов, и это было формой благодарности. Так, в испанской Таррагоне люди поклонялись огромной статуи Октавиана Августа, элементы которой и реконструкцию можно видеть в местном музее. Храм императора и бога Августа вообще был главным в этом важнейшем для римлян пункте в Испании.

Потребители из сотворенного империей нового многочисленного «среднего класса» создали запрос на новые товары, что помогло вырасти новому производству. Центрами спроса, аккумуляции богатств и сбыта товаров являлись многочисленные римские колонии, полисы эллинского происхождения, романизированные и эллинизированные города.

Стоит обратить внимание и на городское производство. Слово «фабрика» латинского происхождения (лат. *fabrica* — мастерская). Им обозначают мастерскую, в которой между работниками существует разделение труда. От европейской мануфактуры эпохи торгового капитализма римскую фабрику отличало лишь то, что работали на ней зачастую рабы. Подчас десятками тысяч исчислялись невольные работники, трудившиеся на рудниках. Правда, труд их не был особенно производительным. По некоторым оценкам, чешский рудник XV в. со 100—150 рабочими мог дать столько же продукции, сколько римский рудник с тысячами подневольных работников.

В Римском государстве серийно производились не только статуи императоров, но также доспехи и оружие легионеров. По той же схеме строилось производство простой глиняной посуды, шерстяных и льняных тканей. Хозяйственный строй, разумеется, был рабовладельческим, и труд рабов в огромном рыночном сегменте экономики играл решающую роль. С конца III в. можно определенно судить, что основную продукцию в сельском хозяйстве империи давали уже зависимые земледельцы (колоны). В тот кризисный век происходит еще нечто важное: быстро обесцениваются деньги. Вероятно, немаловажную роль здесь сыграло разорение класса средних потребителей, тех, на кого ориентировалось в массе сельское и городское производство. Мы можем судить об этом хотя бы из того, что в последующую эпоху происходит

натурализация хозяйства в селе. Городское же население власти пытаются прикрепить к месту и традиционному занятию.

Огромную роль в запуске кризиса сыграло истощение почв и аграрное перенаселение. Не случайно историки констатируют, что приграничные северные провинции еще продолжают развитие в III в. Возможно, в этих областях, не так давно отобранных у варваров, еще имелись условия для рабовладельческого развития. В конце II в. империю посетила чума. Эпидемия оказалась чрезвычайно сильной. Умер даже Луций Вер (169), брат и соправитель императора Марка Аврелия. В последние годы этого столетия не знавшее внутренних конфликтов более века римское государство пережило гражданскую войну. Династия Северов на время стабилизировала положение политически, но после убийства Каракаллы (217) плотину прорвало. Все это особенно важно, если учесть: в I—II вв. насильственная смена власти происходила в основном без сражений между римскими армиями. Военная сила имела значение, особенно велика была роль преторианской гвардии, но даже в наиболее сложный момент — после гибели в 68 г. императора Нерона глава армии в Палестине Флавий Веспасиан сумел захватить власть без сражений с другими римскими войсками. Все это произошло в «год четырех императоров» (68—69). Тогда римские легионы во многих частях страны сражались с римскими легионами. Но то был единственный пример подобного вплоть до гражданской войны 193 г., приведшей к власти полководца Септимия Севера. На смертном одре он сформулировал суть своего правления, весьма сильно отличного от правления прежних цезарей. Сыновьям своим он завещал жить дружно, обогащать солдат и не обращать внимания на остальных. В III веке действовать так будут пытаться многие. Однако материальный кризис ограничит их возможности.

В книге «Римская Империя в III веке нашей эры» Иван Сергеев пишет: «В литературе характер кризиса III века в Римской империи определяется далеко не однозначно. Историки называют этот кризис политическим, внутри- и внешнеполитическим, социальным, экономическим и финансовым,

политическим, военным и финансовым, политическим, социальным, экономическим и культурным, всеобщим. При этом они не всегда обосновывают свои суждения по данному вопросу и опровергают другие мнения по нему»¹. Сергеев фиксирует замечательную мысль коллеги-историка: «А. Шастаньоль отмечал, что в политэкономии под кризисом понимается короткий момент трудностей, но в случае с кризисом III века в Римской империи нужно вести речь о длительном периоде неурядиц и упадка»². Важность этой мысли в выделении противоречия обнаруженного историками факта кризиса и принятыми в экономическом сообществе представлениями о кризисах, пусть и взятыми лишь как кризисы рыночного капиталистического хозяйства.

Экономические последствия кризиса III в. бесспорны. Это «разорение многих ранее доходных хозяйств, основывавшихся на эксплуатации труда рабов, распространение латифундий с колонами в качестве основной рабочей силы, упадок благосостояния городов вследствие развития ремесленных производств в латифундиях, использование в латифундиях примитивных форм хлебопашества и скотоводства, падение урожайности, запустение многих ранее обрабатывавшихся земель; в социально-классовой структуре общества — вытеснение рабского труда трудом колонов, прикрепление свободных ремесленников к профессиональным коллегиям, разорение мелких и средних муниципальных собственников, усиление экономических и политических позиций в обществе собственников крупных земельных владений, не входящих в городские общины»³. Сергеев перечисляет их, ссылаясь на работу О.В. Кудрявцева⁴. Стоит подчеркнуть, выпад историков в сторону экономической науки вполне обоснован. В III веке имел место кризис именно рыночного хозяйства. И хотя едва ли когда-либо будут найдены тексты того времени, где

1 Сергеев И.П. Римская Империя в III веке нашей эры. Харьков : Майдан, 1999. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/sergeev/03.php

2 Там же.

3 Там же.

4 Кудрявцев О.В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 300; Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 314—315; Федосик В.А. Церковь и государство: критика богословских концепций. Минск: Наука и техника., 1988. С. 8.

события трактовались бы в таком ключе, фиксируя сокращавшие спрос и производство, как кризисные, но это не отменяет важности этого переломного момента для мировой экономической истории.

Кризис III в. интересен и тем, что он впервые представлял собой явление, которое можно истолковать как кризис условно циклического характера. Своеобразным повторением его явился кризис XIV в., также связанный с истощением почв в Европе и вызванный похолоданием (пессимумом). Анализируя древнеримские кризисы, А.Б. Егоров выделяет следующие их формы: кризис роста, кризис перелома, кризис упадка, кризис краха¹. Такая оценка указывает, что все кризисные ситуации были связаны с процессом развития в рабовладельческой формационной эпохе и не имели циклического экономического характера. В III веке процесс роста на экономическом уровне оборвался: от производства с использованием рабского труда для удовлетворения рыночного спроса произошел сдвиг к натуральному хозяйству — первой форме феодальных отношений в Европе.

Историки более внимательны к политической стороне кризиса III в., чем к его экономическим предпосылкам. Перри Андерсен в книге «Переходы от античности к феодализму» писал, что Римская республика добывала рабочую силу грабежом². Превращение свободных людей в собственность обеспечивало поступление на рынок огромного количества рабов. Обилие дешевых рабов приводило к необычайно жестокой их эксплуатации. Экономические советники владельцев поместий рекомендовали не давать работникам высыпаться, кормить их меньше необходимого и выжимать из людей силы в короткий срок. Производимую руками «говорящих орудий» продукцию покупать должны были свободные. Их материальные возможности сокращались, особенно под влиянием удешевления продуктов рабского труда. Жившие своим трудом ремесленники и крестьяне разорялись. Города Италии заполнялись людьми без средств и имущества — пролетариями.

1 Егоров А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. 2013. Вып. 12. С. 346—365; <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1376051918>

2 Андерсен П. Переходы от античности к феодализму. М. : Территория будущего, 2007.

Римскому государству, как было сказано выше, пришлось после победы над оптиматами проводить своего рода кейнсианскую политику: давать оплачиваемую деньгами работу городским пролетариям и наделять имуществом (особенно землей) в Италии, а чаще за ее пределами тех, кто готов был трудиться на себя. Городских пролетариев активнее всего использовали в строительных работах, хотя те же операции дешевле было поручить частным или государственным рабам. Но к этому времени наметилась новая для экономики тенденция, стали дорожать рабы. Чем меньше велось завоевательных войн и чем сложнее они оказывались, тем дороже стоили рабы. Дошло до того, что отношение к рабам резко изменилось к лучшему. Авторы экономических трактатов больше не советовали истощать их и выжимать все силы работника за несколько лет. Хозяевам стоило добиваться продолжительной жизни имущества, а заодно и больше его разводить.

Закон начал с того, что запретил владельцам выбрасывать престарелых рабов на улицу, а потом и вовсе запретил хозяевам убивать рабов. За убийство рабом хозяина больше не подлежали смертной казни 400 рабов из имущества господина как виновные коллективно. Не могло не раздражать поборников старых нравов и то, что рабов стали признавать людьми. Все эти новшества их сторонники приписывали сердечной доброте «хороших императоров». Но причины изменений являлись экономическими. Эпоха сравнительно мягкого отношения к рабам стала временем наивысшего расцвета империи, подготовившего ее кризис.

Распространение труда рабов в товарном производстве при увеличении цены на рабов привело к повышению себестоимости продукции. К тому же в эксплуатации находились почти все пригодные земли, многие медные рудники истощились. Население римского мира выросло и достигло 65 млн человек¹. Возникли условия для массового разорения мелких собственников и главных потребителей в экономике. Когда кризис, наконец, разразился, крупные землевладельцы-сенаторы ускорили переход поместий к натуральному

1 *Myers Van Ness Ph. General History for College and High Schools, Revised ed. Boston : Ginn and Company, 1906. P. 280.*

хозяйству. Не они были инициаторами этого перехода, как считают некоторые историки. Изменение экономических условий принудило к этому. Многие города в III в. быстро приходят в упадок. Государство теряет прежние источники для стимулирования спроса.

Выползшая из кризиса III столетия Римская империя все более утрачивает рыночную составляющую экономики. Упадок денежного хозяйства лишает власть прежней по качеству армии, что является первым шагом к военному концу государства. Варвары уже ждали своего часа на границах Рима. Их вторжения помогли создать новый и притом мрачный мир Средних веков. Натуральное хозяйство установило здесь свое господство, а рынок ослаб. Кризис III в. показал: переход к «римскому феодализму» случился вовсе не в форме социальной революции, как ее понимали в старых учебниках марксизма. Движения «низов» сыграли в деле немалую роль, но не они, а экономические проблемы и необходимость для правящего класса отвечать на них определили трансформацию. Кризис в результате не был побежден, как побеждал или преодолевал кризисы капитализм, а выполнил свою разрушительную работу и был приостановлен.

Краткое обобщение. На примере Римской империи видно, что переход от рабовладения к феодализму произошел не в результате восстания снизу, а в итоге великого хозяйственного кризиса, наступившего в силу исчерпания возможностей развития на базе старых отношений; сам кризис III в. показал, какую силу имеют великие экономические сдвиги, как они затрагивают не только цивилизованные (обладающие государством), но и дикие еще народы.

Глава 3. Великий кризис XIV в.: от феодализма к капитализму

(37-53 стр. в бумажной версии книги)

Рабовладельческое общество, как отмечали многие исследователи,

подарило нам государство. Оно защитило интересы собственников, постепенно превратившись в машину сохранения эксплуататорского строя. Оно обзаводится поставляющей рабов армией, судами и тюрьмами. Однако как показывают столетия римской истории, предшествовавшие кризису III в., государство это нашло (не без признаков революции) способ стабилизировать общество и расширить класс рабовладельцев, создав заодно широкий рынок. Государство не только установилось, но и стало ареной борьбы различных группировок, включая партию сословия всадников и плебса. Эта борьба привела к появлению упорядоченной бюрократии, сводов законов и строго установленных налогов. Она пережила кризис III в., трансформировалась, но не исчезла, а была сломана или ослаблена в других частях бывшего «римского мира» в более позднюю эпоху.

В VII веке Европа окончательно пришла в состояние упадка. Он коснулся городов, ремесел и торговли. По всей видимости, еще более упала производительность труда. Но новый тип хозяйственных отношений дал позднее возможность ее роста вместе со всем развитием общества. Распалась не только Римская империя. Распался Китай. В 220—280 годах здесь боролись три государства (эпоха троецарствия), к этому моменту страна была разорена восстаниями и междоусобными конфликтами. В 184—204 годах в Китае развернулось мощное Восстание желтых повязок. Это было грандиозное по масштабам народное выступление. Оно было направлено против китайского издания колоната, закрепления земледельцев за «сильными домами». Условиями движения были истощения почв, голод из-за неурожая и чума. Происходило усиление знати и ослабление императорской власти (династия Хань). После его подавления император был убит, а полководцы империи вступили в борьбу друг против друга. В 265 году была установлена единая династия Цзинь, но на севере страны возникло 16 варварских государств (304—439). Их создали пять племен. Все это напоминало ситуацию в Римской империи после кризиса III столетия. И, как и в Европе, в Китае ощущалось давление извне. С начала IV в. начались мощные вторжения племен с севера.

Это и обусловило переход от трех государств к общей державе Цзинь. Однако она не обеспечила устойчивости власти, стабильности общественной жизни или удачных реформ.

В 420 году Китай накрыла новая волна кризиса. Государство распалось. Период с этого момента по 589 г. обозначается как время южных и северных династий. Характерно, что, как и в Европе, примерно в одно с ней время, Китай распался на протофеодальные государства. Третий — седьмой века — эпоха экономического упадка. Земли пустели, деградировала культуры их обработки на огромных территориях, особенно на севере страны. Вместе с тем возникла угроза вторжения в страну тюрков. Они создали в середине VI в. огромную кочевую империю. Угроза новых бедствий помогла династии Суй объединить Китай. Были сконцентрированы ресурсы, часть из которых пошла на укрепление Великой Китайской стены. Империя базировалась на труде закабаленных крестьян. Такой способ мобилизации человеческих ресурсов провоцировал восстания и не мог защитить государства от тюрков.

Династия Суй была свергнута в результате заговора. Вспыхнула гражданская война. Новая династия Тан смогла установиться при поддержке кочевников в процессе подавления крестьянских восстаний и сепаратизма феодалов. Она опиралась на степняков и военное сословие держателей земли, первоначально в основном северян. Они получали налоговые льготы и должны были нести службу в территориальных войсках (Фубин). Имелись постоянные и вспомогательные войска. На их наем и содержание нужны были деньги, а значит, требовалась система их сбора. Династия создала обширную бюрократию. Чиновники рекрутировались в нее на основе экзаменов. Для взимания налогов были определены численность населения и размеры его имущества. На 609 год имелось 9 млн домовладений и 50 млн жителей¹. Позднее население еще выросло в процессе экономического подъема.

В Европе Византийская империя шла тем же путем. Казалось, на этот пусть встала франкская империя Карла Великого и возникшая после ее распада

1 Ebrey P., Walthall A., Palais J. *East Asia: A Cultural, Social, and Political History*. Boston : Houghton Mifflin Harcourt (HMH), 2006. P. 91.

Священная Римская империя. Однако производительность в сельском хозяйстве Китая, в силу природных условий, была значительно большей, чем в Европе. С другой стороны, Китай и континентальные евразийские страны периодически подвергался нашествиям кочевников. Фактор кочевых империй играл огромную роль, то мобилизуя общество, то отдавая его под власть сильного степного народа. В результате, как это видно из средневековой истории Китая, Центральной Азии и Ближнего Востока, феодальная раздробленность то возникала, то преодолевалась. В итоге же она не приобрела тех черт, что имела в Европе. Бедный европейский феодализм, таким образом, смог в плане социальных структур и отношений уйти гораздо дальше богатых восточных держав уже к XIII в.

Европейская раздробленность была сродни раздробленности греческих полисов. Она была необходимым условием ускорения хозяйственного, технического, культурного и научного прогресса, поскольку давала достаточно свободы личности в условиях постоянного соперничества государств. Европа максимально использовала возможности новой — феодальной — системы, вновь показав предел возможностей формационной эпохи, как Римская империя показала вершины развития общества на основе эксплуатации рабского труда. Структуры феодального общества также достигли максимума развития в Европе. В условиях меньшего плодородия почв только формирование феодальной лестницы европейского образца (с мелкими вассалами-рыцарями в ее основе) давала возможность наиболее эффективной и притом сравнительно мирной эксплуатации крестьян. Лишь кризис XIV в. породил в Европе волну крестьянских восстаний. Разделение природными преградами областей этой части Евразии привела к созданию множества государств на площади близкой к той, что занимал Китай. Изобилие водных путей способствовало развитию государств в условиях долгого соперничества. Таким же образом конкурировали города, различные подходы к управлению и ведению войны. Таковы были основы европейского «чуда», которые отмечает Павел Уваров и другие

русские ученые¹.

Бедность европейского общества постоянно подталкивала знать и купечество на поиск новых путей к богатству, не связанных с эксплуатацией труда земледельцев. Одним из решений была распашка новых земель, другим — крестовая экспансия на Восток, включая и европейский восток.

Феодалы Западной Европы поощряли торговлю, стараясь заводить рынки и ярмарки. В борьбе с жадной до денег и легкой на злоупотребления королевской властью они вступали в блок с городами. Так было в Англии, где в 1215 г. бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать «Великую хартию вольностей». В борьбе немалую роль сыграли купцы и города. Они получили и свои выгоды. Еще более интересен и важен для развития Европы пример борьбы итальянских городов против власти германских императоров, особенно активной в XII—XIV вв. Города вели эту борьбу во главе с Папой Римским. Их партия получила название гвельфов, ее противники назывались гибеллины. Победа гвельфов, как бы ни порицал их Данте, предопределила великую роль Италии в XV в. Однако еще до этого северная часть страны сделалась центром европейского капитализма. Таким образом, борьба против архаичной централизации были способом развития новых отношений.

Когда в ряде передовых стран нужда в централизации возрастет, монархи должны будут искать опору в представителях сословий. Так появится английский Парламент и французские Генеральные штаты. Распределение мест (большинство имели светские и церковные феодалы) в этих новых органах власти отражало классовый баланс сил. Много позднее его поставят под сомнение революции, прежде же буржуазия найдет опору в сильной, а потом и абсолютной монархии. Монархия эта не будет аналогом азиатской протофеодальной или полуфеодальной деспотии. Она возникнет совсем в иных исторических условиях. Подготовлены же они будут развитием феодализма.

Основу производственных отношений в развитом европейском феодализме

1 Социальная идентичность средневекового человека: сборник / отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М. : Наука, 2007; Конструирование социального. Европа. V—XVI вв. = Constructing the Social: Europe. V—XVI // Летняя школа «Как быть медиевистом: новые науч. вызовы и университетские курсы истории Средних веков и раннего Нового времени» / сост. П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский. М. : УРСС, 2001.

составили собственность помещика (феодала) на землю и неполная собственность на работника крестьянина. Последний имел домашнее хозяйство, простейшие орудия и скот. Это создавало некоторую заинтересованность его в труде. Но у крестьянина не было основного средства производства феодализма земли. Она принадлежала феодалу. Зато он был избавлен от военных обязанностей. К XI—XII векам сословная система прочно вошла в жизнь Европы, хотя переход из одного сословия в другое не был закрыт. Европейское общество отличала относительно высокая социальная мобильность. Крестьянин мог уйти в город и избавиться от феодальной эксплуатации. Помогал улучшить жизнь и переход на новое место, где можно было заключить договор с хозяином земли. Так происходило заселение многих областей Восточной Европы. Позднее, как отмечал Михаил Покровский, уходя от феодальной эксплуатации, крестьяне добрались до пустынных берегов реки Волги.

В «золотой век» европейского феодализма за пользование землей крестьяне несли повинности. Часть земли крестьяне обрабатывали самостоятельно, отдавая долю результатов своего труда феодалу (оброк). Ту часть земель, что оставил за собой феодал (как правило, лучшую), тоже обрабатывали зависимые крестьяне, они также работали в других областях хозяйства господина. Например, их труд использовался в строительстве замков. Работу на феодала принято называть барщиной. Постепенно по мере развития орудий труда, роста городов и распространения товарно-денежных отношений доля оброка в Западной Европе возрастала, а доля барщины сокращалась, пока последняя не исчезла совсем, а первая не была заменена в большей мере денежным оброком взамен натурального. Процессы эти были характерны для Европы XIII—XIV вв. и отражали развитие денежных отношений и рынка. Однако развитие капитализма в странах Западной Европы привело позднее ко «второму изданию» крепостного права в Центральной и Восточной Европе. Здесь в XVI—XIX вв. барщинное хозяйство являлось товарным. Собственник крестьян был заинтересован в эксплуатации их на своей земле. Ему было малоинтересно повышение эффективности крестьянских хозяйств, что отличало эпоху

классического феодализма, когда (вплоть до кризиса XIV в.) было мало крестьянских восстаний. Интерес помещика привел к восстановлению или усилению личной зависимости крестьян.

«Второе издание» крепостничества имело место за границей средневековой истории. Оно произошло вне феодализма как формационной эпохи — в эру торгового капитализма, наступившую в результате кризиса XIV в. До ее начала трудно отыскать не только мощные крестьянские восстания, но также важные сведения для понимания рыночных кризисов. На этом фоне пример кризиса III в. выступает не только драматичным примером экономической истории, но и примером кризиса, из которого рыночное хозяйство не смогло выйти с победой. Римский «капитализм», имевший аграрную основу, пал. Наступило время римского «феодализма». Однако было бы неверно делать из этого апокалипсический вывод для современности. По итогам начавшегося в 2008 г. кризиса не мог выйти ни новый феодализм, ни новое Средневековье, сколько бы этим не пугала желтая пресса. Миру также не грозила гибель трети населения в результате эпидемий — спутников кризисов III и XIV в.

Первый по научной важности вывод, который можно сделать из двух этих кризисов, упредив рассмотрение событий XIV в., таков: смена формационных эпох, где имеет место эксплуатация человека человеком, происходит под влиянием огромной силы экономических потрясений. Не борьба классов рождает эти кризисы, а они дают ей толчок. При этом господствующий класс не погибает, будучи сброшенным угнетенными слоями, как этого следовало бы ожидать в соответствии с вульгарно-марксистским пониманием истории, а видоизменяется. Под влиянием кризиса III столетия класс рабовладельцев в сельской местности стал классом, эксплуатирующим лично свободного работника, самостоятельно ведущего хозяйство. Этот вид работника (колон) произошел от свободных (на основе договора) арендаторов, а также из массы рабов. Римские законы привязывали колонов к земле и хозяевам, но не отменяли в сути своей феодальных отношений колонов и собственников земли

— магнатов.

Ни кризис III, ни кризис XIV в. не развивались по логике: спад, осознание его причин, продуманные действия власти по перестройке экономики и устранению преград роста. Такая реакция на кризисы стала возможной лишь в XX столетии, и то под влияние Великой депрессии 1929—1933 гг. В предшествовавшие же капитализму эпохи государство и правящий класс были способны самое большее на защиту своих структур и материальную подпитку за счет угнетенных слоев. Кризис, таким образом, обрушивался на общество как стихийное бедствие, как невидимый и непостижимый ураган. Он надвигался тихо, порождая медленное ухудшение жизни трудящихся, а после — эпидемии, гонения на недовольных членов общества и войны. Реакцией «низов» становились восстания. Они направляли свой удар на несправедливости без понимания того, что же породило ее в столь вопиющем виде и почему ранее терпимая эксплуатация, налоговый и прочий гнет вдруг стали столь тягостны и возмутительны.

Кризис преодолевался стихийно, путем болезненных трансформаций в обществе и изменения характера власти. Но было еще кое-что важное, о чем стоит упомянуть вновь. Кризис III в. не был преодолен, как преодолеваются промышленные кризисы при капитализме. Он обрушил экономику. Ее стабилизация при императоре Диоклетиане (284—305 гг. правления) произошла на основе принятия изменений в экономике. Бюрократия умножилась в силу роста значения натурального хозяйства. Империя отказалась от полностью наемной профессиональной армии, посадив на землю большую часть солдат и сохранив как оплачиваемых профессионалов лишь мобильные, полевые войска. Последующая натурализация хозяйства в IV—V вв. ослабила этот контингент, что фактически привело к замене его нанятыми на время отрядами варваров.

Кризис XIV столетия Европе удалось преодолеть без упадка городов, запустения торговых путей и развала рыночных отношений. В отличие от кризиса III в. ростки капитализма пробили себе дорогу. То, как это произошло, должно рассматриваться нами в качестве смены формационной эпохи с

присущим этому процессу изменением социально-экономических отношений и политических конструкций, пусть даже феодальные отношения в деревне исчезли тогда только в ряде областей Северной Италии и Фландрии и лишь там возникли вполне буржуазные государства. Однако европейский (фактически же мировой) капитализм обрел свой первый центр. Он укрепился уже не в отдельных областях, но в некоторых небольших государствах, таких как Флорентийская и Венецианская республики.

Детищем кризиса были некоторые буржуазные революции и народные выступления. Они сыграли немалую роль в формировании европейского мира XV—XVI вв. и происходили под влиянием волн экономического кризиса.

Ранние буржуазные революции в Европе можно отследить еще в XIII в. Во многих вольных городах буржуазия находилась у власти и ранее. Но особое значение в утверждении торгового капитала во власти имела борьба гвельфов и гибеллинов в Италии XII—XIV вв. В конфликте римских пап и германских императоров первая партия стремилась ослабить императорскую власть, что было выгодно Риму, а вторая — сохранить господство императоров. Ряд городов Италии, включая Геную, поддерживали то одну, то другую партию. В итоге они все равно воспользовались освобождением региона от власти императоров.

Борьба за освобождение Италии из-под власти феодального монарха была очень важна для развития капиталистических отношений. Флоренция и некоторые другие города в этом процессе пережили свои буржуазные революции. В ходе них прослеживаются демократические взрывы, термидоры в виде установления власти богатых горожан (в союзе с землевладельцами) при подавлении народных движений, периоды героического «бонапартизма», своеобразные реставрации «аристократического» правления и движение за восстановление пусть умеренной, но республиканской формы правления. Фазы эти внешне хаотично чередуются. Вызвано это, видимо, волнами кризиса и военно-политическими обстоятельствами.

В XV веке всюду мы находим тираническую власть или олигархические республики. Связано это как с успехом развития экономики Северной Италии,

где богатая часть буржуазии усилилась и полностью овладела государством в условиях относительной социальной стабильности (кризис миновал), так и с изменением окружения. В других странах Западной Европы города и монархи находят общий язык. В результате возникают единые рынки, местные купцы и производства получают протекцию. Складывается тип власти и классового консенсуса, который станет типичным для всех веков торгового капитализма. К такому же результату приходит и гуситская революция в Чехии. Начавшись как широкое антифеодальное, антигерманское и антикатолическое движение, она в итоге создает протестантскую монархию с опорой на буржуазию и связанную с рынком знать. Однако успех революций в Чехии и Тоскане (создание большой Флорентийской республики) не гарантировал сохранение преимуществ. Не избавил он и от возрождения феодальных отношений. Случилось это по мере того, как крупные монархии провели свои буржуазные реформы: создали сильную бюрократию, постоянные наемные войска с сильным национальным компонентом, упорядочили таможенную и денежную политику. Случилось это под влиянием мощных народных движений как в городе, так и в сельской местности. Во Франции важную роль сыграла Парижская коммуна под началом Этьена Марсея в XIV в. Но движение это не переросло в революцию, подобную тем, что пережила Флоренция. Парижская буржуазия стремилась скорее к сделке с королем, чем к созданию государства нового типа на большой территории. К этому через внутреннюю борьбу и войны с соседями пришла Флоренция. Успех этот оказался временным: потеря Северной Италией своего центрального для экономики Европы знамения привела к обратному движению. Не только Флоренция, но Милан, Венеция и даже Папское государство были вынуждены возвращаться к уже, вроде бы, побежденным старым отношениям. В результате откатившейся назад и потерявшей прежнее международной значение Италии в XIX в. потребуются новая модернизационная революция.

Это никак не отменяет исторической важности первых, во многом достигших цели буржуазных революций — победивших в XIV—XV вв. Особенно интересен пример Флоренции. Здесь в 1292—1293 гг. под напором

массы цеховых ремесленников и торговцев прошли конституционные реформы Джано делла Беллы. Магнаты были лишены власти и даже избирательного права. Республика вела борьбу за расширение своей области и начала искать опору во внешних феодальных силах, в результате ее сеньором стал сын неаполитанского короля Карл Калабрийский. После его смерти республиканская форма управления была восстановлена, борьба партий возобновилась с новой силой. Как только города почувствовали, что Германская империя более не угрожает, началась война против Папского государства. Она вошла в историю под названием Войны восьми святых (1375—1378) и была направлена против усиления Рима, стремившегося расширить свое государство и с помощью протекционизма показать соседним государствам экономическую целесообразность вхождения в его состав. На деле независимость в условиях отсутствия внешней угрозы была для них экономически выгодней. Флоренция соединилась с Миланом, создала совет восьми «святых» по ведению войны. К союзу присоединилось порядка 80 городов. Никто не испугался интермедиата и проклятий с церковных кафедр. Привлеченным к делу наемникам это было совсем безразлично. Война поспособствовала началу Великого западного раскола церкви (1378—1417), когда истинных пап оказалось сразу несколько. Когда мир между городами и Римом был заключен, Флоренция и другие города могли подвести итоги всей борьбы за независимость от Священной римской империи германской нации и Рима.

Война усилила экономические проблемы Флоренции и подорвала веру в неизменность якобы божественно правильно устроенного мира. В июле 1378 г., после мятежей враждующих партий, в городе вспыхнуло восстание чомпи, вошедшее в историю как едва ли не первое мощное выступление пролетариата, рабочих шерстяных мастерских, ни в какие цеха не объединенных. Владения республики к тому времени включали почти на всю Тоскану, за исключением Пизы — важного для торговли порта. Цеха и участие в правительстве — вот чего желали восставшие. Они добились создания трех цехов (красильщики, портные, чесальщики шерсти), права избирать трех из девяти приоров

республики. Это прорыв низов в политическую элиту. Восстание было подавлено при участии других цехов. Цех черпальщиков был распущен. В этой точке флорентийская революция, видимо, завершила свое восхождение. А 1382 год принес мятеж магнатов. Они отстранили младшие цеха от управления. Власть вернулась к старшим цехам. Так республика стала олигархической.

В дальнейшем разворачивается борьба Флоренции с Миланом, где род Висконти установил сильную власть. Владения Милана окружили Флоренцию, и даже Пиза была в их числе. Флоренция героически боролась за независимость, а в ходе войны 1405—1406 гг. получила Пизу. Власть над этим портом укрепила позиции правящей крупной буржуазии, ведшей торговлю, владевшей мастерскими, банками и землями. На смену череде оборонительных и экспансионистских войн пришло сравнительно мирное правление банковского дома Медичи. Оно было подготовлено, с одной стороны, успехом всей прежней политики, с другой, достижением ее предела. Смене власти способствовала неудача в последней войне с Миланом за Лукку (1429—1433). Она показала, что «бонапарт» республики — ее правитель Ринальдо Альбицци — довел бюджет до огромного дефицита и не может более выигрывать в войнах, как его отец Мазо Альбицци, также державший в руках олигархическую республику.

Установление власти Медичи можно считать своеобразной реставрацией в рамках одной из первых буржуазных революций. Экспансия закончилась. Все было сделано для обеспечения длительного мира, пусть это и потребовало еще раз сразиться с Миланом в союзе с Венецией. Висконти были окончательно вытеснены из Тосканы, а власть в Милане не без помощи флорентийцев перешла в руки кондотьера Франческо Сфорца. Для обеих держав настал «золотой век». Экономика Флоренции при этом обрела окончательные черты: капитал сдвинулся от производства к финансовой деятельности. По сути, Флоренция надолго стала главным финансовым центром Европы. Вместе с Миланом, осуществившим подобный переход, она по итогам великого кризиса XIV в. образовала центр всей системы торгового капитализма. Производство

было во многом уступлено другим странам, более крупным, но менее развитым. В итоге же именно они — королевства Пиренейского полуострова, Франция, Англия и австрийское государство Габсбургов — изменили статус этого центра и заняли положение соперничающих центров торгового капитализма.

Замечательную картину всех этих событий дают «Новая хроника, или История Флоренции» Джованни Виллани, «История Флоренции» Никколо Макиавелли, «История Флоренции» Джона Наджеми и другие работы далекого прошлого и близкого к нам времени¹. Однако историки видят в первую очередь сами события, тогда как интересно и то, почему они привели к определенному финалу. Флорентийская революция закончилась неудачей в том смысле, что она не позволила стране закрепиться в положении буржуазного центра на многие века. В конце XV в. в Италию пришли французы, за ними появились испанцы и германцы. По сути, державы полупериферии явились с оружием для того, чтобы взять центр европейской экономики в свои руки. Это привело к «славной революции» во Флоренции: республика была восстановлена и попыталась спасти особое положение страны в европейской экономической системе. Она пыталась быть более эффективной в политическом и военном плане, чем нагрянувшие в страну с наемными армиями монархии. Это проблемы замечательно отразил Макиавелли в работах «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «О военном искусстве»². Как сделать республику сильнее, какую стратегию выработать, как наилучшим образом использовать ее людские и материальные ресурсы в условиях постоянных внешних вторжений в Италию и разгрома Милана? Успехом усилия не увенчались. Не помогла и попытка относительно мягко вернуть к власти Медичи (1512—1527). Это привело к взятию страны под контроль Папой и народному восстанию 1527 г. Республика была окончательно уничтожена в 1532 г. после успешной осады Флоренции имперскими войсками. Последовали казни и высылка республиканцев. Медичи

1 Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М. : Наука : Памятники исторической мысли, 1997; Макиавелли Н. История Флоренции. М. : Азбука-Классика : Non-Fiction, 2017; Najemy J.M. A History of Florence. 1200—1575. Blackwell Publishing, 2006.

2 Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Мысль, 1996.

вернулись к власти. Статус их в международной системе был намного ниже, чем в XV в. Флоренция осталась городом банкиров, но ее значение резко упало. Тоскана была обречена на деградацию. Таков был финал самой яркой и глубокой буржуазной революции, вызванной кризисом XIV в.

Успех австрийских Габсбургов, французской, испанской и английской короны оказался возможен благодаря рыночным изменениям. Собственники земли с аристократическими корнями и без оных (посткризисное дворянство) не исчезли как «пережиток феодализма», а уверовали в рынок. Это помогло создать новую основу для возмещения сильной государственной власти. В итоге только две страны в эпоху торгового капитализма — измененные революциями Нидерланды и Англия — полностью ликвидировали феодальные отношения, никогда не возвращаясь к ним как государства старого центра. В остальном центр мировой экономики торгового капитализма активно опирался на такой ресурс, как зависимые крестьяне.

В XIV—XV веках в наиболее развитых областях Европы землевладельцы спрашивали с зависимых крестьян только деньги, возвращая их в состояние римских арендаторов. Те могли бежать в города, а новая форма отношений являлась выгодной. В других местах феодалы принуждали крестьян самих выращивать товарные культуры или работать на землях хозяина. То были уже признаки «второго издания» крепостного права, как охарактеризовал этот процесс Энгельс. Примеры такого рода практики дают германские земли, Речь Посполитая, Венгрия, Дания, а позднее и Россия. Возрождение зависимости земледельцев пережила и Северная Италия, некогда так преуспевшая и давшая пример первых буржуазных революций, по сути своей, модернизационных. В деталях о великих революциях, начиная с эпохи, последовавшей за кризисным переворотом XIV в., речь пойдет во второй части книги. То были революции, случившиеся после создания европейцами мирового рынка.

В последовавшую за кризисом-революцией XIV в. эпоху причиной нового закрепощения крестьян в ряде областей всякий раз являлась ориентация дворянства на растущие иноземные рынки сбыта зерна, конопли, льна и других

культур в Западной Европе. Вместе с ориентацией на рынок пришло широкое потребление дворянами привозных и местных товаров, доходившее до мотовства. Купечество активизировало накопление и поиск возможностей выгодного вложения денежных средств. Тут годилось все, что обещало прирост состояния, включая и финансирование государства. Наступила эра торгового капитализма. Она продлилась до кризиса 1770-х гг., одного из самых важных в мировой истории и имевшего не только экономические последствия, но также народные восстания и революции¹. В результате капитализм был обновлен и стал промышленным. Развитие же его продолжилось и после потрясений 2008 г. и последующих лет, когда неолиберализм сменился новым меркантилизмом.

Общую картину проблем и потрясений 1300—1400-х гг. дает в первом томе книги «Мир-система Модерна» Иммануил Валлерстайн. Он пишет: «Мы рассмотрели кризис западного феодализма XIV—XV веков как основу, прелюдию европейской экспансии и экономического роста XVI века». По его оценке, проблемы климата, почв и эпидемий не была первичной для кризиса². Валлерстайн анализирует позиции ряда ученых и приходит к выводу, что все эти явления стали факторами кризиса, но не были его первопричинами. Суть же кризиса не может быть сведена к ним. «В промежутке между 1150 и 1300 годами рост в Европе происходил в рамках феодального способа производства — это была одновременно географическая, торговая и демографическая экспансия. Примерно между 1300 и 1450 годами на тех же трех уровнях (география, торговля, демография) происходило обратное движение». По мнению ученого, «сжатие, следовавшее за экспансией, стало причиной «кризиса», который был замечен не только в экономической, но и в политической сфере, где двумя главными симптомами этого кризиса стали междоусобные войны между знатью и крестьянские восстания». Кризис коснулся и культуры³. Но главным было «создание сравнительно сильных

1 Колташов В.Г. Великие кризисы. Кризис 1770—1780-х годов. URL : http://www.finansy.ru/st/post_1275029846.html

2 Валлерстайн И. Мир-система модерна. В 4 т. Т. 1. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015—2016. С. 38.

3 Там же. С. 42.

государственных аппаратов там, где появятся государства центра (ядра) капиталистического мира-экономики»¹. Добавим — буржуазных аппаратов, лишь внешне походивших на бюрократию деспотий Востока, но рожденных из совершенно иных социально-экономических обстоятельств.

Ввод Валлерстайна таков: «кризис феодализма» одновременно был и отражением конъюнктуры вековых трендов, и собственно циклическим кризисом, и климатическим спадом»². Стоит уточнить: феодализм оказался уничтожен как политическая система, но экономически в своих «пережитках» был поставлен на службу капиталистическому развитию.

Многие события XIV в. рассмотрены в работе Бориса Кагарлицкого «От империи к империализму». Сделанные наблюдения помогают уловить характер более поздних связей торгового капитала и торгового феодализма. Кагарлицкий подчеркивает, что частное предпринимательство не формировалось стихийно. Достигнув определенной зрелости, средневековая буржуазия (крупный торговый капитал) вступила в союз с властвующей знатью. Направляемое интересами негоциантов и дворян, прочно вошедших в рынок, государство устремилось завоевывать новые зоны планеты и принуждать подданных к участию в товарном обмене. Эта особая роль государства определила будущие успехи Европы в деле покорения мира и развития капитализма³. Как и в другой своей книге «Периферийная империя», Кагарлицкий следует за Валлерстайном, а вместе с тем продолжает дело Михаила Покровского, крупнейшего русского историка-марксиста, посмертно «разоблаченного» и осужденного сталинскими идеологическими работниками⁴.

Не протестантская мораль или приверженность свободной конкуренции делает Запад мировым гегемоном, а соединение государства и капитала. Так создаются первые торговые монополии, которые лишь спустя столетия (в конце XVIII в.) начнут уступать свои позиции напору сторонников свободной

1 Там же. С. 43.

2 Там же.

3 Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М. : Высшая школа экономики, 2010.

4 Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М. : Едиториал УРСС, 2017.

торговли. До этого момента большие акционерные компании преобразуют мир. Их деятельность фактически создаст мировой европоцентричный рынок. Но для того чтобы это стало возможным, Европа должна была выйти из кризиса XIV в. более сильной в техническом плане. Это и произошло. Но произошло не само собой, а в результате общих успехов научного и культурного развития Европы, о чем немало сказано в работах Фернана Броделя.

Каким же был этот кризис?

Кризис XIV в. был вызван аграрным перенаселением Европы. Почвы были распаханы и зачастую истощены, многие леса исчезли в результате их постоянного «ограбления». Таковы были результаты экстенсивного экономического развития, замечательно описанного Эдмоном Поньоном¹. Сельское хозяйство, насколько могло, уже применяло такие новшества, как колесный плуг, трехполье и тесное соединение земледелия со скотоводством. Пшеницу убирали серпом, а оставленную на полях солому поедая рогатый скот, заодно удобряя почву своим навозом. Человек средневековой Европы существовал сообща с животными многих видов. Они давали разные продукты: мясо, молоко, кожи, шерсть, жилы и щетину. Отходы не пропадали. Их поедали свиньи, значение которых возросло по мере увеличения ориентации хозяйств на нужды города. Во многом сама кормилась и домашняя птица. Все это не спасло миллионы сельских жителей от голода, когда климатические условия в Европе ухудшились. Насупил очередной пессимум (климатическое угнетение, похолодание), вошедший в историю под именем малого ледникового периода. Все проблемы сразу обострились. Выяснилось, что города слишком людны, а деревня недостаточно производительна и (также было в III столетии) нет быстрых решений, чтобы изменить ситуацию.

Наступил кризис. Голод и чума 1346—1353 гг. придали ему поистине апокалипсические черты. Естественно, хронисты не сообщали о нем — как целостное явление он для современников не существовал. Даже сейчас еще не выделены его волны, не исследованы многие частные причины и вызванные

ими изменения. Нельзя точно сказать, когда этот кризис завершился. Однако очевидно: Европа обрела по его итогам в XV в. не только деятельный союз капитала и феодалов, жаждущих расширить торговые горизонты, но и технические новшества. Одним из них была португальская каравелла-латина (*caravela latina*). Явным был прогресс в мореплавании и сопутствующих ему науках.

Крайне важным оказалось развитие технологии добычи и обработки металла. Улучшились способы плавки железа, производимой в печах. Туда воздух направлялся с помощью мехов. В движение их приводила водяная энергия. Появились механические молоты¹. Они давали серьезные преимущества при ковке металла и повышали ее качество.

Когда Фернандо Магеллан взял с собой в экспедицию груз дешевых немецких ножей, он погрузил на суда и нечто большее — цену производства изделий из железа. Добыча руды, выплавка и ковка являлись направлениями технологического прогресса в Европе, обеспечившими преодоление кризиса XIV в. Вышедший из него торговый капитализм может быть назван детищем гидравлического молота, появившегося в тот период, тогда как промышленный капитализм был назван Карлом Марксом детищем паровой машины.

Порох и пушки, мощные арбалеты и цельнометаллические доспехи также входили в арсенал посткризисного времени. То были инструменты, при помощи которых разговор «о торговле» в любой части мира становился более серьезным. Добыча и обработка железа обернулись не только восхищением полученными изделиями в развитых средневековых странах — Индии, Китае и Японии, а также ужасом для индейцев, но и улучшением средств производства. Металлические изделия в Европе становились дешевле и доступней для крестьян. Это в конечном итоге повышало эффективность сельского хозяйства. Союз феодального государства и торговой буржуазии на Западе не мог бы сложиться без материальной основы просто в силу чумы, продолжительных войн, мятежей и усталости от хаоса. Эта материальная база была. Без нее

повышение ценности работника, в немалой мере из-за убыли населения во время эпидемий, не привело бы к развитию свободного труда, а обернулось бы новым закабалением, как это было по итогам кризиса III в. В этом плане итоги внешне сходных кризисов были для Европы различными.

Кризис XIV в. улучшил государственную машину, побудил к созданию профессиональных и дисциплинированных наемных войск. Уже в начале XVI в. они были пущены в дело Францией, Испанией и Священной Римской империей в интересах взятия под контроль богатейшей и долгое время остававшейся центральной для европейского капитализма Северной Италии. Это стало возможно благодаря тому, что менее развитые хозяйственно, чем государства этого региона, державы по итогам кризиса XIV в. обладали современной финансовой системой, лучшими войсками (например, жандармы, швейцарская пехота, современная артиллерия и шотландские лучники Франции), а также более сильным и амбициозным блоком торгового капитала и ориентированной на рынок знати.

Ухудшение климата после 1300 г. помогло промышленно-торговому развитию Европы и ускорило внедрение новых технологий и общественных правил. Именно по итогам этого кризиса Западная Европа превратилась в центр мировой системы, ее лидера, сердцевину расширяющейся глобальной экономики. Что же касается Италии и Фландрии, то эти регионы недавнего центра местного европейского капитализма оказались к 1500 г. всего лишь ценными областями более сильных игроков — монархий Франции и Испании. К этому моменту известный европейцам мир необычайно расширился, чему помогли новые океанские суда, а также различные технические средства и знания. Во всем этом и состояло революционное значение кризиса. В Евразии он имел место почти повсеместно, включая крах монгольской династии Юань в Китае, но лишь в Европе породил устойчивый блок двух богатых классов — землевладельческого и торгово-финансового.

Окончание кризиса принято относить к первым десятилетиям XV в. Был ли это кризис феодализма или Валлерстайн справедливо ставит это слово в

кавычки в соседстве с понятием «кризис»? Вне сомнения экономические, социальные и политические потрясения в Европе положили конец феодализму как системе развития. Они выявили проблемы раздробленности и запустили процесс создания единых государств даже там, где их не было. Флорентийская революция была нацелена на превращение города-государства в державу с обширным сельским окружением и морскими портами. Аналогичную задачу, но в отношении менее развитых экономически областей в это время начали решать другие центры, включая монархов Франции и Московии. То была политика централизации на новой хозяйственной и технической основе. Развитие торговли и укрепление связей между ранее обособленными землями делало все это возможным. Потому феодализм как государственная форма, столь важная прежде для развития исчерпал себя и начал заменяться новой государственной системой. Это могла быть тирания или узкая олигархическая республика в буржуазной Италии, централизованная монархия в регионах с огромным по численности зависимым сельским населением или нечто среднее, как в Чехии после гуситов. Все это включало в себя феодальные отношения, но ставило их в подчиненное положение. Феодальная формационная эпоха с тем была закончена, и настало иное время.

Кризис XIV в. изменил мир посредством преобразования Европы. Здесь ранее возникли передовые формы эпохи рабовладения, а после развились передовые формы феодализма. На этой основе и был совершен переход к торговому капитализму. Весь остальной мир должен был в открывшуюся эпоху подчиниться этой европейски выраженной тенденции развития.

Краткое обобщение. Феодализм смог максимально реализовать свой потенциал в Европе, что случилось благодаря раздробленности, а ее преодоление происходило уже на базе усилившихся буржуазных отношений и под влиянием нового великого кризиса; кризис XIV в. дает еще один пример смены формационной эпохи, где существовала эксплуатация человека человеком. Этот кризис являлся социальной революцией, экономические

потрясения огромной силы дали в XIV—XV вв. толчок буржуазному (включая научно-техническое и культурное) развитию Европы, что сделало ее центром мирового рынка, а феодальная знать и купечество создали здесь блок.

Глава 4. С кризисами от торгового капитализма к промышленному

(53-64 стр. в бумажной версии книги)

Торговый капитализм представлял собой первый большой этап в истории капитализма как новой формационной эпохи. Его базой было немало государств, среди которых выделялись несколько крупных, наиболее густонаселенных и богатых держав. Их соперничество в борьбе за европейские земли и колониальные рынки стимулировало прогресс. Возникший в Европе торговый капитализм, таким образом, не имел единого центра, а воплощал собой соперничество центров, экономики которых были порой тесно связаны.

Мировой рынок был создан в эпоху торгового капитализма. Но в период господства неолиберальных идей не было принято вспоминать, что выкраивание глобального рынка происходило посредством жестокого соперничества Испании, Португалии, Англии, Франции и Нидерландов. В этом процессе национальное экономическое развитие обеспечивало возможности вести выгодную торговлю, захватывать и удерживать богатые территории. Успех на внешних направлениях давал ресурсы для национального рыночного развития. Неверно, что Испания совсем не умела их использовать и только была перевалочным пунктом для колониального серебра и золота. Проблема состояла в том, что империя надорвалась, и, как показал в книге «Повседневная жизнь Испании Золотого века» Марселен Дефурно, в другие страны отхлынули многие ее мастера, например, французы¹. Суровая налоговая политика довершила развал экономики, вызванный чрезмерными военными расходами.

¹ Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века. М. : Молодая гвардия. 2004. URL : https://royallib.com/book/defurno_marselen/povsednevnyaya_gizn_ispanii_zolotogo_veka.html

Однако более тонкое соединение колониальной и дальней торговой политики с развитием национального рынка всякий раз давала в эпоху торгового капитализма положительный эффект. Надо было только, отмечал Георгией Дерлугьян, чтобы союзы королевской власти «с купеческими капиталами, служилым мелким дворянством и впоследствии с рядовыми подданными» создавались как устойчивые¹. В результате правильных действий национальный капитализм не толь был возможен, но был тем успешней, чем активней он использовал возможности мировой торговли. Нидерланды же, вырвавшись первоначально вперед других государств, сделали ставку на свободную торговлю неизменной. Жертвуя в интересах торгового и банковского капитала своим рынком (отказ от политики протекционизма), в XVIII в. они утратили свое положение, тогда как веком ранее Европа не знала страны богаче и экономики активнее. Процветание ее нашло отражение в живописи, демонстрировавшей невиданные возможности потребления.

Стоит отметить, что упадок Нидерландов по своему повторял уже произошедший к тому времени упадок итальянских центров капитализма. От 17 000 голландских кораблей XVII столетия остались воспоминания, как остались воспоминания от огромных возможностей производства и банков Северной Италии эпохи Ренессанса.

С началом неолиберальной глобализации в последней четверти XX в. разошлось представление о национальном развитии как бесперспективном пути в рамках глобального рынка. Между тем капитализм сформировался как национальное явление, никогда не терявшее торговой связи с внешним миром. Единство внутренней и внешней торговли существовало всегда, но в эру торгового капитализма оно привело к формированию наций. Национальный образ мысли, сознание не охватывало в доиндустриальное время все слои населения, но оно уже было. Оно могло использоваться политически и само влиять на политические процессы. Именно это влияние сыграло решающую роль в расширение экономического центра европейского, а после и мирового

¹ Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 332.

капитализма. В конце XV столетия Франция и Испания вступили в борьбу за обладание Италией, богатого и ключевого для международной торговли региона Европы.

Правительства различных стран в эпоху торгового капитализма тестировали политику форсированной модернизации. В ряды девелопменталистов (от англ. *development* — развитие) можно зачислить министра-протекциониста Жана-Батиста Кольбера, служившего французскому королю Людовику XIV, и российского царя Петра I. Им может быть признан правитель Нидерландов и король Англии Вильгельм III Оранский, создавший, в частности, Банк Англии. Русский пример особенно примечателен, ибо свершения Петра были радикальными и масштабными. Вольтер так описал результаты его политики: «Двадцать лет назад у Петра Алексеевича не было на Балтийском море ни единой лодки, а ныне он стал властителем сего моря и имел там тридцать больших линейных кораблей, один из коих царь построил собственными своими руками»¹. В России сложился собственный торгово-землевладельческий класс, который черпал ресурсы из внутренней периферии. Такой периферией в Европе обладала Франция и Испания, даже Англия имела ее в виде Ирландии. Потому при Петре Россия вошла в группу стран центра эпохи торгового капитализма и могла нацеливаться на торговлю в Северной Америке и освоение Мадагаскара (мечта Петра в поздние годы жизни). Но этот успех нигде не давал гарантий успеха при переходе мира от торгового к промышленному периоду развития капитализма, что случилось в результате кризиса 1770-х гг.

Интересно и то, что не только смелые реформы, но и революции времен торгового капитализма не гарантировали удачи. Так, Нидерландам понадобилось повторить революцию в конце XVIII в., хотя в стране этой буржуазия впервые заняла лидерскую позицию в союзе с ориентированными на рынок землевладельцами. Но в том и состояла сущность Батавской революции 1784—1787 гг., что она была направлена против крупного капитала прежней

1 Вольтер История Карла XII, короля Швеции. М. : Лениздат : Команда А, 2013. URL : <http://lovereads.me/read/84836/52>

исторической формации. Подобным по своей сути было и городское движение Великой французской революции. Просто задушить его, как в Голландии, при помощи прусских военных интервентов не удалось. Все это лишний раз подчеркивает особенную сложность развития буржуазного общества, в котором сменялись две фазы — торговая и промышленная.

Основными классами феодального общества были крестьяне и феодалы. Зависимые крестьяне, подневольные работники не были заинтересованы в труде на помещиков. Попытки помещиков принудить крестьян к такому труду нередко приводили к восстаниям и настоящим войнам против эксплуататоров и их государства. Но эти выступления всегда жестоко подавлялись, как это происходило в Западной Европе XIV в. или в Германии начала XVI в. По мере развития рыночных отношений и городов в Средние века росло влияние торговой буржуазии. Возникли банковские дома. Этот капитал в Европе был тесно связан с аристократией и церковью. Но если в Римской империи подобный класс, который можно с натяжкой обозначить как капиталистов-рабовладельцев, был кризисом III в. серьезно ослаблен, то по итогам XIV в. все произошло наоборот.

Ослабление остроты кризиса в конце III в. не было предвестником длительной эпохи экономического роста. Развитие науки и техники не давало такой возможности. Напротив, кризис XIV в. открывал новую эру экономического развития. Значение молодой буржуазии по его итогам возросло как в экономическом, так и в политическом смысле. Деньги открыли людям путь к титулам и земле, которая становится в Западной Европе товаром. В результате к немало изменившейся феодальной знати добавился второй господствующий класс. Пусть он и занимал в большинстве стран подчиненное положение, но он отныне имел все возможности к росту своего влияния. В отдельных случаях его представители могли претендовать на высокие титулы. Они также стали товаром, который можно было приобрести в разных местах — у королей, императоров Священной римской империи или Римского Папы.

Такое повышение класса буржуазии и открытие для него новых

возможностей, включая создание своих государств (например, герцогства и тирании в Италии), стало возможно во многом благодаря тому, как был преодолен кризис XIV столетия. А в основе победы над ним лежали рынок, новые технологии и отношения. Город вышел из кризиса победителем, а капитал был на вершине успеха. Однако он не стремился в большинстве случаев ниспровергать старые порядки в деревне. Исключение составляли области Северной Италии, где близость и многообразие городов принудили к переходу дворян к наемному труду или чистой аренде, поскольку они конкурировали за работника с городом. Лишь в начале XVI в. буржуазия на северо-западе и севере Европы осмелилась посягнуть на старую католическую религию. В районе 1000 г. она выглядела внушительно со своей разветвленной структурой и непонятными магическими обрядами. Церковь действовала как орган идеологического и психического подавления человека. В период господства рабовладельческих отношений она тоже существовала, но ее роль была заметно иной, страх перед богом не мог заставить рабов подчиняться, но он хорошо действовал на лично более свободных, но зато морально более зависимых крестьян. Однако к 1500 г. буржуазия вне Италии (здесь католическая церковь давала многим заработать) увидела порочность этой организации, которая ужасала, поскольку была финансово невыгодна. Никакое развитие книгопечатания не могло отменить этого факта.

Последовала реформация — идеологическое сражение буржуазии и консервативной феодальной знати. Причем реформаты сумели привлечь на свою сторону дворянство ряда стран, что можно считать их большой победой. В результате сразу несколько монархов, включая английского короля Генриха VIII, отделили церковь от Рима и избавили ее от многих земельных владений. Это подкрепило союз буржуазии и дворянства, но отныне баланс в нем еще более сместился в пользу первой. В это время в Европу уже потекли богатства из отдаленных колонизируемых областей. И потекли они на юг, подкрепив имевший там блок буржуазии и знати, которая считала изменение баланса в нем недопустимым. Именно в этом состоял политико-экономический смысл

католической реакции.

Наступил «золотой век» торгового капитализма и первых империй. Одновременно развитие торговли соединило нитями бесчисленных связей разрозненные области. Возникали национальные рынки. Произошла централизация государств.

В дальнейшем новые кризисы (второй половины XVI в. и середины XVII в.) лишь усиливали перевес Запада над периферией. Европа в тот момент уже ощущала себя центром мира. Связь государства и капитала менялась, изменялся капитал, а также преобразовывалось государство. Через серию социальных революций в странах с развитыми рыночными отношениями мир перешел от эпохи торгово-колониальных империй к новому общественному строю. В Голландии, Англии, а затем и Франции старые феодальные отношения были полностью уничтожены. В этом и состояла суть социальных переворотов: насильственным путем знать отстраняется от власти и принудительно превращается в капиталистов или устраняется, а правовая основа ее господства ликвидировалась. В данном процессе молодой рабочий класс играл немалую, хотя и подчиненную роль. Бельгийский историк Анри Пиренн в книге «Нидерландская революция» писал: «...кальвинизм лишь в слабой степени проник в среду мелкой буржуазии, состоявшей из лавочников и ремесленников и сохранившей традиции цехового строя. Но он побеждал повсюду, где наемные рабочие жили только своей заработной платой, повсюду, где их бедственное положение толкало их на борьбу с существующим строем. Не только работодатели толкнули пролетариат в объятия капитализма: скорее, он бросился в них сам вследствие своего недовольства, своего мятежного духа, в надежде улучшить свое положение. Словом, промышленные рабочие в эпоху Возрождения примкнули к кальвинизму по тем же причинам, по каким они впоследствии, в век пара, перешли на сторону социализма»¹. Коряковцев по этому поводу справедливо отметил, что рабочий класс присоединился к учению Кальвина как к проводнику и выразителю передовых буржуазных отношений.

1 Пиренн А. Нидерландская революция. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 81—82.

Социальные революции эпохи торгового капитализма и развернувшиеся при переходе к промышленному капитализму (последняя четверть XVIII в.) не завершали формационной эпохи. Изменение социально-экономической формы для определенных наций происходило, но это не была смена формаций в понимании вульгарного марксизма. Не феодализмменялся на капитализм, а буржуазное начало избавлялось от феодального наследства и устанавливало свое безраздельное господство. Случалось ли это само собой, в силу одного лишь успеха развития капиталистических отношений в наиболее передовых странах мира? Нет, механизмом запуска перемен являлся большой кризис в мировом хозяйстве. Он демонстрировал, что далее старое и новое не могут сосуществовать, и новое не может терпеть власть старого, а должно овладеть государственным управлением, дабы перестроить общество и тем открыть ему выход из экономического тупика. Сложность этой задачи уже в эру торгового капитализма определила «распад» революции на фазы с особым содержанием, когда даже реставрация играла созидательную роль. Но обо всем этом позднее.

Итак, перемены эти были связаны с экономическими кризисами. Завоевав власть в перечисленных передовых странах, к коим нужно добавить Соединенные Штаты, капитал завоевал себе большую свободу в рамках хозяйства планеты. Империи стали другими. В ходе непростой и порой кажущейся нелепой борьбы выстроилась новая иерархия государств. Так, к середине XIX столетия Англия оказалась мировым гегемоном, хотя ее колониальные успехи к моменту революции были весьма скромными. Но что же это были за «промежуточные» кризисы эры торгового капитализма?

Вопрос о природе кризисов эпохи торгового капитализма остается во многом открытым. Наблюдения позволяют выделить перепроизводство товаров как экономическое явление (признак больших кризисов XVI—XVIII вв.), которое возникло задолго до эры промышленного капитализма, до индустриальной революции и «первого» мирового циклического промышленного кризиса 1825—1828 гг. Естественно, «десятилетних промышленных циклов» до индустриальной революции не существовало. Рост

производства происходил медленно. Спрос также не мог возрастать быстро до того момента, пока в Южной и Северной Америке в XVI в. не началась разработка серебряных рудников и золотых приисков, а ранее богатства местных держав не были захвачены испанскими конкистадорами. Именно такая база денежной эмиссии сделала Испанию главным потребителем Европы 1500—1650 гг.

Производство XVI в. не могло поспеть за спросом. Последовала революция цен — снижения покупательной способности металлических денег. Одновременно с этим происходила революция лавок, красочно описанная в работах французского историка Фернана Броделя¹. Подъем розничной и колониальной торговле продолжался и в XVII столетии. Он был дважды прерван с неприятными для испанской гегемонии последствиями: во второй половине XVI в. в Новом Свете нехватка рабочих рук совпала с исчерпанием месторождений драгоценных металлов. Долги Испании были в тот момент на максимуме — сказывались десятилетия войн против Франции за контроль над Италией. Последовал дефолт. Вместе с ослаблением платежеспособного спроса Испании это и составило кризис. Лишь когда католическая церковь, в ходе процесса в Вальядолиде в 1550 г., нашла у индейцев душу, это приняли в колониях и было решено ввозить туда больше «бездушных» негров, а корона обрела новые рудники, экономическая ситуация в Европе стала медленно выправляться. Валлерстайн выделяет это решение о «доброй» колонизации как весьма важное, поскольку в предыдущий период эксплуатация коренного населения Америк была крайне жестокой². Это привело к истощению людских ресурсов и стало одной из причин финансового кризиса монархии и сокращения продаж на европейском рынке.

Были ли тут признаки перепроизводства? Товаров имелось больше, чем могло быть приобретено. Кредитный пузырь надулся и лопнул. Без денег осталась не только испанская казна, но и наемники, купцы, рабочие мануфактур

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I—III. М. : Прогресс, 1986, 1988, 1992.

2 Валлерстайн И. Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хайдер и сопротивление. С. 42. URL : <http://ecsocman.hse.ru/data/566/719/1231/005Vallerstajn.pdf>

и ремесленники. В ответ на возросшее налоговое давление восстали испанские Нидерланды. И хотя движение в границах современной Бельгии было в итоге подавлено, а местные буржуа, дворяне, ремесленники и лавочники вернулись к повиновению, но революцию не удалось победить на севере. Здесь не вернулись к повиновению и католицизму взамен на выгоды от причастности к рынку испанской монархии. Здесь революция укрепилась и взяла верх. В новом подъеме участвовали уже новые — буржуазные Нидерланды.

В середине XVII в. ситуация повторилась: развернулся новый экономический кризис. В ответ на него усилилась атака соперничающих держав на колонии католической империи. В 1720-е годы прощупывается новый мировой кризис. Он был связан с крахом торговых акционерных компаний и не мог не затронуть все страны Европы, а не только Англию и Францию, где находился его эпицентр. Вероятно, он усилил отток капиталов из Нидерландов в Англию и ускорил упадок этой державы. В России с ним стоит связывать финансовые проблемы позднего царствования Петра I и ряда последующих лет.

Описанные кризисы случились в условиях большого подъема и ни в какое сравнение с кризисом XIV в. идти не могли. Бродель так фиксировал случившийся тогда перелом: «Если необходимы какие-то конкретные данные, касающиеся Запада, то я отметил бы длительный рост населения с 1100 по 1350 г., еще один — с 1450 по 1650 г. и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду, — с 1750 г.»¹. Бродель подчеркивает отсутствие статистики; в наличии лишь косвенные данные. Его указание на «точку» 1650 г. важно, поскольку рассматриваемые нами кризисы принято оставлять за скобками промышленной истории, словно бы они не имеют никакого значения и ничего не дают для развития теории кризисов и понимания логики истории.

В работах «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.» и «Что такое Франция?» Бродель осторожно касается переломных ситуаций, говоря о ритмах и поворотах конъюнктуры². Он сомневается в

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/brodel/brodel.pdf>

2 Бродель Ф. Что такое Франция? : в 3 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1986, 1995, 1997; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I—III. М. : Прогресс, 1986, 1988, 1992.

общепринятом понимании кризисов, и эти сомнения также важны, как и работа ученого по изучению столетий торгового капитализма. Без нее и без других сведений было бы невозможно доказательно говорить о формационном подходе как подложном марксизме.

Если сравнивать известное, благодаря Марксу, о кризисах XIX в. со сведениями нашего времени о кризисах эпохи торгового капитализма (начало второй половины XVI или середина XVII в.), то видно, что те кризисы отличал вызванный «внешним толчком» провал потребления и производства. Размышляя о кризисах и призывая остерегаться «слишком упрощенного детерминизма», Бродель указывал на экзогенные причины¹. Сила внешней среды могла сдерживаться кредитом, например, ростом долгов главного потребителя Европы — испанской короны, но крах неминуемо наступал. Британский историк Эрик Хобсбаум выделял дефицит массового спроса². Ссылаясь на его исследование «Кризис семнадцатого века» и дополняя ее своим анализом, Караглицкий в «Периферийной империи» замечал: около 1620 г. поток серебра из Нового Света начал иссякать, что нарушило торговый баланс между Западной и Восточной Европой, ранее положительный для Востока³. За кризисом последовало изменение колониального производства, обеспечившее рост предложения таких товаров, как сахар, какао, табак, кофе. Это изменило баланс в торговле, но в выигрыше оказались новые колониальные страны: Франция, Великобритания и Нидерланды. Колониальные товары стали их «серебром».

И все же кризисы торгового капитализма имели и внутреннюю основу. Они демонстрировали предел определенной политики, определенной системы связей в мировом хозяйстве. Удар о преграду выражал проблему. Сам же кризис требовал изменений государственного курса, экономических правил, орудий труда, организации производства и управления. Все кризисы торгового капитализма преодолевались. Доподлинно известные хозяйственные кризисы

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. III. Время мира. М. : Прогресс, 1992. С. 78.

2 Караглицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М. : Едиториал УРСС, 2017. С. 188.

3 Там же. С. 189.

имели следствием революции в Нидерландах и Англии.

Во всем этом прослеживается некоторая цикличность. Торговый капитализм еще ждет своих исследователей — экономистов. Сейчас же можно предположить, что в его истории могут быть выделены длинные волны, каждая из которых рождалась и погибала в экономическом кризисе. Первая подобная волна вышла из ужасов кризиса XIV в. В конце XV столетия явно возникает непростая ситуация, своеобразный тупик развития, а быть может и серьезный кризис. Французская армия устремляется на покорение Италии, Португалия и Испания снаряжают экспедиции в поисках путей к богатствам Индии. Все это происходит примерно в одно время. Успех колониальных предприятий обеспечил экономический бум первой половины XVI в.

В периоде 1420—1490 гг. экономический рост в Европе базировался на внутренних ресурсах. Этот период может быть предположительно назван первой повышательной волной торгового капитализма. Следом был подъем на основе расширения экономического пространства. Была создана огромная периферия для европейской экономики. Подъем конца XVI — середины XVII в. базировался на качественно новом вовлечении ресурсов периферии. Следом имел место передел колоний: Испания была лишена англичанами, французами и голландцами ценных островов в Карибском море. Этот период может быть обозначен как еще одна повышательная волна. Но не является ли ошибкой обозначать явно имевшие место волны как понижательные (территориальное расширение рынка) и повышательные (новое по качеству освоение рынков)?

Без внимательного изучения экономических процессов в XVII—XVIII вв. это было бы преждевременно. Возможно, волны развития в эпоху торгового капитализма вообще не могут быть маркированы в духе теории Кондратьева. Две волны вряд ли могут быть обоснованно соединены в некий цикл. Одно можно сказать определенно: В 1740—1770-е годы борьба за рынки обострилась до предела. Англия, Франция и их союзники сошлись в Семилетней войне (1756—1763). Спустя десять лет после нее началась новая эпоха. Началась она с масштабного экономического кризиса. Развертывание его оказалось связано с

кризисом колониальной политики прежнего образца. Можно даже говорить о крахе первого колониализма: многие британские колонии в Северной Америке восстали и создали новое государство, обнаружился кризис испанского владычества в Новом Свете.

В 1812 году Наполеон так охарактеризовал в беседе с Арманом Коленкуром перспективы испанских владений в Южной и Северной Америке: «Все колонии последуют примеру Соединенных Штатов. Утомительно ожидать приказаний из метрополии, находящейся на расстоянии двух тысяч лье, и повиноваться правительству, которое кажется иностранным, ибо оно находится далеко и неминуемо подчиняет ваши интересы местным интересам, так как оно не может пожертвовать ими ради вас. Как только колонии чувствуют себя достаточно сильными, чтобы сопротивляться, они хотят сбросить с себя иго своих основателей». Коленкур заключал: «Император считал, что отделение испанских колоний от их метрополии является большим событием, которое изменит картину мировой политики, укрепит позиции Америки и меньше чем через десять лет создаст угрозу для английского могущества; это возместит наши потери. Он не сомневался, что Мексика и другие большие заатлантические владения Испании провозгласят свою независимость и образуют одно или два государства с такой формой правления, которая наряду с их собственными интересами превратит их в сподвижников Соединенных штатов»¹. Прогноз реализовался не вполне. Но стоит учесть факт: с задержкой от Англии Испания все равно потеряла богатейшие колонии.

Все, что было сохранено европейскими державами к 1820-м гг., не было столь значимо, как все, чем они обладали в период расцвета торгового капитализма. Положение Великобритании было иным, хотя и ее потери были весьма существенными. В середине XVIII в. колониализм первого издания капитализма достиг пика. Вся последующая колониальная экспансия промышленных европейских государств была уже «вторым изданием» колониализма. Крах этой колониальной политики не мог привести к краху

1 Коленкур де А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. URL : <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kolencur/part07.html>

капитализма, как не привел к его крушению крах колониального владычества при торговом капитализме. Напротив, в обоих случаях неудачи подстегнули экономическое развитие мира. Капитализм умел находить внутреннюю, находящуюся внутри его центра периферию, а не только ползти в стороны. В конце эпохи торгового капитализма перед обществом лишившихся или теряющих важные колонии государств стоял выбор: ослабевать далее, скатываясь в периферию или полупериферию мира, или резко изменить ситуацию. Второй путь означал революцию. Но это революция, как показал опыт Испании XIX в., не всегда могла развернуться успешно. На это же ранее указала печальная судьба Батавской революции в Нидерландах.

Торговый капитализм обеспечил экономикам Европы невиданное прежде ускорение развития. Историки выделяют успешность XVIII столетия, но и период XV—XVII вв. был весьма динамичным. Росло производство. Увеличивалось потребление, хотя далеко не все и не везде выигрывали от этого. Так, известно, что «второе издание» крепостного права в России и рост связи дворянства с городскими рынками обернулся обнищанием миллионов крестьян. Это замечательно показал Михаил Покровский в большой работе «Русская история»¹. Ресурсы земледельцев попросту изымались владельцами поместий и обменивались в городах на деньги. Однако в конечном итоге дворянская эксплуатация сельского работника, в какой бы форме она не имела места в Европе, работала на расширение рыночной экономики и обогащение буржуазии. Ее экономическое усиление было неравномерным. В центрах европейского капитализма этот процесс шел быстрее. Он казался современникам естественным, логичным: материальная деятельность людей, деловая сметка, торговля повышали благосостояние общества и увеличивали состояния негоциантов и уровень общего достатка.

Так продолжалось, пока не грянул экономический кризис. Он перевернул все.

Краткое обобщение. Торговый капитализм породил новый тип социальной революции — революции в рамках формационной эпохи, толчками для таких революций были большие кризисы (первая из них произошла еще под влиянием великого кризиса XIV в.); сами эти социальные революции разрывали блок буржуазии и знати, капитал брал власть безраздельно, он мобилизовал нации на борьбу за лидерство в мировой экономике и политике; большие кризисы торгового капитализма выглядят периодическими бессимптомными неприятностями для рыночной системы Европы, но они логичны и подстегивают процесс экономического и социального развития.

Глава 5. Тяжкие роды промышленного капитализма

(64-72 стр. в бумажной версии книги)

Эпоха торгового капитализма началась в результате изменений, произведенных кризисом XIV в. Промышленный капитализм также родился из экономического кризиса.

Время начала первого изученного Кондратьевым цикла (конец 1780-х — начало 1790-х гг.) совпадает именно с этим острым экономическим кризисом, носившим широкий международный характер. Кризис не одновременно проявлялся в различных странах, но, как видно, был вызван общими причинами: невозможностью дальнейшего экономического роста без качественных (включая, политические) перемен. Накануне наблюдался избыток свободных капиталов при явно усложнившемся вложении в производство. Не случайно в те годы плоды научно-технической революции, часто определяемой как результат всего XVIII в., оказались востребованы. Но также под влиянием кризиса имели место и радикальные социально-экономические перемены, убравшие феодальные преграды на пути капиталов и изобретений во многих странах Европы.

Вряд ли сейчас возможно полноценно воспроизвести картину кризиса.

Данных недостает. Порой, как это было и с более ранними кризисами, этот кризис прослеживается по косвенным признакам. Вероятно, он имел две острых фазы: в первой половине 1770-х гг. и в 1780-х гг. На первом этапе кризиса наиболее развитые промышленно станы (Англия, Франция и Голландия) столкнулись с острым «мануфактурным перепроизводством». Произошло значительное падение экспорта товаров, прежде всего тканей. Сократились заработки рабочих. Упал импорт сырья и продовольствия в эти страны. Не случайно в 1774 г. в Лионе происходит большая стачка текстильных рабочих. В Англии еще в 1769 г. обстоятельства принудили парламент принять закон, предусматривающий смертную казнь для пролетариев за разрушение машин. В Москве в 1771 г. имел место «чумной бунт», разразившийся во время эпидемии и вызванный ухудшившимся материальным положением горожан.

Причина кризиса в наиболее передовых странах состояла в развитии мануфактурного производства в Европе и английских колониях Северной Америки. Видимо еще накануне кризиса на мировом рынке обозначился рост цен на сырье вследствие повышенного потребления его растущей промышленностью европейских стран (отчасти повлияла Семилетняя война). Вместе с тем годы производственного и торгового подъема привели к увеличению заработной платы в Англии и Франции. Все это сделало экспорт промышленных товаров из промышленно развитых стран более дорогим, чем производство аналогов на месте. В 1770-х и особенно в 1780-х гг. быстро растет мануфактурное производство в империи Габсбургов (особенно в Чехии), России, Германии, Испании (особенно в Каталонии) и даже Польше. При этом Пьемонт, Нидерланды, Франция и Англия сталкиваются с проблемами сбыта своей продукции.

Уже в 1780-х гг. начинает развиваться протекционизм. Государства Восточной, Южной и Северной Европы осуществляют крупные реформы. Устраняются многие внутренние пошлины (в Австрии — реформы 1775 г.), ремесленные цеха лишаются средневековых привилегий, но при этом усиливаются крепостнические порядки: происходит ужесточение эксплуатации

сельского населения. Однако под давлением снизу в 1780-х гг. в ряде стран феодальный гнет смягчается. В 1780 году крепостное право отменено в Чехии, а в 1785 г. — в Венгрии.

Растущие в тот период в Европе мануфактуры используют дешевый, а зачастую подневольный труд. Пока государства Северо-Западной Европы борются с последствиями кризиса, в отсталых странах начинается подъем. Вероятно, уже в этом можно видеть начало первой повышательной волны, прослеженной Кондратьевым. Европейские страны, чья промышленность была менее связанной с внешними рынками, быстрее преодолевают кризис.

Хозяйственные проблемы обостряют противоречия между Францией, Голландией и Англией. Британия отчаянно защищает контролируемые рынки от конкурентов и душит американскую промышленность, увеличивая таможенные сборы. Это оборачивается недовольством в американских колониях. Голландия все меньше вывозит сукно. Во всех трех странах безработица становится хронической. На Лондонской бирже в один момент 1770-х гг. даже акции Ост-Индской компании опускаются почти на 100%.

Ранее открытые для иностранных товаров рынки в Европе устанавливают протекционистские барьеры для многих товаров, особенно тканей. Вместе с тем они требуют от Англии свободной торговли — образуется Лига вооруженного нейтралитета (1780—1783). В нее входят Австрия, Россия, Швеция, Королевство обеих Сицилий, Пруссия, Португалия, Голландия и Дания. Лига не допускает англичан досматривать и арестовывать суда, идущие в восставшие колонии. В 1780-е годы кажется, что отставшие в экономическом развитии страны стремительно нагоняют лидеров. Они поддерживают свою торговлю (создавая даже монополии) и промышленность, что оборачивается немалыми хозяйственными успехами.

На развитие кризиса в Англии указывает статистика импорта. Ценность ввозимых товаров достигла в 1760 г. 10 млн фунтов стерлингов, поднявшись до 12 млн фунтов стерлингов в 1770 г. В 1775 году импорт достигает 15 млн фунтов стерлингов. После этого следует значительное падение ввоза в 1776—

1783 г. Ввоз падает до 10—11 млн фунтов стерлингов в год. Затем разворачивается быстрый подъем. В 1785 году импорт равен уже 16 млн фунтов стерлингов. Британские таможенные записи показывают: тоннаж судов, вышедших из портов Англии в 1770 г., составил 761 тыс. т, 1774 г. — 864 тыс. т, в 1777 г. — 820 тыс. т, в 1779 г. — 730 тыс. т, а в 1781 г. — 711 тыс. т. Далее последовал стремительный подъем. В 1785 году из британских портов вышло судов общим тоннажем в 1055 тыс. т¹.

Английский экспорт медленно прогрессировал в XVIII в. С 7,5 млн фунтов стерлингов его размер поднялся к 1771 г. почти до 17,2 млн фунтов стерлингов. Однако затем происходит падение до 11,5 млн фунтов стерлингов. И только в 1783 г. возобновляется рост. В 1785 году вывоз составляет 16 млн фунтов стерлингов, спустя десять лет — уже 27 млн фунтов стерлингов. Позицию лидера, принадлежавшую ранее шерстяным полотнам, занимают хлопчатобумажные ткани, продукт машинного переворота в производстве. Продукт этот сам по себе революционен для Европы. Веками ткани из хлопка доставлялись с Востока и стоили дорого. Англичане резко меняют ситуацию: они сами начинают поставлять на континентальный рынок ткань, для выпуска которой их конкуренты не имеют ни сырья, ни машин.

Французская торговля, увеличившаяся за первые три четверти XVIII в. в несколько раз (от пяти до десяти по разным оценкам), несет огромные потери. В 1777 году впервые отмечен дефицит торгового баланса. Оборот торговли сокращается. Буржуазия пытается добиться реформ: устранить внутренние таможи, усилить протекционизм и уменьшить налоговый пресс. Ничего не выходит, класс феодалов не желает уступок. В Англии разворачивается промышленный переворот. Это позволяет сократить потребность в некоторых видах сырья (в частности чугуна из Восточной Европы) и снизить себестоимость товаров. Чтобы совершить нечто подобное, Франции нужна социальная революция — нужна ломка и перестройка всего общества.

Неожиданно поверженный «лев Британии» вновь поднимается на лапы.

1 Здесь и далее в этой главе приводятся данные из работы: Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3 т. Т. 1. М. : Соцэкгиз, 1959.

Экономика острова преодолевает кризис, а английские товары вновь разворачивают наступление на рынки. Рост доходов феодальной знати европейской периферии оборачивается на пользу обновляемой английской промышленности. Это еще более осложняет экономическое положение Голландии и Франции. В 1780-е годы кризис продолжает подрывать торговлю и промышленность этих стран. В таких условиях местные банкиры не решаются инвестировать средства в рискованную индустрию. Более всего от кризиса страдали крупные предприятия, сосредоточенные в основном в текстильной промышленности.

К 1789 году экономические условия во Франции существенно изменились. Закончилось время усиления торгового капитала, связанного с колониальными рынками и контролировавшего огромный транспортный флот. В годы революции торговая буржуазия поддержит партию жирондистов и проиграет в борьбе с другими группами буржуазии. Состояния, созданные накануне кризиса, перейдут в новые руки, а торговый флот Франции значительно сократится. Аналогичной окажется к 1800 г. судьба Голландии, где (как и во Франции) начнется индустриальный подъем. Французская промышленность выйдет из продолжительной депрессии необычайно усиленной. Связанные с ней круги буржуазии сделаются опорой диктатуры Наполеона.

Известно, что в предшествовавшие революции два десятилетия Францию все чаще сотрясали народные выступления. В других странах также ощущалось нарушение стабильности.

В 1772 году было отмечено резкое ухудшение торгового баланса России, повторившееся в 1782 г. Поступления от таможенных сборов перестали расти в 1774 г. Они оставались меньшими, чем в 1773 г., до 1780 г., когда подскочили с 3,1 до 4,1 млн руб.¹ После этого рост возобновился. Интересно и то, что с 1763 по 1771 г. доходы русской казны от подушной подати и оброчных сборов увеличились почти вдвое (с 5,67 млн до 12,24 млн рублей), а затем начали медленно снижаться. В 1772 году они достигли 12,22 млн руб., а в 1773 г.

1 Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 217—218.

составили 12,18 млн руб. Данные за 1774—1776 гг. неизвестны, но в 1777 г. государство смогло получить 12,37 млн руб. Сокращение и застой поступлений от подушного обложения крестьян в тот период сочетались с расширением империи и ростом ее населения. В 1781 году подушные поступления равнялись 13,42 млн руб., в 1782 г. — 13,52 млн руб., а в 1783 г. — 13,31 млн руб. После многолетнего застоя этот показатель неожиданно взлетает в 1784 г. до 21,69 млн руб., начиная с колебаниями расти снова¹. В 1784 году чистые доходы казны вообще поднимаются на 9 млн руб.: с 31, 58 млн с 1783 г. до 40,52 млн руб.²

Недоимки в 1760—1780-е гг. оставались серьезной проблемой для российской казны, что указывает на непростое положение крестьян, ремесленников и купцов. Издержки собирания налогов с 5 млн руб. в 1769 г. возрастают до 12,49 млн руб. в 1772 г. В 1773 году они равны 11,3 млн руб. и снижаются только в следующем десятилетии (примерно до 10,5 млн руб. ежегодно)³. Недовольство сельских жителей Российской империи было очень велико. В 1773—1775 годах произошло одно из крупнейших за всю историю крестьянских восстаний. Под предводительством Емельяна Пугачева поднялись крепостные крестьяне, казаки и уральские рабочие. В Австрийской державе происходят сходные события. Вспыхивает восстание чешских крестьян (1775), на подавление которого была брошена целая армия.

Накал социальной обстановки в те годы ощущался во многих странах и колониях. В будущих США тиски кризиса все сильнее сжимали экономику в 1772—1775 гг. Причем этому падению предшествовал спад с тяжелой депрессией 1764—1769 гг.

В первой половине 1770-х гг. в английских колониях отмечалось снижение цен на местную продукцию, что больно задевало фермеров и купцов. Так же как и в Англии, в Голландии и Франции росло число банкротств, хронической становилась безработица. Во Франции и Нидерландах отмечался упадок торговли, что способствовало в годы кризиса обострению межгосударственных

1 Там же. С. 138—139.

2 Там же. С. 257.

3 Там же. С. 283, 310.

противоречий. Французская промышленность, ежегодно прираставшая в 1715—1770 гг. примерно на 1%, несла потери. По сути, первые симптомы кризиса торгово-промышленные державы ощутили уже в 1760-е гг., сразу по завершении Семилетней войны (1756—1763).

Под влиянием перемен в международной торговле и разделении труда происходит обострение классовой борьбы. В Англии полоса проблем завершается промышленной революцией: новая техника оказывается необходимой, а ее внедрение — объективно возможным в самой развитой капиталистической стране. В Голландии разворачивается Батавская революция. Прусская военная интервенция душит эту предшественницу Великой французской революции в 1787 г. Британская буржуазия торжествует: кризис ослабляет конкурентов. Между тем он подготавливает невиданные еще в Европе социально-экономические потрясения. И не случайно они будут названы Великой революцией, хотя историки второй половины XX в. нередко говорили просто о французской революции. Она таковой не была, а носила более широкий характер, втягивая в процесс новые народы.

В центре мировой торговли — Англии — 1760—1780-е гг. были временем острого политического кризиса, отражавшего хозяйственный перелом. Промышленная буржуазия требует расширения избирательного права, происходят народные волнения, в том числе и в Ирландии. В 1775—1783 годах разворачивается революционная борьба за независимость североамериканских колоний. Возникает новая страна — Соединенные Штаты. Событиям этим предшествует нарастание экономических трудностей, делающих невозможным для колоний дальнейшее сохранение зависимости от Англии.

Британские экономические порядки вступают к 1775 г. в неразрешимое противоречие с развитием североамериканских колоний. Но даже, когда война начинается, Англия не может пойти на уступки — первоначальные требования колонистов умеренны. Вся британская политика тех лет складывается из стараний ослабить давление кризиса на экономику метрополии. В 1769—1770 годах англичане доводят население Индии до страшного голода, быть может,

самого ужасного в ее истории. В Бенгалии убыль населения достигает одной трети.

В период 1770-1780-х гг. отмечалось снижение спроса на многие промышленные товары, ранее широко поставлявшиеся из стран с более развитой промышленностью. Французский экспорт шелка в Англию, Германию и «другие так называемые северные страны уменьшился с 22 млн ливров в 1769 году до 16 млн ливров в 1783 году»¹. Сбыт падал и в южных государствах Европы, а также снижался на Востоке. В самой Франции продажа шелка уменьшилась в означенный период с 12 до 8 млн ливров. С теми же проблемами в экспорте шелка сталкивались Голландия и Северная Италия. В Венеции в 1780-м г. власти жестоко подавляют забастовку рабочих, вызванную ухудшением их материального положения. В 1781 году происходит восстание среди населения провинций этой торговой республики.

Застой или ослабления проявлялись и в других отраслях промышленности. Мануфактуры ранее богатевших за счет экспорта государств явно производили больше товаров, чем был в состоянии поглотить рынок. Спад отмечался в кораблестроении, металлургии и сукноделии. Проблемы в большой торговле оказывали негативное влияние на состояние крестьян и мелких торговцев. Между тем отставшие в развитии державы с еще сильными феодальными порядками развивали собственное, более дешевое производство.

Кризис имел несколько острых фаз, одновременно затрагивавших различные государства. Он сравнительно легко прошел в странах европейской периферии, но тяжело преодолевался в экономически наиболее передовых регионах. Во Франции 1788 г. именно сочетание неурожая и свертывания производства подтолкнуло рост общественного возмущения. Кризис сильно дал вновь себя почувствовать в 1787—1788 гг. В США 1780-е гг. опять не стали временем процветания: добившись независимости, страна еще долго оставалась под давлением хозяйственного кризиса. Но все же оживление в американской экономике началось раньше, чем в Голландии и Франции.

1 Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1—2. М., 1971. URL : http://istmat.info/files/uploads/28152/industr-revolution_f-v-potemkin_v1.pdf

Важной чертой кризиса в 1770-е гг. стало снижение ставки процента по кредитам. Буржуазия ранее господствовавших в международной торговле стран смогла скопить огромные состояния, но не имела возможности инвестировать их в торговлю и промышленность. Это особенно касалось Нидерландов и Франции, где переход к применению машин в индустрии оказался наиболее затруднителен. Одной из проблем была неясность перспектив сбыта: английская промышленность быстрее переходила на новые технологические рельсы, а торговое доминирование Британии подкреплялось военно-морской мощью. Голландия прекрасно смогла это почувствовать, проиграв в начале 1780-х гг. войну с ней.

«Излишние» капиталы требовали применения, несмотря на кризисные процессы в своих странах. Известно, что европейские правительства под влиянием «кризисного застоя» 1774 г. смогли получать голландские кредиты всего под 5% и даже под 2—3%. Примечательно, что наиболее отсталые государства в конце XVIII в. ощущали острое экономическое недомогание вместе с торгово-промышленными лидерами, поскольку были тесно связаны с ними в качестве поставщиков сырья и продовольствия¹. При этом, что характерно, в отличие от более развитых европейских абсолютных монархий, они не имели условий для самостоятельного преодоления спада за счет развития собственного мануфактурного производства. В таком положении в 1770—1780-х гг. оказалась Османская империя.

В 1770—1780-х годах не наблюдалось спокойствия в колониях. В испанских владениях в Латинской Америке разворачиваются восстания индейцев, самое крупное из которых — восстание Тупака Амару II (1780—1782). Не единожды происходили восстания в Индии, имевшее место параллельно с попыткой Франции вновь закрепиться на полуострове. Неудачи Франции в борьбе с Британией за новые земли, наряду с потерей североамериканских колоний, чрезвычайно серьезно отразилось на государственных финансах и национальном хозяйстве. Они немало

способствовали развитию в стране политического и социального кризиса. В дальнейшем революция стала локомотивом преодоления кризиса, с которым феодальная монархия справиться была бессильна.

Кризис мирового хозяйства продолжался в различных странах неодинаковое время. Его длительность можно предположительно оценить примерно в 10—15 лет (до 1783 г.), а если учитывать кризисные ситуации 1788—1790 и 1793—1793 гг. как часть единого процесса трансформации, то общая продолжительность кризиса с учетом перерывов должна составить до 25 лет. При этом стоит учитывать, что Британия к 1785 г. находилась уже в новой экономической реальности и для нее экономическая перестройка подошла к концу — эра торгового капитализма осталась позади.

Обе датировки окончания этого кризиса дают чрезвычайно большую его продолжительность. Впрочем, срок его выглядит столь значительным лишь при сравнении с более поздними глобальными системными большими кризисами, имевшими место в XIX—XX вв. Некоторые исследователи дают им характеристику как структурным. Суть кризиса видится им в конфликте старой структуры экономики с запросами новой технологии. В такой оценке общественная сущность кризиса отодвигается в сторону узким экономическим пониманием крупного и особо сложного кризиса. Но такие кризисы требуют далеко не только структурных изменений. Они диктуют решения, которые не просто перестраивают взаимосвязи элементов структуры, меняют их взаимное расположение и важность, но изменяют само общество. Большие кризисы дают новую внутреннюю и внешнюю политику, меняют идеи, а вызванные ими великие революции ломают старую и начинают создавать новую структуру общества. Они буквально перестраивают мировой капитализм, меняя роли стран. Речь не идет только о новом балансе, который, конечно, присутствует. Речь о глубине и всесторонности производимых преобразований. Таким был и первый кризис в системе отсчета промышленного капитализма.

Кризис во второй половине XVIII в. оказался чрезвычайно важным для развития капитализма. Он закончил период, длившийся несколько веков, и если

для некоторых стран его можно представить как структурный, то для всего мира и для центра капитализма он означал гораздо большее — революцию в системе, а вовсе не поправки к ней. Так был произведен на свет промышленный капитализм. Начался отсчет новой эпохи и новой цикличности — строгой большой и средней экономической.

Краткое обобщение. Не плавное развитие науки и техники, а острый экономический кризис породил промышленную революцию в Англии; в результате капитализм перешел в промышленную фазу; обретение британцами новых экономических преимуществ сделало феодальные отношения в Европе препятствием для развития, их во многом снесла последовавшая за кризисом модернизационная в своей сути Великая французская революция.

Глава 6. Длинные волны и короткие циклы, XIX в.

(72-84 стр. в бумажной версии книги)

Кризис конца XVIII в. заслуживал подробного рассмотрения. Можно сказать, что его исследование только начинается, и картина имеет немало белых пятен. Само понимание экономических и социально-политически потрясений того периода является новым.

Давший почувствовать себя в 1770-е гг. экономический кризис был вызван невозможностью дальнейшего развития мирового хозяйства без серьезных перемен в нем. Завершился очередной этап колониальной гонки, главный приз в ней — Индия — достался англичанам. Вместе с тем рост обрабатывающей промышленности в Европе привел к ослаблению позиций старых торгово-промышленных лидеров, потребовав от них качественных перемен в экономике. В Австрии, России, Германии и Испании, напротив, развернулся мануфактурный рост, а кризисная фаза оказалась пройдена к началу 1780-х гг.

К 1790 году в мире произошли серьезные изменения в сфере торговли и

международного разделения труда. Обработывающая промышленность перестала быть привилегией наиболее развитых стран. Для преодоления спада потребовались технические новшества, политические реформы и социальные революции в Западной Европе, призванные убрать феодальные преграды всюду, где капиталистические отношения проникли достаточно глубоко. Необходимо подчеркнуть: советский марксизм трактовал социальные революции как радикальные насильственные преобразования общества, которые открывали путь новому способу производства, устраняя преграды старых отношений. Примером таких революций традиционно служили буржуазные революции. Однако социальные революции имеют два уровня. Одни революции меняют формационные эпохи. Разворачиваются они вовсе не как народные революции, уничтожающие классы угнетателей и создающие тем новый общественный строй. Они могут порождать такие революции, как это было показано на примере кризиса XIV в., но они не могут быть сведены к ним. Процесс намного сложнее и включает в себя экономический кризис и трансформацию общества и классов в нем. Так, рабы становятся колонами, а их хозяева — эксплуататорами другого типа.

В XIV веке в наиболее передовых странах, которые превращаются в центры капитализма, феодалы преобразуются в арендодателей. Их деятельность может включать управление торговлей и банками. Финансисты могут владеть обширными землями, обзаводиться гербами и аристократическими повадками. В разборе двух великих кризисов механизм этих изменений уже был показан. Остается заключить, что он был запущен в результате сменившей феодальную формационную эпоху социальной революций. Она же была порождена великим кризисом.

В рамках капитализма происходят другого типа социальные революции.

Капитализм является самым сложным эксплуататорским обществом. Он разделяется на эпохи торгового и промышленного капитализма. Происходящие в них революции решают задачи развития или модернизации, что особенно характерно для промышленной эры. Они устраняют феодальные отношения и

сформировавшуюся на их основе аристократию. Задача этих революций расчистить путь для развития общества на индустриальном фундаменте. Эти революции неверно оценивать по их кульминации, когда они способны уничтожить даже буржуазию, если та окажется непригодной для решения объективно стоящих задач. Такой радикализм вовсе не делает их сменяющими формационную эпоху или даже общественно-экономическую формацию в вульгарном марксистском понимании. Логика этих революций будет рассмотрена далее. Но нужно отметить, они не являются единственным механизмом подстегивания развития в условиях промышленного капитализма. Скорее, они могут быть описаны как чрезвычайный механизм форсирования процессов на национальном или более широком уровне, тогда как большие кризисы в мировой экономике заслуживают оценки основного стимулирующего перемены механизма. Важно и то, что революции ведут страны полупериферии к положению держав экономического центра капитализма самым коротким путем. Они оказываются соперниками прежних лидеров, на них обрушиваются удары с разных сторон, они могут казаться потерпевшими поражение или выдохшимися в момент политической реставрации, но это не заканчивает их историю. Великие революции все равно приходят к успеху.

Большой кризис конца XVIII в. дал мощный толчок прогрессивным переменам в мире. Англию он принудил к промышленной революции: были созданы и стали широко применяться в хлопчатобумажном производстве машины, встал вопрос новой двигательной силе в производстве, так, паровые машины стали применяться не только горном деле; добыча каменного угля (производимая не без помощи паровых машин, откачивавших воду из шахт) улучшила британскую черную металлургию. В тот же период, с кризиса 1770-х гг., по-видимому, начинается история «десятилетних» (средних) торгово-промышленных циклов, а также длинных волн развития с неизбежными большими кризисами в итоге. Тех волн, что обнаружил Кондратьев.

Торговый капитализм просуществовал почти четыре столетия. Эта эпоха началась и завершилась кризисом. Последний продолжительный и острый

большой экономический кризис открыл путь промышленному капитализму. Сейчас история капитализма машин насчитывает два с половиной столетия. Однако в конце XVIII в. она только началась. Англия лидировала в этом процессе применения станков и паровых машин как в хлопчатобумажной, так и горной промышленности. Рост производства оказался столь внушительным, что даже, несмотря на снижение себестоимости продукции, последовало перепроизводство.

Кризис 1787—1788 гг. (не пройденный еще до конца и в 1790 г.) взорвал Францию. Зафиксированный в Англии спад 1792—1793 гг. также отразился на французском обществе. Экономика страны страдала от торгового договора 1786 г. с морским соседом. Рынок Франции, благодаря «свободной торговле», был полон английских фабрикатов, а французы оставались без заработка. Революция отменила этот договор в самой решительной форме: Франция объявила войну Англии. Это стало отправной точкой ее нового подъема, который наступил не сразу, но оказался чрезвычайно бурным. В 1797 и 1803 г. в экономике Соединенного Королевства фиксировались кризисы. Все они носили международный характер: английский сбыт сталкивался с проблемами прежде всего вне острова.

Поистине грандиозным и переломным оказался кризис 1810—1820 гг. В экономической истории принято разделять «английские кризисы» 1810—1811, 1815—1816 и 1818—1819 гг. Между тем кризисы эти были общемировым явлением. Они затрагивали Францию, Россию, США, Германию, Италию и Испанию. От них страдали голландские и скандинавские производители, а также колонии европейских держав. Проблемы со сбытом английских, французских, немецких и иных промышленных товаров порождали переполнение рынков сырьем, спекуляции хлебом и обнищание европейских и североамериканских рабочих. Страдало также сельское хозяйство. Промежутки между кризисами (за исключением 1814—1815 гг. для Англии) являли собой депрессивные передышки перед новыми обвалами продаж¹. Британский

1 Подробная статистика по спадам и подъемам XIX — начала XX в. приводится в работе: Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов : в 3 т. М. : Соцэкгиз, 1959.

характер кризиса выражался в том, что начался он не в наполеоновской Франции, а в Соединенном Королевстве. Этот факт указывает, что именно английская экономика занимала центральное положение в мире. Другим доказательством этого факта были условия преодоления кризиса: британские власти помогли закончиться успехом восстанию в испанских колониях, результатом чего стала более тесная связь новых государств с английским рынком. Это специфическое расширение сферы торгового влияния Англии обеспечило заказами ее промышленность. Примечательно, что создания в Южной Америке аналога США (что считал вероятным Наполеон) не случилось. Этому снова помешали английские усилия: британцам нужен был не еще один сильный претендент на положение центра капитализма, а новая периферия.

Особое влияние на кризис и его преодоление оказало таможенное наследие уже побежденного Наполеона. Французское владычество в Европе было в 1814 г. уничтожено. Однако благоприятный для местной промышленности «французский» таможенный тариф остался. Во Франции восстановленная иностранными интервентами администрация Бурбонов тоже не стала возвращаться к торговому договору с Англией образца 1786 г., а пошла навстречу национальным производителям. Такое «предательство» союзниками и партнерами интересов британской промышленности не могло не подтолкнуть политиков Англии на предательство своих верных испанских союзников, что и помогло в итоге преодолеть кризис, сохранив также важные изменения в экономике Европы, произведенные под давлением французов.

Кризис 1810—1820 гг. завершил первый в истории промышленного капитализма повышательный период, длинную волну развития. Начался понижательный период. В его ходе Британская империя утвердила свое экономическое и политическое лидерство в мире. Для английских товаров вполне открылся рынок бывших испанских колоний. По итогам Первой опиумной войны (1839—1842) был вскрыт рынок Китая. Этот и другие менее значительные экспансионистские инициативы (такие как французское завоевание Алжира) расширили мировой рынок и зону непосредственного

влияния индустриально развитых экономик центра. В них под влиянием шоков 1810—1820 гг. происходил рост применения паровых машин. Строились железные дороги и сооружались каналы. Англия в этот период препятствовала вывозу машин (совсем иначе она поведет себя в 1850—1860-е гг.), так как в ее экономике их производство только еще переходило к серийному. Потребность в паровых машинах для транспорта и предприятий возрастала, а их выпуск все еще был ограничен.

Так, 1847—1850 гг. стали для мировой экономики временем нового острого кризиса. Под его влиянием происходили создание новых национальных рынков, невиданное железнодорожное строительство и расширение применения машин. Паровая техника приходит в сельское хозяйство наиболее развитых стран. Экономический подъем продлился до 1873 г. Запуск его не обошелся без социального фактора.

Кризис 1847—1850 гг. принес в Европу волну революций. Буржуазные и более масштабные конституционные реформы создали условия для начала нового хозяйственного подъема. В этом состояла политическая задача кризиса. Он продиктовал условия необходимых для продолжения развития перемен, как прежде (тоже при начале повышательной волны) кризис конца XVIII в. Но революции и реформы середины XIX в. были подготовлены переменами, что принесла на штыках Великая французская революция. По сути, она имела больше, чем национальное значение, и была континентальной европейской революцией с центром во Франции. Потому ни одно из национальных выступлений 1848—1849 гг. не было великой революцией. То была доводка уже во многом сделанной прежде работы. Отсюда якобы незавершенный, не полный, как утверждали советские марксисты, характер революций.

Последовали два десятилетия экономического подъема. Время от времени они прерывались кризисами перепроизводства. Они привлекли внимание Карла Маркса и Фридриха Энгельса, восхищенно и с большой надеждой изучавших экономический бум после потрясений 1847—1850 гг. Подъем не был беспрерывен. Время от времени он прерывался кризисами. Так открывается

природа кризисов как порождения перепроизводства, нашедшая отражение в «Капитале» Маркса. Было определено: столкнувшееся с проблемой сбыта производство обновляет свое техническое вооружение (внедряет новые машины и методы работы), снижает себестоимость товаров. Слабые фирмы разоряются, а более сильные расширяют свое присутствие на рынке. Все это происходит в силу внутренних противоречий капиталистической экономики, а не в силу того, что она сталкивается с внешними преградами.

Так, 1850—1860-е гг. могут быть названы «золотым веком» угля и пара и промышленного капитализма в его домонополистической форме. Сооружение железных дорог в этот период идет по всем включенным в товарный обмен областям мира. Новый транспорт связывает рынки, одновременно делая выгодным создание предприятий там, где ранее это не имело смысла из-за удаленности от покупателя продукции. Соединенные Штаты постепенно становятся новым лидером мировой экономики, поскольку иммигранты получают землю на новых территориях, куда прокладывается железная дорога, а протекционистская политика стимулирует рост промышленности. Все это происходит по итогам гражданской войны 1861—1865 гг., где промышленный Север разгромил аграрно-рабовладельческий проанглийский Юг. Растущая армия наемных рабочих потребляет продукты фермерских хозяйств, пока не надуваются сильнее обычного пузыри железнодорожных компаний. Этому немало помогают английские капиталы, инвестируемые в США, куда стало не так просто с выгодой поставлять продукты английских фабрик. К этому моменту, начиная с 1850-х гг., британцы активно вывозили машины.

Машиностроение, возникшее как отрасль промышленности за два десятилетия до этого, обеспечило британской экономике рост. Расширение применения машин во всем мире означало для Англии новые заказы, но не бескризисное развитие. В эту эпоху мировые торгово-промышленные кризисы начинались и заканчивались в Великобритании как центральной для мировой экономики стране.

Кризисы совершенствовали индустрию, сельское хозяйство, финансы и

торговлю. Они подготовляли приход монополистического капитализма. Однако «наступил поворот», как выразился Энгельс относительно кризиса 1873—1878 (1880) гг., оказавшегося необычайно тяжелым. Вопреки расчетам классиков марксизма промышленный спад не имел места в 1878 или 1879 г., как этого следовало ожидать. Периодичность словно бы нарушилась. Ситуацию с 1876 г. Энгельс характеризует как хронический застой. Это была депрессия, сравнимая в то время разве что с депрессией, порожденной кризисом 1847—1849 гг.¹ Ни Маркс, ни Энгельс не обнаружили любопытной аналогии. Ускользнула от них и другая интересная деталь: после спада и зстоя 1873—1878 гг. продолжительность циклов вновь изменилась. Однако спустя чуть более 20 лет последовал новый особо тяжелый кризис — то был кризис 1899—1904 гг. Кризис же 1870-х гг. был преодолен за счет открытия новых рынков, а точнее, новой колониальной экспансии, направленной в первую очередь в Африку. Регион этот был богат природными ресурсами, обладал рабочей силой, которую можно было не без насилия включить в аграрное и иное производство. Африка также давала европейцам возможность построить новые порты, мосты и железные дороги, а также разбить плантации и фермы. Переселенцы и осваивающие колонии фирмы создали спрос на европейские товары. Коренное же население зачастую пришлось принуждать к рынку или втягивать в него опосредовано, через племенную знать.

К концу XIX в. капитализм не только стал монополистическим, но он также включил в свою систему практически все уголки мира. Первой монополистической фазой капитализма можно считать понижательную волну 1880—1899 гг. Характерно, что первые монополии возникли в тяжелой, а не в легкой промышленности.

Было бы ошибкой полагать, что поворотный кризис 1870-х гг. был преодолен без технологической революции. Она касалась необычайно важного материала — стали. Ее производство стало возможно в невиданных объемах, что сыграло огромную роль в новой колониальной экспансии. Уже не

деревянные, а стальные пароходы направились из Европы к берегам Африки. Посетив Гамбург в эту эпоху стальных океанских кораблей и увидев их, Отто фон Бисмарк произнес: «Да, это другой мир, новый мир...»¹.

После большого кризиса 1873—1878 гг. имели место не столь продолжительные, как 1850—1860 гг., периоды экономического роста. Спады, как и в 1825—1842 гг., приходили чаще. В 1882—1883 годах разразился первый подобный кризис. Затем последовал кризис 1890—1893 гг. Новый экономический кризис поразил мировую экономику в 1899 г. Он оказался продолжительным и завершился лишь в 1904—1907 гг. Энгельс к тому времени ушел из жизни. Никто из марксистов-преемников не обратил внимания на некоторые схожие черты нового крупного спада с кризисами 1847—1849 и 1873—1878 гг., хотя Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» сделал акцент на поворотном значении каждого из кризисов для развития капитализма². Однако сходство кризисов не являлось случайным. Между кризисами существовала особая, циклическая связь. То были большие кризисы смены длинных волн развития капитализма. И если в торговом капитализме не так просто найти строгость в этом процессе (циклическом и волновом лишь в вульгарном смысле), то с началом эры промышленного капитализма все меняется. Картина обретает четкость (рис. 6.1). Проблема лишь в том, что это можно видеть, лишь собрав части процесса воедино и поняв их роль.

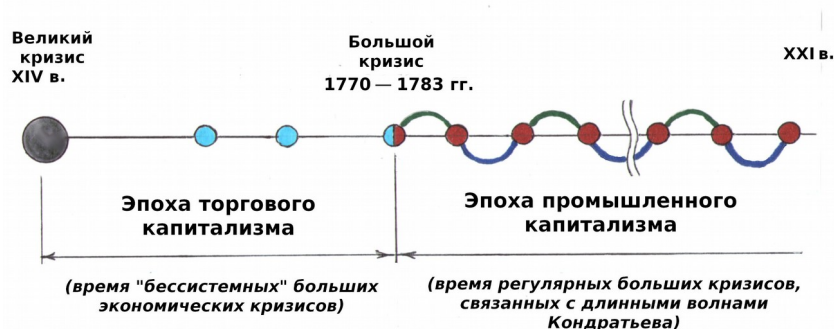

Рис. 6.1. Большие экономические кризисы до и после промышленного поворота 1770—1783 гг.

1 Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3 т. Т. 1. М., 1940.

2 Ленин. В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. URL : https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Lenin_Imperialism/imp.html#c0

За Великим кризисом XIV в. последовали большие кризисы эпохи торгового капитализма, где строгую циклическую периодичность установить не удалось («бессистемные» большие кризисы); после большого кризиса 1770—1783 гг. развитие капитализма (ставшего промышленным) принимает волновой характер, верхние дуги здесь обозначают повышательные, а нижние — понижательные волны.

Энгельс видел, что кризисы 1847—1849 и 1873—1878 гг. выпадали из ряда нормальных кризисов. Оба они оказались тяжелыми и продолжительными. Но первый вызвал волну революций в Европе, а второй нет. Более того, кризис 1870-х гг. совпал с кризисом Первого интернационала и его распадом. Под его влиянием рабочий класс вовсе не поднялся на революционное восстание в странах капитализма, а Интернационал не стал центром этого движения. Он распался. Российский историк Александр Шубин так описывал обособление анархистов после исключения из Интернационала в 1872 г. их вождей Михаила Бакунина и Джеймса Гильома: «Вскоре в Интернационале федералистов объединилось большинство федераций (испанская, итальянская, бельгийская, британская, голландская, которая была в Гааге «принимающей стороной»). Во всех этих странах у марксистов оставались немногочисленные секции меньшинства. Французы и швейцарцы разделились. Марксисты продолжали удерживать большинство в Австрии, Португалии и Дании (...) В Германии лассальянцы (также вскоре поддерживавшие антиавторитарный Интернационал) оставались более сильным течением, чем марксизм»¹. Демагогическая и примиренческая тенденции, представленная лассальянцами, в рабочем движении взяли на время верх. Так, большой мировой экономический кризис породил кризис революционных сил рабочего класса. Впрочем, в 1876 г. прекратил работу марксистская часть Интернационала, а в 1877 г. — объединение их противников. Произошло это в самые сложные годы экономической депрессии. Была ли в этом историческая логика или только

ирония?

Большие кризисы неверно рассматривать как чисто экономическое явление, как некий механический спад торговли и производства. Они являются переломными моментами истории капитализма, и переломы эти касаются не только отраслевой структуру экономики. Могут изменяться экономическая и социальная политика государства, настроения внутри общества — революционный накал в нем способен как подниматься, так и ослабевать. В этом, к примеру, состояла разность между кризисами 1847—1850 и 1873—1878 гг. Большие кризисы сходны в своем повторении, но не одинаковы в производимых переменах. Работа по изучению их логики еще ведется. Упреждая ее результаты, стоит отметить: большие кризисы требуют для своего преодоления от развитых капиталистических стран определенной политики, не повторяющейся от раза к разу. Кризис 1870-х гг. диктовал Англии и Франции усиление колониальной политики, расширение мирового рынка. В случае Франции он способствовал установлению Третьей республики как гибкого механизма для осуществления экспансионистской политики и сглаживания конфликтов внутри общества. Кризис 1847—1850 гг. диктовал слом остатков феодальных отношений в Европе, что нашло выражение в революционном подъеме «Весны народов». Конституционные изменения и реформы в ряде европейских государств обеспечили им экономическое развитие, по сути, развитие промышленного капитализма. Революции как мощное народное выступление всюду потерпели поражение, но они решили задачу развития буржуазной экономики и общества. В этом смысле они победили.

Девятнадцатый век показал, что торгово-промышленные кризисы разделяют разные промежутками времени. «Десятилетнего цикла» нет; в разных условиях экономика находится на подъеме или в состоянии кризиса различное время. Кризисы неравномерно поражают страны, оставаясь при этом явлением мировой экономики. Первыми страдают те рынки, что занимают центральное положение в мировом хозяйстве. Биржа всякий раз сигнализирует о начале кризиса. Ценные бумаги и сырье дешевеют с началом кризисов, тогда

как в их преддверии идут необычайно активные спекуляции. Раздуваются пузыри. Почти никто, кажется, не обращает в таких условиях внимания на растущее противоречие между конечным спросом и предложением. Однако вскоре противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов дает о себе знать в форме очередного кризиса. Пузыри на рынках лопаются. Капиталы сгорают. Фирмы банкротятся и поглощаются. Кредит дорожает, поскольку деньги начинают прятаться. За паникой следует депрессия. В ходе этого периода подготавливается новый подъем.

С конца XVIII века до поворотного кризиса 1873 года промышленный капитализм оставался домонополистическим. Шло складывание первых монополий, об эпохе раннего монополистического капитализма можно говорить лишь относительно периода 1873—1899 гг. Ее отправной точкой был большой кризис, и завершилась она со следующим большим, продолжительным и тяжелым кризисом 1899—1904 гг. Большие кризисы XIX в. могли иметь волновую структуру, как сказали бы в XXI в., то были W-образные кризисы, хотя эти волны отличались от волн больших кризисов регулируемого капитализма, каковые наблюдались в 1970-е гг. и после обвала рынков в 2008 г. И в XIX, и в XX (исключая ситуацию 1948 г., о которой будет сказано отдельно), и в XXI в. большие кризисы тяжелее и продолжительнее обычных экономических кризисов V-образного вида, где за спадом следовала депрессия, за ней же наступали оживление и рост. Однако эти большие кризисы имели свою цикличность, которую первым нащупал Кондратьев.

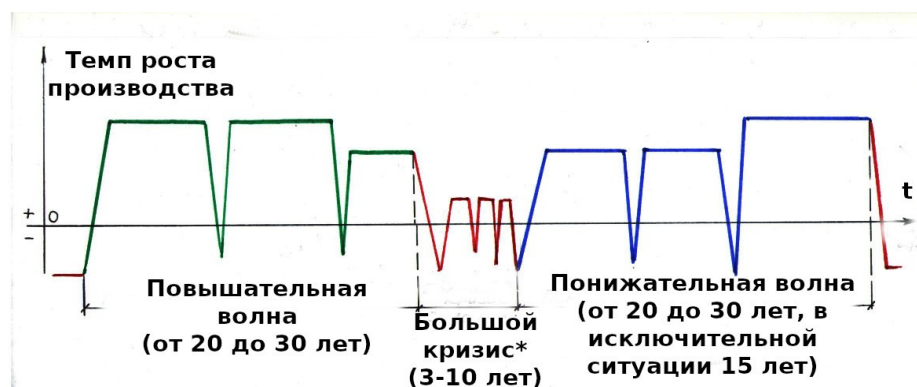

Рис. 6.2. Повышательная волна, большой кризис и понижательная волна

Примечание. * — динамика большого кризиса показана в наиболее сложном варианте, когда периоды оживления сменяются новыми спадами или депрессиями, более характерной для промышленного капитализма XIX — первой половины XX в. была структура, где за обвалом рынков следовала длительная депрессия.

На рисунке 6.2 первой показана повышательная волна развития с характерными для нее средними (торгово-промышленными) кризисами; за периодом большого кризиса следует понижательная волна с ее кризисами; характерно, что в последних торгово-промышленных подъемах в каждой из волн могут быть видны признаки будущей длинной волны, пониженный или повышенный темп роста товарного производства.

Формулируя свою теорию циклов, Кондратьев указал: кризисы открывают цикл и закрывают его. В цикле были соединены повышательная волна (рост цен на некоторые виды сырья и высокая деловая активность) и понижательная волна (более вялый рост при пониженных ценах на сырье). Цикл, по Кондратьеву, представлял собой единый процесс с двумя фазами, причину отличий которых ученый пытался определить. Он выдвинул несколько версий, не будучи до конца уверен в правильности ни одной. Последователи Кондратьева с восторгом приняли открытые им длинные волны развития (конъюнктуры), но не пытались исследовать процесс развития промышленного капитализма снова, а старались обосновать положения Кондратьева, не ставя под сомнения предложенную им структуру циклов. Между тем именно здесь имелось главное слабое место теории.

Что если цикл не состоит из двух волн? Что если каждая волна, имея продолжительность в 20—30 лет (за исключением более короткой фазы 1933—1948 гг.), является самостоятельной частью большого цикла? Этот большой

цикл состоит из малых циклов: кризис приводит к депрессии, за ней следуют оживление и рост. Он приводит к новому кризису; перерыв между кризисами может составлять от трех до семи-восьми лет. Все зависит от обстоятельств роста, от достаточности технологических решений в производстве, от наличия спроса, который может создаваться государственной политикой, а может подавляться. Даже W-образная структура кризиса, как это было в 1810—1820 гг., а также в 1970-е гг. и в условиях кризиса с 2008 г., указывает на явную недостаточность антикризисных решений. В результате кризис возвращается снова и снова, в любом количестве волн до тех пор, пока люди не выполнят его невысказанные требования.

Маркс и Энгельс выделяли на опыте своего времени частные или промежуточные кризисы, которые стоит рассматривать как некоторые сбои торгово-промышленного цикла, отмеченного Жюгляром. Они прерывают его, но не заканчивают, как общие кризисы. Теория частных кризисов не была разработана вполне, и они ожидают своей очереди. Впрочем, она едва ли перевернет базовые представления о капиталистической цикличности, хотя вне сомнения дополнит ее новыми деталями. Совсем иной вес будет иметь детальная разработка теории больших кризисов. Работа в этом направлении позволила спрогнозировать логику изменений глобального капитализма после 2008 г., и она может дать еще очень многое для понимания логики развития капиталистической экономики и общества.

Историки отмечают, что эпоха 1880—1899 гг. была для Европы удивительно мирной. Войны велись на территории периферии и ради ее расширения. Колониальная экспансия и личные приключения воспевались в литературе. Именно в это время Генри Райдер Хаггард написал «Копи царя Соломона», создавал свои романы и рассказы Луи Буссенар. Белый человек шагал по Африке. Всюду поднимались флаги метрополий, тогда как местные племена даже не могли понять, что уже попали в колониальную зависимость. Шел раздел других частей мира. В США продвигалась внутренняя колонизация. Одновременно с этим в странах промышленного капитализма двигались вперед

наука и техника. Копились противоречия между империалистическими центрами, тогда пространство для экспансии было к 1900 г. практически исчерпано, подготавливая новый большой экономический кризис.

Краткое обобщение. Девятнадцатый век дает картину логичного распределения больших экономических кризисов по времени, каждая волна Кондратьева начинается и заканчивается большим кризисом; для понижательных волн характерно расширение мирового рынка, новое по качеству вовлечение его ресурсов обеспечивает рост экономики в периоды повышательных волн; всякий большой кризис является поворотным для капитализма в технологическом отношении, он создает и резко ускоряет новые отрасли производства; большие кризисы и вызываемые ими политические и иные перемены формируют условия для развития капитализма на период длинной волны; большие кризисы XIX в. разгоняют колониальную экспансию и переводят капитализм в монополистическую стадию.

Глава 7. Теория волн, циклов и больших кризисов капитализма

(84-98 стр. в бумажной версии книги)

Если в XIX столетии Маркс в «Капитале» в достаточной мере прояснил природу торгово-промышленных кризисов, то в XX столетии Кондратьев (не будучи марксистом) дал исследователям-экономистам, историкам, социологам и политологам новую почву для размышлений. На ней возшла и расцвела миросистемная теория Валлерстайна. Была отслежена эволюция политических и общественных структур, но базовая теория получила лишь ограниченное развитие. И связано это было со слабым интересом исследователей к анализу истории реального капитализма, к множеству ставших доступными сведений.

Среди многих работ сторонников теории Кондратьева выделяется книга Станислава Меншикова и Ларисы Клименко «Длинные волны в экономике.

Когда общество меняет кожу». Это позднесоветское исследование направлено было на выявление связи технологических и структурных изменений при смене длинных волн со снижением нормы прибыли¹. Меньшиков и Клименко обращали внимание на то, что машины и оборудование, по Марксу, дают цикл в пять — десять лет, а производственные здания, дороги и ирригационные сооружения служат от 20 до 50 лет². В понимании авторов это может быть основой циклов Кондратьева: в ходе повышательной волны сооружаются инфраструктурные и иные объекты, а в последующий понижительный период они эксплуатируются. Когда новая научно-техническая база позволяет, процесс повторяется на новом уровне, и так в каждом цикле. Проблема в том, что такое видение не раскрывает всего процесса капиталистического развития, не обнажает причин, по которым в повышательный период столь интенсивно делаются вложения в основные фонды, в транспортную инфраструктуру и многое иное. С другой стороны, так ли все мрачно в понижительный период? Не упускается ли при таком видении нечто важное, нечто повышающее статус понижительных волн?

Стремясь дать более глубокое знание о природе волнового развития капитализма, Меньшиков и Клименко использовали слово «цикл» так, будто бы с ним все было ясно. Они сосредоточились на цикле, но по вопросу о его источнике вступили в полемику с Андреем Полетаевым и Ириной Савельевой — также супругами-учеными.

В 1980-е годы Полетаев и Савельева попытались обозначить «нижние точки» в длинных волнах. По их мнению, это были 1772—1775, 1825—1826, 1873—1879, 1929—1933, 1974—1975 гг.³ Меньшиков и Клименко так возражали на это: «Боккара первым справедливо называл конституирующей фазой длинного цикла структурный кризис, но ведь последний может захватывать несколько циклов средней продолжительности и несколько промышленных

1 Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М. : Международные отношения, 1989.

2 Там же. С. 27.

3 Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М. : Международные отношения, 1989. С. 60.

кризисов». Проблема в том, что они обвинили Полетаева и Савельеву в сдвиге хронологии Кондратьева без обоснования¹. Да и сама категория «структурный кризис» скорее запутывала дело, нежели помогала понять сущность переломных кризисов. Структурные экономические проблемы кризисной эпохи 1970-х гг. слишком довлели над умами экономистов, тогда как Бродель видел все иначе.

Фиксируя именно масштабный хозяйственный кризис как момент перехода, Бродель акцентирует внимание на его особенностях: «...поворот 1973—1974 гг. открыл продолжительный спад. Те, кто пережил кризис 1929—1930 гг., сохранили воспоминание о неожиданном урагане, без всякого предварительного этапа и сравнительно кратком. Современный кризис, который не отпускает нас, более грозен, как если бы ему не удавалось показать свой действительный облик, найти для себя название и модель, которая бы его объяснила, а нас успокоила. Это не ураган, а скорее наводнение с медленным и внушающим отчаянье подъемом вод, ибо небо, упорно затянуто свинцовыми тучами. Под вопрос поставлены все основы экономической жизни, все уроки опыта, нынешние и прошлые. Ибо, как это ни парадоксально, при наблюдающемся спаде — замедлении производства, безработице — цены продолжают стремительно расти в противоположность прежним правилам. Окрестить это явление *стагфляцией* отнюдь не означает его объяснить. Государство, которое везде старалось играть роль покровителя, которое совладало с краткосрочными кризисами, следуя урокам Кейнса, и считало себя защищенным от повторения таких катастроф, как катастрофа 1929 г., — не оно ли ответственно за странности кризиса в силу собственных своих усилий? Или же сопротивление и бдительность рабочих создали плотину, объясняющую упорный подъем цен и заработной платы наперекор всему? Леон Дюприе поставил эти вопросы, но не смог на них ответить. Последнее слово ускользает от нас, а вместе с ним — и точное знание таких долговременных циклов, которые, по-видимому, подчиняются определенным, неведомым нам законам

или правилам в виде тенденции»¹.

Бродель выделяет кризис 1970-х гг. как особый. Его можно поставить в один ряд с кризисами 1929—1933 гг., 1899—1904(7) гг., 1873—1878 гг., 1847—1850 гг., ситуацией 1810—1820 гг. и 1870-х гг. Обо всем этом еще не единожды пойдет речь. Отдельного внимания заслуживает отрезок 1945—1950 гг., на котором также произошла смена длинных волн. Бродель отмечает его как «приблизительно 1945 г.». Важно и то, что кризисы смены волн проступают на каждом их стыке. Эти кризисы явно имеют более высокий класс, чем обычные средние или торгово-промышленные циклические кризисы. На этом факте, применительно к 1970-м гг., Бродель акцентирует внимание, подчеркивая также ложность представления о том, что наука все знает об экономических кризисах. Фиксировать — еще не означает понимать.

Все это много говорит о проблеме развития теории Кондратьева.

Идея поиска «конституирующего начала» длинной волны даже в кризисах 1872—1877 и 1929—1933 гг. не привлекала авторов «Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу». Они пишут: «Итак, идея глубоких циклических кризисов как конституирующих длинную волну представляется надуманной и во всяком случае не доказанной»². Уже было сказано, что автор этой книги имел по данному вопросу беседу с Меньшиковым сразу после завершения первой волны глобального кризиса 2008—2009 гг. В ответ на указание, что близко к обозначенным Кондратьевым точкам смены волн имеют место большие экономические кризисы (не всегда там, где полагали Полетаев и Савельева), они регулярны и составляют целые эпохи, Меньшиков высказал соображение, что в этом случае речь может идти об отдельной цикличности. Однако было правильнее полагать, что речь должна идти о механизме рождения эпох экономического развития, которые принято фиксировать статистически как повышательные и понижительные волны.

Полетаев и Савельева не оставили тему волн Кондратьева. В 2009 году

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. III. Время мира. М. : Прогресс, 1992. С. 77.

2 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. III. Время мира. М. : Прогресс, 1992. С. 61.

вышла их книга «Циклы Кондратьева в исторической ретроспективе». Проработав большое число текстов зарубежных исследователей, они отмечали ряд важных моментов: У. Смит и А. Коул на материалах США, А. Гэйер, У. Ростоу и А. Шварц на данных Великобритании показали самое малое 1790-е гг. как первый период «промышленных» циклов; Кондратьев датировал начало «больших циклов конъюнктуры» концом 1780-х гг. — началом 1790-х гг., что, вероятно, определялось не содержательными причинами, а лишь отсутствием данных¹. Авторы не стали повторять «разгромленной» мысли о конституирующих кризисах, но продолжили ставить под сомнение абсолютную правильность обозначенных Кондратьевым «точек» запуска некоторых волн. Они не продвинули дело далеко, но, быть может, охладили пыл некоторых фантазеров, плетущих несерьезные теории о «конструирующих началах» и «структурных кризисах» с опорой на сквозной исторический материал. Все это взбадривается придуманными «укладами» и совершенно запутывает вопрос.

Единственное решение — не распутывать, а разрубать этот узел.

Кондратьев сделал свое открытие длинных волн, опираясь на ценовую статистику, заработную плату, курс государственных бумаг и темпы роста экономики. Кондратьев обратил внимание на то, что торгово-промышленные циклы в период понижательной волны короче, чем во время повышательной волны развития. Но факты показывают: повышательные и понижательные волны одинаково рождаются из больших экономических кризисов. Они одинаково позволяют увеличить норму прибыли, правда, в неравной мере по различным отраслям. А каждая из волн связана с технологической революцией. Отличие между волнами состоит в том, что основой роста в понижательный период служит территориальное расширение мирового капиталистического хозяйства — открытие новых рынков. В повышательный период экономический рост базируется на включении внутренних ресурсов мирового хозяйства.

Большие кризисы — это границы и время зарождения длинных волн. Они неизменно имеют место с 1770-х гг. по сей день. Экономический кризис конца

1 Полетаев А.В., Савельева И.М. «Циклы Кондратьева» в исторической перспективе. М. : ЗАО «Юридический дом „Юстицинформ“», 2009. С. 95.

XVIII в. имел особое значение. Им был положен конец эпохе торгового капитализма. Началась она с кризиса XIV столетия. Длинные волны, вероятно, имели место уже на отрезке XV—XVIII вв., но особенности развития экономики той эпохи недостаточно изучены. Хотя наряду с кризисом середины XVII в. прослеживаются кризисы второй половины XVI в. и 1770-х гг. (с вероятным пиком в 1774 г.). Видимо, сильный кризис постиг мир в 1720-е гг. Примечательно, что в эру торгового капитализма длина волны составляла, как можно предположить, порядка 50—60 лет. Но это предварительная и, быть может, слишком смелая оценка. При этом стоит учитывать мысль Броделя, что «движение есть следствие внешнего толчка»¹. По этой логике кризис до промышленного капитализма был подобен удару о преграду. Он рождался из достижения некоего предела развития. Но разве экзогенные причины кризисов не могут быть определены для больших кризисов вообще? С другой стороны, не является ли достижение предела возможностей той или иной модели работы экономики, возникшей на некоем технологическом и социально-политическом фундаменте, эндогенной причиной кризиса? Не существуют ли единство внешней и внутренней причины большого кризиса, причем внешняя преграда создается ограниченностью имеющихся внутренних возможностей?

Развитие капитализма всегда происходило в реальной среде. Однако страсть экономистов к абстракции зачастую смещала фокус: далеко не все обращали внимание в своих исследованиях кризисов на то, как соединяются внутренние и внешние причины кризисов, когда и как те родились, какие черты и когда были ими приобретены, а какие утрачены и нет ли здесь цикличности, этапности развития и иерархии одновременно.

Торгово-промышленные кризисы родились вместе с промышленным капитализмом. Индустриальная революция в Англии создала их вместе первыми машинами, фабриками и возросшими объемами производства. Товарное перепроизводство стало частым явлением, но иные, особенно крупные кризисы, были связаны и с перенакоплением капитала. Оно

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. III. Время мира. М. : Прогресс, 1992. С. 78—79.

выражалось в создании излишних производственных мощностей, тогда как возможности развития на старой структурной и технической базе были уже исчерпаны. Платежеспособный спрос оказывался недостаточным в такой мере, что лишь структурные изменения в экономике, создание новых технологий, товаров и отраслей, территориальное расширение рынка и открытие в нем новых возможностей могли в совокупности привести к преодолению кризиса. Все это могло быть сопряжено с резкими переменами в обществе (особенно стран центра мирового капитализма), что включало радикальные реформы, политические и социальные революции. Последние могли переходить на новый этап модернизации общества.

В ходе затяжного большого кризиса правительствам могло казаться, что неприятности уже позади, и тогда кризис возвращался — наваливалась новая волна хозяйственных проблем.

Во время больших кризисов возникали или стремительно развивались новые отрасли. Они могли расти на фоне спада в других секторах. Но назвать это структурным кризисом не означает понять это. В процессе больших кризисов происходило частичное сгорание фиктивного капитала; избыток его тоже свидетельствовал о перенакоплении в экономике. Порой, как это было в США после кризисных 1970-х гг., напоминанием о спаде становились огромные цеха навеки остановившихся предприятий. Так сгорал реальный избыточный капитал. Новые производства возникали на основе новых технологий, что порой происходило на новом месте и даже в другой стране.

После завершающего понижательного периода кризиса (в отличие от времени его вызревания) фондовый рынок делался не так интересен для капитала, как реальная сфера. В ней открывались новые возможности: появлялись новые рынки, потребители, отрасли и технологии. В начале понижательной волны фондовый рынок и всякого рода спекулятивные игры могли продолжаться, поскольку территориальное расширение мирового рынка шло не так быстро, чтобы дать вдоволь инвестиционных возможностей в реальном секторе. К тому же не все отрасли после кризиса чувствовали себя

одинаково хорошо. Революционные отрасли привлекали к себе повышенное внимание инвесторов. Ценные бумаги компаний-новаторов были нарасхват, что создавало условия для спекуляций.

Продолжительность кризисов смены волн (больших кризисов) могла достигать более десяти лет. В XIX веке такие кризисы, как уже было сказано, имели место в 1810—1820, 1847—1850, 1873—1879 гг. Двадцатое столетие началось с кризиса 1899—1904 гг., итогом которого стало стремительное развитие автомобилестроения (конвейерная технология), распространение двигателей внутреннего сгорания (в том числе дизельных в морском транспорте), электростанций, электродвигателей и линий передачи переменного тока. А 1929—1933 годы ознаменовались новым крупным кризисом, за которым последовала понижательная волна. Однако не все хорошо вписанные в торговый капитализм государства были подготовлены для того развития и империалистического соперничества.

В 1898 году, незадолго до начала мирового кризиса, о новой эпохе возвестила Испано-Американская война. Агрессором были США. Они отняли у дряхлой консервативной испанской монархии Филиппинские острова и «освободили» Кубу, установив контроль и над другими территориями в Карибском море. С 1899 по 1902 г. в Южной Африке продолжалась Англо-Бурская война. Прикрывшись бесправием нового и притом многочисленного белого населения двух независимых бурских республик, Британия повела войну за присоединение новых колоний. Буры агрегировали не только недавних белых переселенцев, но и темнокожих коренных жителей, однако это не интересовало англичан. Британия добилась победы. В 1904 году столкнулись Российская империя и Япония. Поражение России выявило все пороки еще одной погрязшей в полуфеодальном консерватизме державы, являвшейся ранее одной из стран центра мировой системы торгового капитализма.

Миросистемный подход Валлерстайна уравнил Португальскую, Российскую и Испанскую империи в статусе «периферий капиталистического центра». Между тем эти державы являлись центральными в одну эпоху и

оказались полупериферией в другую. Так, империя Петра Великого относилась к центру Европы торгового капитализма, причем влияние рыночного центра — Нидерландов и Англии — было не столь сильно, ибо инвестиции у русских были свои. Все меняет XIX в. По мере роста индустриальной силы и рыночного влияния Англии постепенно снижается международный вес России. Страна экономически все более зависит от западноевропейских центров накопления капитала и рынков сбыта. Она превращается в полупериферийную империю, политически относящуюся к центру, но уже не способную одержать победу даже над таким противником, как Япония. В еще худшем положении оказывается Китай. Это и обрекает обе страны на грандиозные революции.

Приверженцы миросистемной концепции нередко указывают на невозможность национального капитализма. «Совершенно напрасно Валлерстайн думает, что Маркс создал свой «Капитал» только для анализа замкнутого, изолированного хозяйства, в то время как капитализм исторически всегда развивался как мировая система», — отмечает российский экономист Руслан Дзарасов¹. Он ссылается на работу американского ученого². Однако марксизм, на самом деле дав при жизни Маркса и Энгельса и в XX столетии ответы на многие важные вопросы развития, не прояснил вполне логики исторического процесса в масштабе мирового хозяйства. Ссылка на неравномерность развития стран при капитализме мало, ибо развитие всегда являлось неравномерным. Выделенное Марксом возникновение мирового рынка, повышение значимости науки, обострение классовых противоречий при капитализме (приведшее к революционному накалу в начале XX в.) не обеспечило сходу раскрытия сложных механизмов всемирного общественного прогресса.

Взаимное влияние центральных рынков и периферийных экономик выделял историк-марксист Михаил Покровский, но его работы были забыты в СССР и оказались почти неизвестны за его пределами. Валлерстайн их не

1 Дзарасов Р.С. Развитие в современном мире: капитализм и развитие. URL : <http://dzarasov.ru/16-razvitiye-v-sovremennom-mire-kapitalizm-i-razvitiye>

2 Wallerstein I. World-system analysis. An introduction. Durham (NC, USA) : Duke University Press, 2004.

читал. Между тем ход исторических событий показал: национальный капитализм возможен, более того, капитализм и создает нации, единые рынки национальных государств и их администрацию. Но развитие капитализма в рамках отдельных стран никогда не происходит обособленно от мирового рынка и экономической иерархии, которая при этом не постоянна.

Центр и периферия подвижны. Экономические центры, главные рынки сбыта и зоны накопления капитала необязательно сохраняют свое положение постоянно. Упадок в XVIII в. Нидерландов показал, как это может происходить в режиме конкуренции. Еще до этого «империи полупериферии» Испания и Франция сошлись в борьбе за Северную Италию, что была центром европейской экономики. Центр в результате расширился, что нашло отражение уже в первой колониальной экспансии. После Англия конца XVI в. бросила вызов Испании — мировому гегемону. Выпав на время религиозных войн в полупериферию, Франция тоже вступилась в борьбу. Всю эпоху торгового капитализма происходило расширение центра, что и породило такие мировые конфликты, как война за австрийское наследство (1740—1748) или Семилетняя война (1756—1763). В эту эпоху страны разделяли между собой положение экономического центра; Франция была наиболее самодостаточна, тогда как Англия нуждалась в строевом лесу, железе пеньке, зерне и других товарах. Это привязывало к английскому рынку партнеров, но не ставило их глубокую зависимость.

В эру промышленного капитализма влияние экономик центра на полупериферию и периферию стало более сильным. Именно тогда Англия выделяется как центр мирового капитализма. Но сколь бы сильным не было притяжение ее рынка после поражения Франции в наполеоновских войнах, Британия так и не смогла полностью вернуть себе рынки стран, которые, вроде бы, воевали на ее деньги и за ее интересы. Даже вернувшиеся во Францию Бурбоны быстро нашли общий язык с промышленной буржуазией и оставили свой рынок защищенным «бонапартистскими» таможенными тарифами. В дальнейшем пришлось вести борьбу за ослабление Российской империи

(Восточная война 1853—1856 гг. и сложные отношения 1870—1890-х гг.), чьи правители постоянно забывали, как должна вести себя полупериферийная империя с точки зрения концепции мировой иерархии. Все это было вовсе не отклонением от якобы должного, а выражением закона, согласно которому страны полупериферии всегда стремятся прорваться в ряды стран центра. В одни периоды они мягко наращивают свой экономический вес, ведя себя лояльно. В другие периоды, когда это позволяют условия, они порывают с лояльностью, как это было в случае кайзеровской Германии конца XIX в. по отношению к Англии. Между тем рост немецкой экономики до этого момента происходил во многом благодаря британским заказам и инвестициям.

Большие экономические кризисы выступают точками перехода в истории мирового капитализма. Они оказывают влияние на его развитие на национальном уровне, причем не везде перемены сходны. Там, где необходимые изменения не могут произойти в силу господства реакционных политических сил, происходят революции. Они необязательно случаются в момент кризиса, как это было с английской или американской революциями, и необязательно оканчиваются полным успехом. Так, неудача постигла Первую русскую революцию. Революции могут происходить и с отставанием от кризиса, оставаясь под его влиянием, как Великая французская революция или Русская революция 1917 г. Однако принципиально важно, что существуют две плоскости процесса — экономическая, связанная с кризисами, и национально-историческая, связанная с войнами. Потому неверно было бы прямо выводить модернизированные революции из кризисов. Также неверно рассматривать революции в отрыве от больших кризисов в экономике.

Упреждая вторую часть книги, необходимо еще нечто важное сказать о революциях. Они возникают в разных странах как механизм модернизации, для которой более не достаточно ни экономических требований, ни способностей правящего класса, а его установления становятся такой преградой, не устранив которую, общество не может решить насущные задачи и продолжить развитие. Эти революции бывают великими или национальными. Великие революции

переворачивают жизнь многих народов, достигают зрелых фаз и завершаются. Они всегда побеждают. Никакое внешнее вмешательство не оказывается в силах их остановить. Их успех открывает путь к переменам во многих странах, что не были первоначально затронуты великим переворотом.

Не существует прямой зависимости между большими кризисами и победоносными революциями: кризис, требования которого правящие круги отказываются удовлетворять, не запускает автоматически процесс революции, она может последовать или, на время вспыхнув, победить позднее. Так было с Великой французской и Великой русской революциями. Они развернулись, когда переломный кризис миновал. В первом случае то был кризис 1770-х гг., во втором — 1899—1904(7) гг. Не решив проблем, первые попытки реформ и народных выступлений прорывают плотину реакции со второго захода уже как могучая революционная волна. Старый порядок при этом уже настолько изживает себя, что терпит сокрушительное поражение, а продиктованные ранее большим кризисом — необходимые для развития изменения производятся в полном объеме. Это даже обеспечивает больший размах преобразований.

Французский историк Альбер Матъез полагал, что Великая французская революция развернулась не в бедной, а в богатой и процветающей стране, хотя и имевшей множество проблем¹. В реальности процветание подкосил большой кризис, преодолеть который Франция смогла, а вот удержаться на ранее взятых позициях нет. Великие революции возникают благодаря успеху прежнего развития, но разворачиваются благодаря его кризису. Границы возможностей старого порядка проводят большие экономические кризисы. Все это касается и крупных реформ, революций сверху. При всей своей ограниченности они чрезвычайно важны для общественного развития.

Промышленный капитализм породил два типа циклических кризисов. Предваряя исследование деталей больших кризисов в отдельной книге, их все же возможно рассмотреть в сопоставлении. Для этого в приведенной ниже табл. 7.1 подчеркнуты общие причины, конкретное выражение, особенности

развития, механизмы преодоления и еще ряд черт.

Таблица 7.1

Средние и большие кризисы промышленного капитализма

Критерии	Экономический кризис перепроизводства согласно концепции Карла Маркса (кризис в завершении среднего цикла)	Большой экономический кризис согласно волновой концепции развития капитализма
Общая причина кризиса	Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения	Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения
Конкретное выражение причины кризиса	Товарное перепроизводство в силу недостатка потребительского спроса; платежеспособный спрос большинства населения отстает от роста производства	Товарное перепроизводство в силу недостатка потребительского спроса; платежеспособный спрос большинства населения отстает от роста производства. При этом достигнуты пределы его повышения в результате преодоления кризисов по стандартной схеме
Проявление для капитала	Избыточное инвестирование капиталов в производство и торговлю, вызывающее сгорание излишнего реального капитала в процессе кризиса — сокращение	Избыточное инвестирование капиталов в производство и торговлю, вызывающее сгорание излишнего реального капитала в процессе кризиса

	<p>производства, закрытие цехов и предприятий означающее разрушение части производительных сил</p>	<p>— сокращение производства, закрытие цехов и предприятий, означающее разрушение части производительных сил; перенакопление и возможное сгорание капитала в огромных масштабах; процесс имеет затяжной, а часто и волновой характер — кризис не отпускает и часто обманывает, приводя к сгоранию инвестиций, сделанных в расчете на скорый подъем</p>
<p>Механизм преодоления кризиса</p>	<p>Восстановление динамического равновесия между спросом и предложением в условиях пониженных цен на товары за счет обновления основного капитала, совершенствования производства. В результате создаются условия для нового расширения производства</p>	<p>Восстановление динамического равновесия между спросом и предложением в результате возникновения или (и) форсирования развития новых отраслей, качественно меняющих процесс производства. Например, внедрение паровых машин в промышленности при создании машиностроения, замена пара электричеством при возникновении автомобилестроения и сетей электростанций. Значение</p>

		<p>имеет также изменение социальных условий производства (радикальные реформы и революции) и открытие новых рынков, ранее находившихся за пределами мирового капитализма или имевших крайне ограниченные связи с ним. Одновременно происходит обновления основного капитала и совершенствование существующего производства, что само по себе оказывается недостаточным для преодоления кризиса</p>
Когда имеет место (фазой какого цикла является)	Кризис завершает торгово-промышленный цикл пять — десять лет (цикл Клемана Жюгляра)	Кризис завершает длинную волну развития 20—30 лет (по Николаю Кондратьеву) и является механизмом запуска новой волны развития, внутри которой происходят обычные кризисы перепроизводства
Продолжительность кризиса	Не более двух лет	От 3 до 15 лет (исключая особую ситуацию 1948—1949 гг.)
Функция в экономическом развитии	Корректирующая	Изменяющая

<p>Затрудняющ ие преодоление кризиса факторы</p>	<p>Усиление эксплуатации рабочей силы</p>	<p>Усиление эксплуатации рабочей силы, пережитки феодалных отношений и отсталые реакционные политические системы, сложившиеся ранее центр- периферические отношения между странами (последнее подчеркивает, что структурность кризиса не носит чисто отраслевого характера и не ограничивается также экономической политикой)</p>
<p>Особенности развития кризиса</p>	<p>Накануне кризиса развиваются биржевые спекуляции (сырьем и ценными бумагами), активно выдается кредит, что создает иллюзию спекулятивной и финансовой природы кризиса. Падение на бирже приводит к вздоружанию кредита и банкротствам. Увольнения еще более сокращают потребительский спрос и обостряют кризис</p>	<p>1. В преддверии кризиса биржевые спекуляции достигают особенной силы, что приводит к большему падению, особенно глубокому и затяжному кризису. 2. Торгово-промышленный цикл не может начаться — так можно охарактеризовать часто возникающую при таких кризисах ситуацию, когда после падения рынков и волны банкротств капиталисты провели обновление основного капитала, но это привело</p>

		<p>лишь к новому падению.</p> <p>3. После возникновения государственно-монополистического капитализма и развития кейнсианской контрциклической политики такие кризисы приобрели W-образную структуру; они стали распадаться на волны с чередующимися искусственными оживлениями, в результате работа кризиса растянулась по времени и приобрела черты работы серии кризисов (ситуации 1973—1982 и 2008—2019 гг.)</p>
Зоны возникновения и преодоления	Страны центра мирового капитализма (отслежено на английских кризисах XIX в.)	Страны центра и полупериферии мирового капитализма; при этом возможны переход стран из полупериферии в группу центра и даже смена ролей

Представленные в табл. 7.1 сведения расширяют классическую или, что возможно более точно, марксистскую концепцию экономических кризисов. Необходимо разделять экономические кризисы перепроизводства на два вида, каждый из которых имеет собственное место в процессе капиталистического развития. При этом мы не можем говорить о больших кризисах только на языке

экономики. Они в полном объеме требуют политико-экономического языка, так как выступают кризисами хозяйственных, социальных, политических структур и отношений. Они затрагивают мораль общества. Они изменяют его психику и создают новое восприятие мира, который в это же время резко изменяется.

Концепция первой группы кризисов дана Марксом. Вторая группа выделена и обрисована на основе марксистского понимания исторических процессов, примененного к обширному эмпирическому материалу. Работа в этом направлении с данными по XIX в., замечательно подготовленными Мендельсоном, позволила во многом по-новому увидеть логику событий XX в. Как развивался процесс в минувшем столетии? Какие особенности имел?

Краткое обобщение. Большие кризисы по своей природе являются видом кризиса перепроизводства, но не с корректирующей, а с изменяющей функцией в экономическом процессе; большой кризис выражает избыток накопления капитала, и это зачастую порождает огромные материальные потери в ходе его развития; большим кризис оказывается и в силу того, что достигаются пределы повышения потребительского спроса в результате преодоления кризисов по стандартной схеме — без рождения или форсированного развития новых отраслей, изменения социальных условий производства (радикальные реформы и революции) и открытия новых рынков или новых возможностей имеющихся рынков; большие кризисы начинаются в центре мирового капитализма, но в ходе повышательной волны может его расширить и поменять лидеров.

Глава 8. Длинные волны и большие кризисы, XX в.

(98-108 стр. в бумажной версии книги)

В XIX веке промышленный капитализм стал монополистическим и включил в сферу влияния почти весь мир. Европейские державы и США создали свои колониальные империи, дав повод к появлению категории «империализм». В XX веке империи эти расцвели, столкнулись в войнах и

погибли, но на этой почве глобальный капитализм развился еще больше. Империи промышленных держав оказались механизмом распространения и углубления буржуазных отношений. Они оказались сильным, но вместе с тем временным явлением.

Но в начале XX столетия все это еще не было известно. Выросший численно рабочий класс не был удовлетворен своим материальным положением и имел весьма мало возможностей для его изменения к лучшему. Классовая борьба, причем борьба политическая, воспринималась многими как средство достичь другого общества, где результаты труда многих были бы всем им доступны, а не концентрировались в руках капиталистов, особенно их нового — особенного богатого слоя владельцев промышленных монополий. Развитие индустрии, транспорта и торговли увеличило армию наемных работников и повысило их интерес к идее коренного преобразования общества и достижения социализма, строя, где будет устранена эксплуатация человека человеком, а средства производства перейдут в общественную собственность. Социал-демократы, а затем коммунисты находили в среде рабочей массы поддержку, поскольку предлагали ей выход из нищеты и бесперспективности жизни, указывая на явного виновника этого — капитал и его власть.

После разрушения СССР среди постсоветских левых было принято критиковать программу построения коммунизма. Особенно доставалось за мещанские потребительские акценты прожектам времени правления Никиты Хрущева. Однако именно материальные вопросы волновали рабочий класс с самого начала. Тот же моральный конфликт позднее возник между «просвещенными» французскими студентами 1968 г. и будто бы увязшими в потреблении наемными рабочими. Студенты обвиняли рабочих в нежелании делать революцию. В начале XX в. все было иначе.

Рабочее и революционное по своему духу движение нарастало из года в год. Потому для капитала Первая мировая война (1914—1919) стала не только способом разрешить противоречия между крупными центрами его накопления, великими державами, но также средством перенаправления энергии

пролетариата в национально-шовинистическое русло. Множество рабочих увидело в новой большой войне выход из мира унылого повседневного труда в мир героических свершений во имя родины. Мир этот обещал ими возможность выдвинуться и занять более высокое место в обществе. Война безжалостно раздавила эти иллюзии, но она не началась бы так легко, не была бы с такой готовностью поддержана ранее занимавшими антивоенные позиции социал-демократами большинства стран, если бы этих надежд не существовало. По иронии судьбы им во многом дала реализоваться другая война — Вторая мировая (1939—1946). Для этого потребовались иные экономические условия.

После кризиса 1899—1904(7) гг. капитализм находился на подъеме. То был уже монополистический колониальный капитализм. Владимир Ленин выделил следующие его черты: высокая концентрация производства и капитала, слияние банковского капитала с промышленным и формирование финансового капитала и финансовой олигархии, вывоз капитала приобрел большее значение, нежели вывоз товаров, завершение раздела территорий между крупнейшими капиталистическими державами. Эти выводы были представлены в книге с говорящим названием «Империализм как высшая стадия капитализма». Здесь же содержалась интересная и в целом верная разбивка событий по кризисам. Ленин писал: «Итак, вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»¹. Оба указанных кризиса имели грандиозное значение, однако Ленин не сделал из этого вывода относительно крупных кризисов, не соединил эту часть цепи событий с кризисом 1847—1850 гг. Его более интересовало обоснование скорого достижения миром предела капиталистического развития, революционный финал капитализма.

1 Ленин. В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. URL : https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Lenin_Imperialism/imp.html#c0

Ленин заключает, что империализм «приходится характеризовать как переходный или, вернее, умирающий капитализм». Он пишет: «Мы видели, что по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу». Этому прогнозу не суждено было реализоваться в XX в., когда метрополии утратили свои колонии, а многие бывшие колонии или полуколониальные страны обрели собственные промышленные монополии. В своей характеристике империализма Ленин исходил из достигнутых капитализмом успехов, из единства мировой системы производства, полагая условия достаточными для устройства нового общества. Между тем он видел отнюдь не высшую стадию капитализма, а первую стадию монополистического капитализма, которая справедливо была обозначена как империалистическая стадия, стадия империй, а не только монополий. Ленин указывал, что монополии возникли раньше нового типа колониальных империй (ищущих сырье и рынки для капиталов), потому слово «империя» и оказалось ключевым для описания общества¹.

Ленин видел империализм высшей формой капитализма. Данное им определение было достаточно общим (если исключить вопрос о колониях) для того, чтобы эпигоны могли именовать капитализм на любой его позднейшей стадии развития империализм. Из этого всегда, в любой обстановке можно было сделать вывод о скорой гибели этого строя. Более того, любой кризис можно объявить последним для капитализма или предвещающим его скорый крах. Будь Ленин жив, он уточнил бы оценку империализма как стадии развития капитализма и скорректировал свой прогноз. В последние годы жизни его до крайности волновали вопросы о том, в какой же на самом деле точке истории находится мир, как далеко она от социализма и что за революция в России, если мировая революция не произошла? Ответить на эти вопросы в

1 Ленин. В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. URL : https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Lenin_Imperialism/imp.html#c0

условиях НЭПа с его «воскрешением капитализма» было особенно трудно.

Ленин был крупной фигурой в истории и имел способность понимать свои теоретические ошибки. Как и Маркса, его подвело время. Но еще более подвел недостаток информации для анализа. Исправить концепцию развития капитализма оказалось для Ленина невозможно. Эпигонам же это было и не нужно. Подобно христианским проповедникам они всегда должны были предвещать конец света и наступление иного мира как ожидаемое вскоре событие. Сторонникам же социализма зачастую хотелось слышать именно это. В качестве доказательства предлагалась не новая ленинская логика, а отсылка к ленинскому авторитету в познании. Между тем империализм есть построенный на новом типе колониализма порядок, что представляет собой лишь первую стадию развития монополистического капитализма, того самого, что вышел из кризисной эпохи 1870-х гг. То был изначально империализм экстенсивный. В 1904—1929 годах пришло время империализма интенсивного, развивающегося на длинной повышательной волне.

Примером интенсивного освоения колониальных ресурсов является французская политика в Марокко. Страна эта сохраняла феодальные отношения, что не способствовало развитию ориентированного во вне товарного производства. «Французские колонизаторы в течение всего лишь нескольких лет отобрали у местного населения около 936 тыс. га, или 20,6% всей земли, пригодной для распашки. Решающую роль в захвате ресурсов страны играл французский монополистический капитал». Дело вела «Всеобщая марокканская компания». На ее долю в 1925 г. приходилось порядка 50% вложений в местную торговлю и промышленность. Французы установили единый сельскохозяйственный налог «тартиб», максимальный в сравнении с прежними налогами. Одновременно началось наступление на независимость племен. Все это привело к войне 1925—1926 гг., в которой приняла участие и Испания. Сопротивление консервативной местной знати и народных масс было сломлено¹. Подобным образом колониальные державы расширяли свои

1 Всемирная история. В 24 т. Т. 22. Минск : Литература, 1997. С. 172—176.

возможности и в других частях мира, включая в рыночные отношения ранее далекие от них слои населения, а в рыночный оборот — новые ресурсы. Этого требовало развития производства и расширения потребления в метрополиях.

Так, 1904—1929 гг. были временем внедрения новой техники и материалов почти во всех отраслях производства. Создавались новые типы станков, которые переводились на электрический привод. Электрическая энергия генерировалась на гидроэлектростанциях и тепловых станциях. Она получала и бытовое применение. Были усовершенствованы паровые двигатели, необходимые, в частности, для тепловых электроподстанций, широко применялись новые карбюраторный и дизельный двигатели. Возникли новые отрасли: электроэнергетика, автомобилестроение и авиастроение. Прогресс химической промышленности обеспечил широкое применение химических удобрений, резко увеличился выпуск синтетических материалов, необходимых в производстве и быту веществ. В сельском хозяйстве все активнее применялись машины, включая трактора и комбайны. Их производство быстро росло, и это также была новая промышленность. Еще одной новой отраслью было производство телефонного, фотографического и радиооборудования, первых электронных приборов вообще. То была новая отрасль. Но как в новых, так и в старых отраслях производство шагнуло к массовости. Появился конвейер. Расположение цехов и распределение операций должно было обеспечивать поточность производства. Железнодорожное строительство шло не менее активно, чем в лучшие периоды XIX в. Армия промышленного рабочего класса выросла. Первая мировая война ускорила включение женщин в процесс индустриального производства. Значение пролетариата как потребителя для экономики промышленно развитых стран возрастало с каждым годом.

В 1927—1928 годах экономический рост казался обретенным навсегда. В прошлом остались трудности мировой войны и последовавшего за ней хозяйственного спада. Между тем мир капитализма приближался к новому большому кризису. Этот кризис ощутила и Советская Россия, имевшая специфические внутренние предпосылки для него. Потому он выразился более

всего в форме кризиса хлебазаготовок, отказа крестьян продавать государству зерно по низким ценам. Последствия этого совпали с падением мировых цен на зерно. Советский Союз нашел выход из ситуации в форме форсированной коллективизации села и индустриализации. Решительность этой политики, несмотря на все минусы, лишь повысила авторитет «первого рабочего государства» среди рабочих других стран. Они сталкивались в тот период с резким ухудшением своего материального положения: заработная плата снижалась, безработица росла, многие были вынуждены закладывать или продавать скромное имущество, тогда как государство не спешило на помощь бедствующим из-за кризиса людям. Уверенности в завтрашнем дне кризисная эпоха не давала никакой. Репрессивная к профсоюзам, а часто и левым радикалам, безразличная к бедам низших классов политика правых кабинетов только раздражала рабочую массу. Коммунистические идеи набирали популярность. Многим рабочим казалось, что установление политической диктатуры их класса даст им лучшие условия жизни, обеспечит бескризисное развитие экономики, что через планирование откроет новые возможности потребления. Буржуазия ощущала это как угрозу для себя, что рождало постоянные слухи о «красном заговоре» и тайной подготовке Коминтерном переворотов.

Новый большой мировой кризис начался в 1929 г. с падения на фондовом рынке США. Президент страны, республиканец Герберт Гувер, сразу пришел на помощь крупному бизнесу, из рядов которого происходил сам. Он усилил протекционизм, но без стимулов для внутреннего потребительского спроса. В результате это лишь ускорило распространение экономического спада в мире, тогда как рост безработицы в США не был остановлен. Для правящих кругов Германии и Японии отрешение от американского рынка означало одно — курс на войну, на самостоятельное решение проблем за счет приобретения внешних ресурсов. Германия теоретически могла пойти и дорогой диктатуры рабочего класса. Компартия была очень сильна; блокировавшись с социал-демократами против партии нацистов, она получила бы шанс на лидерство, и тогда страна

шаг за шагом встала бы на советский путь. Иного левого пути в тот момент не было, так как нужно было как-то победить кризис. Сделать это Германия могла, лишь сконцентрировавшись на подготовке к войне (правый план). Не начать войну по этой логике было нельзя, рухнули бы курс марки и экономика. Победить кризис слева — то был путь широкой национализации, планового производства и планового распределения. Блок с СССР смягчал при таком сценарии ситуацию в обеих странах и усиливал давление на капитал в других государствах, где буржуазные круги крайне неохотно шли на социальную поддержку широких масс населения, невероятно страдавших от экономического кризиса.

Как развивались события в реальности, известно. Даже в Италии, где фашистский режим Бенито Муссолини переживал кризис вместе с мировой экономикой, левые не смогли реализовать свой шанс — взять власть в стране. Был ли так же велик этот шанс для левых в начале 1930-х гг.? Франция и Великобритания в ответ на кризис обеспечили протекцию производству в метрополиях и усилили давление на колониальных конкурентов. Только в США с избранием в 1933 г. президентом Франклина Делано Рузвельта произошли принципиальные для мира явного капитализма изменения. По своему историческому значению они не уступают результатам Великой русской революции. В России имела место попытка осуществить диктатуру пролетариата политическим путем. В США была признана их экономическая диктатура. Произошло это под влиянием глубокой депрессии, в силу малого числа колоний и огромных масштабов рабочего класса страны. Потребление с его стороны оказалось столь значимым, что невозможно было выйти из экономического кризиса, игнорируя проблему обнищания массового покупателя. Между тем именно таковой (потому провальной) была политика Гувера. Он использовал войска для разгона выступлений безработных, тогда как, по выражению Рузвельта, стоило послать им кофе и бутерброды, а следом выслушать их представителей. Именно это и было сделано позднее, но с учетом интересов крупного капитала и усиления национального государства.

Кризис 1929—1933 гг. изменил капитализм в его экономическом центре, в США. Но эти изменения полноценно и широко вступили в силу лишь после Второй мировой войны. Капитализм стал государственно-монополистическим. Регулятивная роль правительств резко увеличилась, развитие получила экономическая политика, частью которой стала контрциклическая практика. Однако главным было признание и учет возросшей роли класса наемных работников как покупателей ими же производимой продукции. Экономическая диктатура пролетариата, так Коряковцев охарактеризовал установившиеся отношения. Они не отменяли эксплуатации, но правительства промышленно развитых стран были вынуждены стимулировать потребление. Кейнсианство предложило стимулирование потребительского спроса через стимулирование активности бизнеса, что сгладило специфическую рыночную диктатуры рабочих. Но их вступление в общество потребления было обеспечено. Субъектом перераспределения стало государство, а сторонники его ослабления стали именовать себя либералами. В их числе позднее оказались некоторые видные «революционеры» 1968 г.; они необязательно сошли с внешне левых позиций, как анархист Даниэль Кон-Бендит, но по сути своей левый либерализм был лишь подвидом оппозиции части крупного капитала к государству. Понятие «либерал» обрело новый смысл именно в борьбе с утвердившимся после Второй мировой войны «перераспределительным социализмом» в капитализме¹.

В 1929—1933 годах завершилась очередная повышательная волна развития. Кризис оказался продолжительным и глубоким. Но выход из него не был связан с расширением мировой торговли и завоеванием новых колоний. Экстенсивный путь развития был закрыт: свободных, еще не включенных в мировой рынок областей на планете не осталось. Развитие же науки и техники еще не могло обеспечить интенсивного развития на базе новых отраслей, условий производства и регулирования, хотя последнее уже имело место. В итоге разразилась новая война за передел сфер влияния. Так, СССР

рассматривался германским фашизмом и его союзниками примерно так, как европейцы смотрели на Африку в 1870—1900 гг. — как на свободное пространство, богатое ресурсами. Разница окончательно прояснилась в мае 1945 г. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства с его постепенным вооружением новой техникой сделали советскую экономику одной из мощнейших мире. То были плоды великой модернизационной революции, что дала людям новые возможности, а не только надежду на достижение коммунистического общества.

Экономисты до сих пор ведут спор о том, можно ли считать кризис 1929—1933 гг. законченным в 1933—1934 гг. В большинстве стран в 1937—1939 г. экономические показатели были немногим лучше докризисных. Оживление являлось слабым и достигалось в странах явного капитализма с большим трудом. Только в СССР ситуация была иной. При этом развитие техники всюду шло по намеченным до кризиса направлениям. Приоритетным было военное производство. Именно здесь произошел основной прорыв: в США было создано первое ядерное оружие и были подготовлены условия для мирного использования нового источника энергии. В целом же, учитывая нетипичную для понижительных волн промышленного капитализма большую войну в Европе — части центра мира капитализма, волна 1934—1948 гг. оказалась короче всех прежних и производит впечатление волны-сбоя. Столь же своеобразным получился кризис 1948—1949 гг., обеспечивший начало в мире новой повышательной волны.

С этим кризисом в капитализме менялось слишком многое, и перемены эти были подготовлены своеобразной понижительной волной-сбоем. В кризисе был не только империалистический тип капитализма, но и его отношения с рабочим классом стран центра. Они не могли оставаться прежними по экономическим причинам. Но было сделано все возможное в политическом смысле для того, чтобы сохранить их именно в прежнем виде. Крах этой линии, особенно очевидный в лице ее наиболее полного выразителя — фашизма, принудил верхи наиболее развитых промышленно стран капитализма стать более

чувствительными к желаниям трудящихся масс. Сами массы не желали более ничего слышать о внешнем решении социального вопроса, хотя ранее фашизм увлек немалую их часть мечтой о превращении эксплуатируемых в эксплуататоров. Немецкий фельдмаршал Эрих Манштейн так вспоминал о силе этой идеи даже уже после явного перелома в мировой войне: «Что немецкие солдаты не будут прислушиваться к пропаганде комитета «Свободная Германия», было для меня само собой разумеющимся. ...Впрочем, листовки комитета, сброшенные в свое время над черкасским котлом, не достигли своей цели, как и письмо, направленное генералом фон Зейдлицем находившемуся в котле генералу Либу»¹.

Потребовался полный крах теории и практики империалистического «решения» классового вопроса, чтобы «верхи» сразу многих государств пошли на новую социально-экономическую политику без понуждения со стороны особенно сильного экономического кризиса в мире и без того понесшего огромные материальные потери в результате Второй мировой войны.

Кризис 1948—1949 гг. оказался непродолжительным для кризиса смены вон. Он задел главным образом США, чья экономика не была физически затронута мировой войной. Его быстрое преодоление было связано с принятым еще в 1947 г. планом Джорджа Маршала. За 1948—1952 гг. Американское государство предоставила своим партнерам в Европе от 13 до 17 млрд дол.² Рынок США был открыт для европейских товаров, Западная Европа открывалась для продукции из Северной Америки и принимала американские капиталы. Аналогичным был план для Японии. США были главным победителем во Второй мировой войне — они избежали разрушений, нарастили золотой запас и имели устойчивую валюту, которую могли сделать главной международной расчетной валютой. Они рассчитывали использовать к своей выгоде уже наметившийся распад европейских колониальных держав. Совершенно излишним в этом плане был Советский Союз. Его можно было

1 Манштейн Э. Утерянные победы. М. : Вече, 2017.

2 Князев С. «Самая выгодная инвестиция»: как план Маршалла помог США покорить Европу. URL : <https://russian.rt.com/science/article/499577-plan-marshalla-ssha-evropa>

подтолкнуть к реставрации широкого рынка и частной собственности, но вашингтонские руководители подтолкнули его к новому левому повороту. Он обеспечивал мобилизацию общества в условиях холодной войны. Реставрация в СССР была этим не отменена, а только отложена во многом по внешним причинам.

Так, 1950—1960-е гг. оказались новым «золотым веком» капитализма. Капитализм этот являлся регулируемым и государственно-монополистическим. Великая депрессия 1929—1933 гг. потребовала увеличения государственного вмешательства в экономику и проведения широкой антикризисной политики. Индикативное планирование и стимулирование спроса входят в практику буржуазных правительств, зачастую руководимых социал-демократами. Кейнсианство начинает казаться незаменимым.

Экономический рост в эту эпоху был тесно связан с созданием новых направлений производства. Быстро развиваются атомная энергетика, электроника, радиотехника и телевидение, ракетные и космические технологии, вычислительная техника и машиностроение. Увеличивается автоматизация производства, а рабочий класс стран Запада остается главным потребителем мирового капитализма. Устанавливается «общество потребления». Однако страны периферии одновременно ищут свой путь к успеху: колонии отделяются от метрополий и стараются создать по их образцу развитую промышленность. Даже относительно мягкая (непрямая) форма контроля за якобы независимыми странами периферии со стороны США оказывается не особенно удачной. Это наглядно демонстрирует война во Вьетнаме. С 1964 по 1975 г. США пытаются удержать контроль над страной. Европейские государства нередко проигрывают в борьбе с антиколониальными движениями гораздо быстрее. Издержки на удержание колоний возрастают. Население метрополий более не желает брать на себя тяготы подавления освободительных движений. Система распадается. Но это не приближает старые капиталистические центры к социалистической революции, как ее понимают коммунисты и как отмечают советские теоретики «общего кризиса капитализма».

Капитализм в индустриально-развитых государствах пережил свой «общий кризис» как «золотой век» массового потребления. Экономическая диктатура пролетариата достигла в 1950—1960-е гг. своей вершины вместе с регулирующей ролью государства. Экономистам левых рыночных воззрений казалось, что регулирование в состоянии решить все вопросы. С его помощью государство могло бы распределять ценное сырье между предприятиями, создавать дополнительный спрос в тех или иных сегментах экономики, обеспечивать низкую безработицу и устойчивый массовый потребительский спрос. Контрциклическая политика сглаживала торгово-промышленные спады и внушала уверенность: Великая депрессия не может повториться. Это, как кажется, можно было подтвердить нетипично слабым кризисом 1948—1949 гг., тогда как начал всякой волны прежде не обходилось без кризиса более сложного и продолжительного. Между тем мировое хозяйство накапливало проблемы и противоречия, постепенно потребляя технологический, сырьевой и потребительский ресурс экономического роста в рамках логики повышательной волны.

Краткое обобщение. С большими кризисами в XX в. связаны повороты в развитии капитализма; Великая депрессия 1929—1933 гг. привела к резкому усилению роли государства в экономике промышленно развитых стран, являвшихся к тому времени империалистами; открылась огромная роль рабочего класса как потребителя; кризис обострил противоречия между монополиями метрополий и экономикой колоний; в период 1933—1947 гг. не произошло территориального расширения мирового рынка (как было во время других понижительных волн), что привело ко Второй мировой войне, где фашизм и японский милитаризм сумели опереться на готовность рабочих повысить свой социальный статус через создание колониальной империи, несущей другим народам деградацию или гибель; все эти проблемы обеспечили в кризис 1948—1949 гг. новый поворот — установление экономической (потребительской) диктатуры рабочего класса в странах центра мирового

капитализма как основы развития.

Глава 9. Конец кейнсианства и волна глобализации

(109-118 стр. в бумажной версии книги)

Постепенно складывались предпосылки нового большого глобального кризиса. Налицо было перенакопление капитала на Западе при ограниченности возможностей для его выгодного инвестирования; невозможно было повышать потребление без новых уступок со стороны капитала рабочему классу, что означало бы снижение рентабельности бизнеса; рост конкуренции на мировом рынке и повышение сырьевых цен, ставящих индустриально развитые страны в невыгодное положение по сравнению с модернизирующимися странами полупериферии. Против нового кризиса можно было действовать кейнсианскими методами, но это лишь сбивало на время температуру больной экономики. Кризис распадался на волны, что явилось результатом развития экономической политики. В 1969—1971 годах произошел первый неглубокий спад в США и более ощутимый в Европе. Ситуацию усугубила отвязка доллара от золота в 1971 г.; американская валюта была девальвирована. А 1969—1971 годы показали, что темпы роста имеют теперь тенденцию к снижению. Впрочем, кризис этот скорее носил предупредительный характер.

Спад настоящей силы произошел в 1973—1975 гг., когда усилия ОПЕК привели к росту мировых цен на нефть и усилению сырьевого кризиса. Положение было настолько сложным, что нередко стали сравнения его с Великой депрессией, повторение которой считалось невозможным. Кредитная экспансия на Западе и иные меры позволили на время выправить ситуацию и закрыть тему кризиса.

В 1979—1982 годах кризис вернулся, и удар его оказался особенно сильным. Меры в духе экономической политики старой эпохи не могли дать эффект, как это было и в период Великой депрессии, переход же к плановой

экономике с широкой национализацией как радикальным мерам обуздания рыночной анархии был невозможен. Не позволяли это сами представления рабочего класса стран центра мировой экономики, да и буржуазные слои было готовы не допустить подобного. Некоторые левые партии, как, например, компартия Италии, прямо предупреждали: перебирать с радикализмом практики нельзя — получим фашизм вместо республики и выборов. Радикальные левые группы видели в подобной линии признак перерождения и предательства интересов пролетариата, но тот сам был ориентирован на решение в рамках капитализма и за радикалами двигаться не спешил. Лейбористы в Англии, демократы в США и социал-демократы в других странах теряли поддержку, тогда как росла популярность неолиберальных политиков и сил. Они предлагали дать больше свободы рынку, больше рынка и обещали больше рыночных возможностей для маленького человека.

В отношении производства их позиция может быть описана так: пусть упадет все, что должно упасть. Депрессии было позволено перейти в рецессию. Ставка делалась на преимущества, которыми объективно обладали старые индустриальные страны (в том числе положение финансовых центров). Допускалось и даже считалось необходимым удорожание кредита. «Учетная ставка Банка Англии взлетала с 5% до 17%, в США учетная ставка в 1980 г. поднялась до 13%, а процентная — до 20%»¹. Все это поставило развивающиеся рынки в очень сложное положение. Не считаясь ни с внутренними, ни с внешними экономическими последствиями, неолибералы сумели добиться перезагрузки мировых экономических отношений. Высокие ставки по кредитам притягивали капиталы на Запад, тогда как правительства все большего числа стран искали компромисса с более развитыми богатыми державами центра. Они формулировали новые правила, вошедшие в историю под названием «Вашингтонского консенсуса». Слово «консенсус» здесь следовало понимать как подчинение.

Началась новая понижительная волна развития мирового капитализма.

1 Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. 3-е изд. М. : URSS. 2017. С. 179.

Вышла она, как и все прежние волны, из большого экономического кризиса. Этот кризис показал всю силу цикличности развития промышленного капитализма. Его не удалось остановить. Только когда работа кризиса — разрушительная и трансформирующая была выполнена, начался новый экономический подъем. Он происходил в условиях контрреволюции собственников. Они отодвигали менеджмент от власти, тогда как в 1950—1960-е гг. росло его численность и управленческое влияние. Капиталисты тогда отодвигались, что можно было трактовать и в духе движения общества к социалистическому идеалу. Этот процесс получил название революции менеджеров (managerial revolution) и нередко абсолютизировался, усиление позиций класса наемных управленцев воспринималось как нечто изменяющее логику производства и накопления капитала. Во многих случаях менеджеры руководствовались интересами фирмы больше, чем интересами акционеров. Их волновала не столько прибыль, сколько развитие дела. Развивалась философия миссии компаний, смысл их деятельности, помимо получения прибыли.

В кризисные 1970-е гг. все эти «игры в коммунизм» стали особенно раздражать акционеров. Собственники пошли в контратаку. На уровне фирм она выразилась в возврате к приоритету растущей рентабельности. Выводы зачастую были таковы: если дело не движется с коммерческой точки зрения, оно плохо поставлено; деятельность парализует дорогой или избыточный персонал — увольняем лишних и выносим производство в третий мир. Так норма прибыли смогла вновь увеличиться. На государственном уровне эта атака приняла форму продвижения неолиберальной политики.

Было бы ошибкой полагать, будто рабочий класс оказался лишь жертвой нового либерализма, был обманут, ограблен и лишен перспектив. Значительная его часть серьезно пострадала уже в конце 1970-х гг. и в начале 1980-х гг. Однако большинство увидело новые возможности в реконструкции капитализма, произошедшей под влияние большого кризиса. Дэвид Харви в книге «Краткая история неолиберализма» отмечает, что пролетариат поддержал неолибералов в странах с развитой индустрией и рынком, прежде всего в США

и Великобритании. Приватизация социальных квартир сделала арендаторов собственниками. Рабочие места терялись в индустрии, но создавались в финансовом секторе, управлении, торговле и сфере услуг¹. Причем особенно много вакансий дали обслуживающие большой бизнес новые компании. Даже если старшие члены семьи пострадали от кризиса и политики властей, они верили в лучшие возможности для своих детей. Образование легче поднимало их наверх. Работа в офисе позволяла хорошо одеваться и демонстрировать это. Обедать можно было в кафе и ресторанах. Само потребление становилось более демонстративным. Общения с людьми было приятней немного обслуживания оборудования. Огромное значение имели карьерные возможности. В итоге масса людей, особенно молодого поколения, устремились к новым горизонтам, считая возможным реализовать себя в бизнесе, добиться высокого положения и достатка. В большой мере то были иллюзии, но то были иллюзии большого увлеченного потока людей. Их место в процессе производства заняли иностранные рабочие. Они взяли на себя грязную работу, тогда как белые коренные жители богатых стран искали лучших возможностей.

Но для того, чтобы экономический подъем в мире мог развернуться, страны центра должны были не только перезаключить соглашения с полупериферией и периферией, но и расширить эту область — включить новые рынки в свою систему. Неолиберализм усилил финансовый капитал, и он искал возможности выгодного приложения. Одновременно с этим в лагере «реального социализма» шли собственные процессы трансформации.

В 1990-е годы капитализм обрел необходимую новую периферию. Глобальный рынок расширился за счет «социалистического лагеря», где в изобилии имелись покупатели, а также грамотная и непритязательная рабочая сила. В плане инвестирования особо ценным приобретением оказался «коммунистический Китай». Для мирового левого движение крах СССР и разворот КНР к капитализму с безжалостной эксплуатацией собственных рабочих оказался шоком.

1 Харви Д. Краткая история неолиберализма. URL : https://royallib.com/book/harvi_devid/kratkaya_istoriya_neoliberalizma.html

Надежды на достижение капиталистическим обществом своего предела рассыпались после кризиса 1970-х гг., оказавшегося болезнью совсем не смертельной. Подобным образом разрушил надежды левых и начавшийся в 2008 г. большой мировой кризис. Правда, силы их были намного меньшими, чем тремя десятилетиями ранее. Подточил классовое единство и левый либерализм, поднявший на знамена интересы меньшинств, а прогресс, трактовавший как соединение учтенных потребностей разных «угнетенных групп». В итоге рабочий класс оказался расколот не только по экономической линии, когда даже этнически его офисная и производственная часть во многих случаях оказались различны. Раскол прошел также по социокультурной линии. С точки зрения капитала было важно и другое: неолиберальная глобализация ослабила экономическую диктатуру наемных работников; только сосредоточенную в богатых странах часть их следовало принимать в расчет. Новый пролетариат периферии можно было эксплуатировать без оглядки. В странах центра под ударом правых сил постоянно находились положение работников, их социальные и трудовые права, а часто и права политические. Но забрать все капитал не мог; забранное специфически компенсировал кредит. А это лишь откладывало новый большой экономический кризис, должный похоронить неолиберальную модель и завершить понижательную волну.

Приток иностранных рабочих в старые индустриальные страны начался задолго до 1980-х гг. В докладе «Кризис глобальной экономики и Россия» отмечалось: «После кризиса 1949 года до 1973 года продолжалась повышательная волна, характеризовавшаяся удорожанием рабочей силы и капиталов, а также активным технологическим обновлением производства. В этот период растущая европейская и американская промышленность испытывали потребность в рабочей силе, которая ввозилась из стран периферии. В западном обществе господствовал кейнсианский подход, реализовывались принципы социального государства. Резко возрос образовательный уровень населения, высшее образование стало массовым. Однако к началу 1970-х гг. глобальная хозяйственная система оказалась в

тупике. В немалой степени новый кризис возник из-за страхов деловой элиты перед возросшей силой организованных рабочих, включавших теперь и людей еще недавно привилегированных профессий. Большую роль сыграли события во Франции 1968 г., массовые выступления в США»¹. Впрочем, не это было главным, а экономические проблемы.

Произведенная в бывших колониях модернизация открывала в эту эпоху широкие возможности для использования ресурсов периферии по-новому. К тому же нарастал кризис советской системы. Ее крах с последующим распадом восточного блока и СССР создал новую сферу периферии для глобального капитализма. Экономический рост в 1990-е гг. в странах центра ускорился. Эксплуатация ресурсов расширившейся периферии обеспечила капитализму продолжительную понижательную волну развития (с 1982 по 2008 г.). Эмпирически проверено, чередующиеся повышательные и понижательные волны при индустриальном капитализме продолжаются от 16 до 30 лет. Продолжительность волны зависит от возможностей освоения центрами капитализма ресурсов мировой периферии. В период понижательных волн финансовые операции имеют приоритет над вложениями в производство, подчиняя его своим интересам. Ставка процента из-за активного накопления капиталов имеет тенденцию к понижению. Рабочая сила также дешевеет или не дорожает, поскольку предложение на рынке труда превышает спрос. Продовольственные цены имеют тенденцию к уменьшению. Понижательные волны отличает прогресс коммуникаций от транспорта до связи и медленное развитие технологий производства².

Повышательные волны, как уже отмечалось, напротив, характеризуются быстрым технологическим прогрессом в индустрии. Рабочая сила дорожает, поскольку потребность в квалифицированных специалистах растет. Капиталы также оказываются дорогими, стимулируя рост производительности труда. Общественная ценность знаний возрастает. Повышательные волны сменяют

1 Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Кризис глобальной экономики и Россия». URL : http://igso.ru/world_crisis_and_russia/

2 Там же.

понижительные, когда экстенсивное использование ресурсов мировой системы теряет эффективность, а положительный результат может дать лишь более рациональное их применение. В больших кризисах на стыке волн проявляется невозможность дальнейшего эволюционного развития мирового хозяйства, находит выражение в перенакоплении капитала, для выгодного вложения которого не остается места. Большие кризисы, таким образом, выступают революциями в системе капитализма. Но они носят не национальный, а общемировой характер, пусть и выражаясь неравномерно.

В результате кризиса 1970-х гг. развернулся массовый перенос промышленности в зону мировой периферии, ставшую к 2008 г. не сырьевой, а промышленной периферией. Одновременно политика технологического переоснащения индустрии со ставкой на высококвалифицированных работников сменилась ориентацией на дешевую рабочую силу в странах третьего мира. Успех новой политики был обеспечен быстрым развитием коммуникационных технологий, прежде всего связанных со сферой управления: компьютеры, сеть «Интернет», спутниковая связь. Резко возросла скорость перемещения капиталов, возникли электронные деньги. Национальные монополии из «первого мира» превратились в транснациональные корпорации. Идеология кейнсианского национального развития сменилась неолиберальной доктриной открытой экономики. Новая хозяйственная эпоха получила название *финансовой глобализации*.

В результате запущенной под влиянием кризиса 1970-х гг. глобализации (новой стадией развития мирового капитализма) целые регионы планеты превратились из аграрных в промышленные. Сотни миллионов людей оказались вынуждены оставить традиционные натуральные хозяйства, став наемными рабочими. Произошла беспрецедентная в мировой истории пролетаризация. Пространство рыночных отношений расширилось, рабочая сила оказалась дешевле, а ее эксплуатация выгоднее внедрения новых промышленных технологий. В старых индустриальных странах правительства стали проводить политику «сбрасывания балласта»: ликвидацию социальных завоеваний,

приватизацию, снижение расходов на образование и иные общественные сферы. Но сколько бы либертарианцы не проклинали государство с его социальной нагрузкой на бизнес и расточительностью, ни в одной из стран центра глобального капитализма оно не осмелилось на полный демонтаж своих социальных функций. Государства полупериферии сокращали социальные расходы, права и гарантии для населения, но не могли вернуть все отношения и нормы в «идеальный» XIX в., когда рынок якобы был чист, а бюджетная политика не плодила «социальных паразитов» в низах общества.

Неолиберализм был ограничен в своих возможностях с самого начала. Основанная на нем экономическая модель капитализма имела в основе противоречия, развитие которых определяло предел ее существования. Производимые в странах периферии товары должны были продаваться в центре — развитых западноевропейских, североамериканских странах и Японии. Вынос из них производства ограничивал потребительские возможности населения, спрос с его стороны подстегивала не столько «новая экономика» в виде сферы услуг и информационных технологий, сколько кредитная политика центральных и коммерческих банков. Доступность ипотечных, автомобильных и потребительских кредитов увеличивала потребление, в конечном итоге уменьшая материальные возможности домашних хозяйств. Рост потребительских рынков стран промышленной периферии не мог покрывать растущий дефицит спроса, основанного лишь на доходах трудящихся, и чем дальше, тем больше банки стран центра брали на себя роль кредиторов массового потребителя. Они делали это к своей выгоде и от избытка свободных средств. Одновременно с этим они все более смело вели спекулятивные игры на фондовом рынке и рынке нефти. Инвестировались капиталы и в бумаги правительств менее богатых государств.

В период глобализации капиталы начали свободно перемещаться из одной зоны планеты в другую, но рабочая сила была искусственно заперта в национальных границах. Корпорации имели возможность выбирать себе любой из множества рынков труда. Закрытые государственные границы и жесткие

антимиграционные законы препятствовали рабочим покидать зоны, где не действовало трудовое и социальное законодательство, а люди были бесправны. Даже если рабочие нелегально вырывались в ЕС, США или другие страны (с некоторых пор и в Россию), они оставались почти бесправными. Такая политика облегчала корпорациям снижение оплаты труда для граждан «старых индустриальных стран», а также свертывание социального и трудового законодательства. В итоге в целом ряде отраслей американской и европейской экономики третий мир оказывался внутри «первого». Дестабилизированные социальные системы периферии продолжали выбрасывать миллионные массы эмигрантов на рынки труда в страны центра. Если в 1960-е и в начале 1970-х гг. эмиграция из бывших колоний на Запад была связана с растущим там спросом на рабочую силу, то с конца 1990-х гг. массовое переселение превратилось в инерционный процесс, подстегиваемый социальным кризисом Юга и стремлением людей приобщиться к потребительскому обществу. В свою очередь, на Севере эти демографические и социальные сдвиги способствовали росту правых консервативных политических сил.

Обеспечивая рост рентабельности корпораций, неолиберальная модель глобальной экономики была лишена системных перспектив. Чтобы развиваться дальше, мировому хозяйству требовались качественные перемены. Высокие прибыли корпораций, полученные в результате жестокой эксплуатации бесправных рабочих третьего мира, обеспечили удешевление капитала, что позволило в 2001 г. отсрочить системный кризис за счет беспрецедентного распространения потребительских и ипотечных кредитов. Однако этого ресурса оказалось достаточно для поддержания экономического роста в глобальной системе лишь до 2007 г. Грянувший в тот год в США ипотечный кризис стал предвестником нового мирового экономического кризиса. Он оказался не сопоставим со спадами 1980—1990 гг. и кризисом 1997—1998 гг., давшим всходы в США в виде рецессии 2001 г.

Не только правые мыслители, но и многие левые уверовали в 1982—2008 гг. в незыблемость неолиберального порядка. Глобализация была официально

объявлена дорогой развития, которой нет альтернативы, а там более замены. Фантасты писали спекулятивные романы о том, как человечество деградирует в результате расцвета финансового либерализма. Одинаково приводили в ужас культ потребления, разраставшийся все более и казавшийся в странах с сократившимся производством и выросшими офисами чем-то мистическим, ибо товары словно бы появлялись неведомо откуда, и обеднение низших слоев общества, где приток иностранных рабочих вызывал растущее раздражение. Рабочий класс старых индустриальных стран распадался на этнические и культурные группы. В государствах периферии капитал в ответ на сопротивление рабочих мог вынести производство в другие места, и правительства соперничали в борьбе за его благосклонность. Демонической представляла реальность неолиберализма в работе Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя»¹. Расплывчатая, пронизывающая все и весь мир охватившая империя внушала ужас и морально разоружала своих противников. Печальной была картина, представленная в книге Наоми Кляйн «Доктрина шока»². Неолиберализм шел вперед как титан разрушения, который, казалось, некому остановить.

Лишь Валлерстайн, кажется, утверждал: либерализм обречен. Однако даже 2008 г. вызвал у него больше вопросов, чем принес ответов. Он писал: «О неолиберальной глобализации через десять лет будут писать как о циклическом отклонении в истории капиталистической мир-экономики. Вопрос не в том, закончена ли эта фаза, а в том, сможет ли это отклонение восстановить относительное равновесие в мир-системе, как это случалось в прошлом. Или нанесено уже слишком большое повреждение? И не грозит ли нам еще более жуткий хаос в мировой экономике и, следовательно, в мир-системе в целом?»³. В 2014 году он отмечал: «Нет оснований ни для оптимизма, ни для пессимизма. Все остается в пределах возможного, но все остается неопределенным. Мы должны переосмыслить наши старые стратегии, мы должны переосмыслить

1 Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. URL : <http://rebels-library.org/files/empire.pdf>

2 Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М. : Добрая книга, 2009.

3 Валлерстайн И. Год 2008: смерть неолиберальной глобализации. URL : https://sceptis.net/library/id_1786.html

наш старый анализ. Они были слишком отмечены господствующей идеологией капиталистического мира-экономики». Взгляд его в будущее не был уверенным: «Новая эпоха, в которую мы вступаем, может оказаться не менее обманчивой. Мы плывем в морях, еще не нанесенных на карту. Мы гораздо больше знаем об ошибках прошлого, чем об опасностях ближайшего будущего»¹.

Передовая западная мысль могла и далее не знать о картах кризиса и маршрутах выхода из него, составлявшихся вне ее видения. В Северной Америке и Западной Европе привыкли замечать в постсоветском мире лишь новую периферию, от ученых которой можно ожидать не более чем повторения общеизвестных положений или откровенных либеральных глупостей. Между тем разразившийся в 2008 г. экономический кризис был не только отражением проблем стран финансового центра (прежде всего США), но в случае России и Китая также кризисом неолиберального курса и реставрационной политики прежнего типа. Конец глобализации должен был привести к трансформации местной политики, что в теории могло произойти в результате народного движения, но могло случиться и сверху. Об этом автор писал в 2014 г. в статье «Сила капитала и слабость олигархии»². Силу проявила и бюрократия.

Приверженцы неолиберализма верили в неизбежность продолжения глобализации. Какова бы ни была реальная практика, декларировалось как нечто единственно возможное следующее: всемирный процесс интеграции национальных хозяйств и политических структур при одновременном ослаблении государства. На деле же возрождение государства и только оно могло вывести страны из нового большого кризиса, неизбежного в силу логики развития капитализма. Иное дело, что в 2007 г. это мало кому казалось возможным. Сам кризис мало кому виделся вероятным. Это не мешало ему подготавливать, а после, вызвав великий шок, разразиться.

С этим эпоха глобализация завершилась.

1 Валлерстайн И. Крах либерализма. URL : <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vallerstajn-immanuil/analiz-mirovih-sistem-i-situaciya-v-sovremennom-mire/34>

2 Колташов В.Г. Сила капитала и слабость олигархии. URL : <http://neosoc.ru/сила-капитала-и-слабость-олигархии/>

Краткое обобщение. Большой кризис 1973—1982 гг. положил конец иллюзиям относительно устойчивости регулируемого (по кейнсианским канонам) капитализма и способности контрциклической политики брать верх над сбоями роста; кризис 1970-х гг. — как и прежние большие кризисы — не был сбоем, а обеспечивал новый поворот развития; кризис оказался затяжным, имел несколько волн и привел к выносу производства из старых индустриальных стран в постколониальные и иные зоны мировой периферии (включая бывшие социалистические государства); центр сохранил роль финансового и потребительского ядра мира, но в условиях финансовой глобализации и неолиберальной торговли его рабочий класс начал деградировать, а базой роста потребления оказался кредит.

Глава 10. Современный кризис, его волны и условия преодоления

(118-133 стр. в бумажной версии книги)

Новый большой мировой экономический кризис открылся обрушением кредитной пирамиды в США — потребительском центре планеты (на эту страну приходилось тогда до 40% глобального потребления)¹. Масса американцев оказались не в состоянии приобретать прежнее количество товаров на свои доходы, снижавшиеся в реальном исчислении с начала 1980-х гг., а по некоторым подсчетам с 1969 г. Население США также продемонстрировало неспособность платить даже по самым дешевым кредитам. Аналогичные проблемы проявились в Великобритании и некоторых странах ЕС. Открылся новый большой кризис глобальной экономики, знаменующий смену длинной хозяйственной волны.

Мировая экономика не могла дальше развиваться по-старому. Кризис должен был оказаться чрезвычайно продолжительным и острым.

¹ Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Кризис глобальной экономики и Россия». URL : http://igso.ru/world_crisis_and_russia/

Предупреждение об этом содержалось в уже не раз упомянутом докладе «Кризис глобальной экономики и Россия», а позднее в докладе «Энергетическая революция: проблемы перспективы мировой энергетики», представленном 5 марта 2012 г. В нем была развита идея необходимых, диктуемых временем технологических изменений. Кроме ренессанса и ускоренного развития робототехники, а также создания новых синтетических материалов, кризис сделал необходимым поиск революционных форм генерации энергии. Со временем энергия должна не просто стать дешевле, чем в минувшую эпоху. Отчасти эта задача решается падением цен на энергоносители. Необходимо радикальное снижение цены генерации на протяжении продолжительного времени, что позволит все более и более удешевлять товары. Полезным может быть сокращение затрат на передачу энергии и повышение качества ее сохранения. Автоматизация промышленности должна соединяться с автоматизацией транспорта, торговли и оказания услуг, например, приготовление пищи¹. Вопрос лишь в том, произойдет ли такого рода переворот в промышленном получении энергии в 2020—2045 гг. или основные изменения (не научные прорывы!) случатся в ходе завершения повышательной волны.

Так, 2008—2019 гг. продемонстрировали, что для преодоления кризиса недостаточно технических новшеств. Должна быть отброшена неолиберальная социальная и экономическая политика; роль государства как регулятора и его ресурсы необходимо увеличить, а на место «свободной торговли» должен прийти устойчивый протекционизм. Существует потребность в укрупнении национальных рынков, особенно для стран БРИКС, которые доказали свою способность начать реализовывать новую экономическую политику в числе первых. О первых признаках этого в отношении попавшей под санкции России автор неоднократно писал, начиная с 2014 г. Неомеркантилизм — так можно назвать эту новую торгово-промышленную политику, особенно проявившуюся сразу по окончании второй волны мирового кризиса (2013—2016). В США ее проводником стал президент Дональд Трамп. Однако его возможности были

1 Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Энергетическая революция: проблемы перспективы мировой энергетики» от 5 марта 2012 г.

сильно ограничены господством в стране финансового капитала, сильным долларом и отсутствием собственной широкой партии.

Перемены в США поставили вопрос о политических переменах в других странах. Нажим США, Великобритании и ЕС на Россию и Китай вместе со второй волной кризиса 2013—2016 гг. подтолкнули изменения сверху. В России сдвиг был частично подготовлен тихим устранением «семибанкирщины» 1990-х гг. Усиление бюрократии обеспечило перевод финансового капитала в подчиненное положение к производственному капиталу. Однако не это определило процесс, а создание кризисом новых условий в мировой экономике. Спустя четыре года перемены далеко еще не обрели полный характер, оставшись промежуточными или первоначальными. При этом общественные противоречия обострились, и это повсеместно диктовало переход к иной, нелиберальной экономической политике, способной обеспечить рост доходов трудящихся при одновременном развитии производства.

В докладе «Кризис глобальной экономики и Россия» впервые были представлены некоторые наблюдения, изложенные в этой книге. На протяжении 1975—2008 гг. корпорации и многие государства проводили политику сознательного удешевления рабочей силы. Компании выносили производство в третий мир, ухудшая условия найма в первом. Свыше 30 лет реальная заработная плата в старых индустриальных странах не увеличивалась. Стремительный рост рынков периферийных и полупериферийных экономик не смог в полной мере компенсировать этот процесс. Однако в ответ на спад 2008—2009 гг. местные финансовые круги пошли на активизацию кредитования как потребителей (особенно покупателей жилья), так и части производственных предприятий. Благодаря этим мерам, а не только накачке западных банков дешевыми деньгами (политика ФРС и ЕЦБ) первая волна глобального кризиса была преодолена.

Первая волна кризиса накрыла мировую экономику в 2008—2009 гг. В 2010 году об окончании кризиса заявили многие правительства. Но в реальности была завершена лишь первая фаза кризиса, а точнее, был отражен его первый

удар. Наступила стабилизация. В ряде экономик (особенно в БРИКС) последовало возобновление роста. Цены на нефть постепенно поднялись выше 120 дол. за баррель (2012). Рост отмечался также на фондовом рынке. Дорожало золото. Спекулятивная активность во многих случаях превысила докризисный уровень. Однако в 2012—2013 гг. ситуации в ряде национальных экономик начала портиться. В 2014—2015 годы мировая экономика столкнулась со второй волной кризиса. Ее эпицентром были страны БРИКС. Обвал на Шанхайской бирже в 2015 г. показал, что и Китай не защищен от кризиса, а в его экономике надул индустриальный пузырь, разрыв которого способен породить новую волну мирового кризиса¹. Пузырь на фондовом рынке США обладал не меньшим разрушительным потенциалом.

Вторая волна кризиса вновь поставила вопрос о причинах потрясений в мировой экономике. После вторичного падения рынков, начала в 2016 г. новой стабилизации, во многих странах больше похожей на депрессию, с явным обострением противоречий между странами центра глобального капитализма (США, ЕС, Япония) и государствами полупериферии (борьба США и ЕС против России, давлений США на Китай) уже нельзя было сказать: кризис порожден частными ошибками. Кризис представал мощнейшим источником перемен и одновременно их средой. И первая из них касалась статуса ряда стран докризисной полупериферии — Китая, России и Индии.

Основной причиной возвращения кризиса стала неолиберальная антикризисная политика, законсервировавшая на время ситуацию. Она проводилась как в США, так и в других странах. Российский экономист Руслан Дзарасов справедливо указывает, что неолиберализм это «не что иное, как перерождение классического либерализма в свою противоположность»². Неолиберализм как подход не продемонстрировал достаточной практической гибкости, чтобы на его основе преодолеть кризис. Эта гибкость в

1 Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Противоречия экономики Китая: падение как окончание «чуда». URL : http://igso.ru/china_problem/

2 Дзарасов Р.С., Кагарлицкий Б.Ю., Очкина А.В. Неолиберализм и Россия // Политэкономика кризиса. От неолиберальной экономической модели к новому социальному государству. М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. С. 41—42.

экономической политике будет достигнута лишь с отказом от него, решительным или постепенным.

В 2009—2016 годах политика ФРС США стабилизировала западный финансовый рынок.

Но если в зоне старых центров капитализма политика игроков стала более взвешенной, а регулятор (ФРС) стал более внимателен, то в Китае все сложилось иначе. Обвал на фондовом рынке КНР в 2015 г. стал одним из наиболее значимых проявлений второй волны кризиса. Он наглядно показал: финансовые пузыри сохранились в одних странах и еще более надулись в других. Стабилизацию рынков в 2016—2017 гг. некоторые правительства пытаются подать как признак окончания кризиса.

В 2014 году, когда спекуляции подняли курс китайских ценных бумаг, местные капиталы уже не находили достаточно возможностей для инвестирования в реальной экономике. Они сконцентрировались на спекуляциях ценными бумагами и сырьевыми товарами, как это было в первой половине 2008 г. и в преддверии всех торгово-промышленных кризисов капитализма на протяжении истории. В Китае и многих других странах после первой волны кризиса надулись пузыри на рынке недвижимости. Вернувшийся кризис продемонстрировал чрезмерность цен и слабость спроса. Важнее же всего, что по итогам второй волны кризиса открылось еще более возросшее перенакопление капитала. Это еще в 2013—2015 гг. привело к изменению позиции стран Запада в отношении ряда их партнеров по «Большой двадцатке». Они увидели слабость с их стороны и начали оказывать возрастающее давление.

Во время первой волны кризиса временно возник новый неолиберальный консенсус. Когда власти США начали принимать меры по спасению банков им, как и элитам ЕС, оказалась необходима поддержка стран БРИКС: лидеры полупериферии должны были декларировать приверженность принципам «Вашингтонского консенсуса» и быть готовыми взаимодействовать с членами G7 в борьбе с проявлениями глобального кризиса. Для этого была

активизирована «Большая двадцатка». Перефразируя президента США Ричарда Никсона, в начале кризисной эпохи 1970-х гг. сказавшего, что все теперь кейнсианцы, лидеры G20 могли сказать: «Мы все теперь неолибералы». Проблема, как и в случае Никсона, состояла в том, что в таком состоянии невозможно было остаться надолго.

«Двадцатка» выполнила свои задачи. Рост в экономиках БРИКС был возобновлен, что даже больше, чем меры ФРС, способствовало успокоению. В 2013 году на саммите G20 в Санкт-Петербурге представителями стран БРИКС произносились ритуальные клятвы в верности «свободной торговле» и «светлому пути» глобализации, как этого требовали от них в Вашингтоне. Однако в 2015—2017 гг. уже наступал протекционизм; в начале 2016 г. США установили заградительные пошлины на китайскую сталь, а новый президент Трамп провозгласил необходимость фронтальной торговой войны с Поднебесной¹. Таким образом, ВТО явно оказалась в кризисе, который ярче всего открывала «война санкций» Запада против России.

Так пал идол неограниченной торговли, якобы навечно избавленной от помех политики. Однако немало государств (включая Китай) сохраняли заинтересованность в либеральном режиме мировой торговли, поскольку протекционизм в других странах грозил обрушить экономику КНР. По итогам второй волны кризиса она почти остановила рост; власти дали понять, что ВВП страны будет в ближайшие годы увеличиваться за счет сферы услуг. В реальности также за счет изменения методики его подсчета. Одновременно власти показали, что делают ставку на роботов в индустрии и отказ от устаревшей техники, в том числе автомобилей с двигателями внутреннего сгорания.

Завершение второй волны кризиса не привело к оживлению, подобному тому, что последовало во многих странах после первой волны. Рухнул консенсус «Большой двадцатки», а противоречие между корпоративными

1 Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) и Лаборатории международной политической экономии при кафедре политической экономии и истории экономических учений РЭУ им. Г.В. Плеханова «Дональд Трамп и экономическая ситуация: стратегии кандидатов в президенты и Вторая волна кризиса в США». URL : http://igso.ru/trump_situation/

центрами в мире резко обострились. США и ЕС отказались от диалога с элитами стран-лидеров полупериферии капитализма, Бразилии (где в ходе заговора было отстранено от власти правительство), России и Китая. Евросоюз поставил перед собой задачу форсированной экспансии на Восток, а США попытались создать два блока зависимых экономик — Транстихоокеанское и Трансатлантическое партнерства. Евросоюз переиграл Россию на Украине и получил ее в свою экономическую орбиту, что не стало основой для роста его экономики, но поддержало ее в прежнем виде. США не добились от ЕС согласия войти в Трансатлантический торговый блок. Зато Великобритания начала выход из ЕС; это создало угрозу выхода из ЕС и Франции, а затем и других стран на Старом континенте. Однако этот сценарий не смог реализоваться: Германия удержала соседа в сфере своего влияния, а британские консерванты даже не попытались этому помешать. Этим они лишь ослабили свои позиции, выпрашивая у ФРГ торговых послаблений в случае выхода страны из ЕС и опасаясь этого выхода, грозившего потерей многих международных финансовых и торговых позиций. Ситуация обострилась в 2019 г. Метания британских политиков сорвали соглашение о мягком выходе страны из ЕС. В результате большой бизнес получил подтверждение перспективы дальнейшего ослабления Великобритании как финансового центра.

В США в начале 2017 г. Трамп распустил Транстихоокеанское партнерство, добиваясь чисто американской (не распространенной на рынки присутствия индустрии корпораций США) протекционистской политики. Ему не удалось сходу сломить сопротивление финансового капитала и старого политического класса. Он пошел на многие скользкие компромиссы. Сохранилась линия прежней администрации на усиление влияния в Европе, ослабление и взятие ресурсов России. Трамп в особой манере, продиктованной его пониманием консервативной протекционистской политики, продолжил курс внешнего протекционизма, получив больше возможностей для осуществления протекционизма внутреннего — защищающего национальный рынок и производства на нем, а не американские компании на любых рынках.

В 2016—2018 годах обострились противоречия США и Германии. Трамп попытался раскачать ЕС. В 2018 году он безуспешно предлагал Эммануэлю Макрону вывести Францию из ЕС и заключить двухсторонний торговый договор с США. За Францией могла последовать Италия. Однако ЕС устоял против этой игры. Правда, в 2018 г. американцам удалось навязать Польше контракт на 20-летнюю закупку дорогого сжиженного природного газа из США. Еврократия и руководство ФРГ сохранили приверженность политике санкций против России. Этому не помешали даже сложности в отношениях ФРГ и Великобритании.

Оформившаяся под влиянием второй волны кризиса жесткая политика Запада в отношении России и (в более осторожных тонах) против Китая дала обратный эффект. Она помогла руководству этих стран осознать, что они давно уже доросли до уровня экономик центра. Это касается и России, несмотря на сырьевую основу ее корпоративной экономики. Обострение глобальных политических противоречий совпало с ростом общественного недовольства почти повсеместно в мире. Стабилизация 2016—2018 гг. не была оценена трудящимися как окончание кризиса. И она им не являлась. Когда в середине октября 2018 г. на фондовом рынке США произошло падение, что вызывало волну биржевых обвалов в других частях мира, это воспринималось как сигнал о неизбежности продолжительного обвала рынков и нового спада в глобальной экономике. Оживление и рост предыдущего периода оказались не в силах убедить общество и аналитиков в окончании эпохи потрясений.

Третья волна мирового кризиса оставалась необходимой с точки зрения решения им стандартных для большого кризиса задач, лишь выраженных в конкретных исторических условиях. Капитализм не исчерпал свои возможности, и выход из большого кризиса как специфической эпохи (политически сложный) означает не его конец, а отказ от такой его реакционной формы, как неолиберализм. Это является также условием преодоления кризиса для центров капитализма новой повышательной эпохи. Формируются новые условия, на которых они потянут за собой страны меньшего экономического

веса или будут оказывать на них давление с целью принятия этих условий. Восстановление и усиление социального государства необходимо. В таких странах, как Россия и Китай, многое может дать демократизация политической жизни, если она случится на основе патриотического общественного консенсуса. Подъем гражданского, республиканского по своей сути патриотизма логичен. В новую эпоху он способен выступить средой и ограничителем демократических перемен, отсекая возможность успеха как неолиберальной оппозиции, так и узкого архаичного национализма, выдавшего себя за патриотизм в ушедшую эпоху. Все это лишь закрепит положение Китая, России, Индии, а возможно, Бразилии и других государств как стран центра, тогда как ранее они были приглашены на мировой рынок в качестве периферии старых стран центра — сырьевой и промышленной.

Создание новых больших единых рынков остается задачей, поставленной кризисом. Колоссальным является потенциал Евразии. Удастся ли его реализовать на основе сотрудничества и глубокой интеграции экономик (пусть и без ЕС) — открытый вопрос. В любом случае логичным остается дальнейшее удаление с континента влияния США, что является устранением одного из самых серьезных препятствий развитию. В Европе кризисом был поставлен вопрос о переходе власти к ориентированным на национальное развитие правительствам. В обществе растет запрос на силы, способные бросить вызов ЕС, порвать с его неолиберальным диктатом и, что далеко не всегда осознается как необходимое, войти в новый экономический блок — даже создать его в Евразии. В 2008—2012 годах мировой кризис объединил центры финансового и производственного капитала в борьбе за восстановление роста и снятие признаков кризиса. На следующем этапе противоречие между финансовым и промышленным капиталом обострилось и приняло форму межгосударственного конфликта. Претензии США и их партнеров к России и Китаю, игра против бразильского правительства и даже поиск временного соглашения с Индией — все это выражает противоречие между двумя группами крупного капитала. Старый, господствовавший на протяжении всей понижательной волны

финансовый капитал выступил против усиления монополий «молодых экономик».

Резюмируем. Старые государства центра капитализма противопоставили себя новым центрам капитализма. Финансовый капитал первых в лице подвластных ему политических кругов противопоставил себя промышленному капиталу новых центров.

Конфликт пришел на смену неолиберальному консенсусу, который так и не привел к новому глобальному экономическому подъему. Под знаком конфликта между старыми и новыми центрами капитализма пройдет вся новая эпоха. Общество потребления расширит свои границы в границах новых интеграционных проектов и на основе роста производства, которое будет диктовать государству необходимость стимулирования спроса. Экономическая диктатура рабочего класса будет восстанавливаться в новых зонах, тогда, как прежде, центром ее были страны Западной Европы, США, Канада и Япония. Старые центры могут в ходе новой повышательной волны, обычно дающей ощутить «золотой век» капитализма, принять весьма скромное участие в международном экономическом подъеме. Капиталы из этих стран выводятся для инвестирования, тогда как на их родине может сохраниться социальный кризис, а рост экономики оказаться слабым. В этом выразится перезрелость капитализма в старых центрах. Возможность левого предотвращения такого сценария необязательно реализуется в силу либерального разложения как левых, так и рабочего класса. Возможностей инвестирования новые центры капитализма будут давать больше, и это многое определит.

Так, 2013—2016 гг. стали временем начала разворота капитализма: на смену прежним формам отношений идет новая — неомеркантилизм. Протекционизм реабилитирован как понятие и широко возвращается в практику. Противоречия между центрами накопления обрекают капитал принимать ту или иную родину, в новых центрах капитализма государство при этом стремится консолидировать общество, в старых — расщепить его еще более, чтобы ослабить его сопротивление. В обоих случаях рабочий класс

стремится к улучшению материального положения и открытию новых перспектив. Однако на момент приближения финальной стадии большого кризиса, продолжавшегося до того уже около десяти лет, в случае новых центров это породило патриотическую консолидацию с неосознанно левыми требованиями, тогда как в случае старых центров — волны оппозиционного нового социал-демократического движения. К 2020 году они нигде в старых центрах капитализма не сумели привести к власти новых управленцев. Патриотическая консолидация (в России вызванная событиями на Украине) также сходу не привела к воссозданию развитого социального государства, хотя и повлияла на власти. Но ее метания были еще в 2018—2019 гг. так сильны, что неолиберальные чиновники и бизнес отнюдь не считали себя проигравшими и продавливали свои реформы.

В Китае новая реальность побудила к созданию пенсионной системы, в России — к появлению материнского капитала, программы дающей семьям значительные субсидии на покупку жилья. Значение имели и президентские выборы 2017 г. Они показали смещение общественной повестки дня влево и невозможность смещения ее вправо сверху, на что рассчитывали либералы.

Власти некоторых новых центров капитализма увидели возможность опереться на общество в реализации своей стратегии. Оно, в свой черед, показало собственный буржуазный консерватизм, потребительскую неудовлетворенность, но также и возможность по мере развития экономики дозреть до более развитого политического сознания и поставить вопрос о реальной республиканской форме правления, изменении распределения и национализации части производств. На позднем же этапе мирового кризиса оно готово принять выгодные ему буржуазно-патриотические изменения сверху. Вопрос лишь в том, что «верхи» не вполне сознают: отказ от удовлетворения запросов рабочего класса несет большую опасность, чем все усилия внешних противников. Поставленные кризисом задачи не были решены в 2016—2018 гг. Требовалась третья волна мирового кризиса, чтобы окончательно внести изменения в повестку дня правительств и народов. Эта новая волна кризиса

является логичной для большого кризиса, чья работа еще до конца не выполнена, а только отсрочена.

Эпицентром третьей волны может оказаться Китай или США, где пузырь на рынке ценных бумаг в 2018 г. поставил новый рекорд. Серьезное экономическое падение возможно в Европе, Японии, Австралии и Новой Зеландии. Предвестники новой волны — проблемы в «развивающихся экономиках» среднего и малого размера начали накапливаться в 2017—2018 гг. Здесь одним из источников ослабления валют и обнищания населения стал новый рост мировых цен на нефть, поднимавшихся в октябре 2018 г. выше 85 дол. за баррель. После короткой коррекции рост цен на сырье возобновился в первой половине 2019 г. Последовала очередная волна ослабления валют «развивающихся экономик».

Новый спекулятивный бум на сырьевом рынке в такой ситуации грозил новым обвалом, как не раз происходило с 2008 г. Серьезное падение цен на сырье едва ли могло отделиться от обвала на фондовом рынке и роста проблем в китайской индустрии. В итоге в разной форме должны были пострадать все рынки, что запускало механизм дальнейших политических перемен, ускоряло становление новой экономической стратегии, а с ней приход новой экономической эпохи.

Кризис отступил на стартовые позиции, так в книге «Кризис глобального капитализма» автор охарактеризовал ситуацию в мировой экономике после первой волны кризиса (2008—2009)¹. Подобное положение сложилось и в 2016—2019 гг. Кризис также откатился на стартовые позиции, оставив после себя больше разрушений, чем по итогам прежних своих ударов. Но разрушения эти больше имелись за пределами старого центра капитализма, что делало возможными перемены именно в этой, кажущейся навечно застывшей в статусе периферии и полупериферии зоне. Возможно, в силу этого здесь легче было сформулировать принципы новой необходимой экономической политики.

В докладе «Победить третью волну: почему протекционизм, социальное

государство и регулирование выведут нас из кризиса», подготовленном в 2017 г., подчеркивалось: экономическая стратегия нового времени должна включать «протекционизм в отношении местных производителей, регулирование и возрождение социального государства». Без соединения этих частей невозможно добиться победы над кризисом. Нами подчеркивалось, что протекционизм выступает центральным компонентом новой политики в экономике, без которого невозможно оформить новую стратегию². Коллеги, Руслан Дзарасов и Дмитрий Заворотный, в выступлениях неоднократно выделяли и другие составные: регулирование и социальное государство. Все это соединял приоритет национального рынка, который на первом этапе перехода к новой меркантильной политике мог оцениваться всего лишь как база для прорыва на мировой рынок. В дальнейшем значение его должно было возрасть.

Доклад 2017 г. подверг критике неолиберальную антикризисную политику. Взамен, не называя этого слова, предлагался неомеркантильный курс левого толка. В рамках работы над ним подготовлена следующая таблица, где необходимая политика была кратко изложена и обоснована (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Глубокий неомеркантильный антикризисный подход

Как предлагают действовать экономисты школы регулирования и социального государства?	Почему это сработает?
1. Общее повышение роли государства в экономике. Усиление и расширение регулирования. 2. Смена ориентации с внешнего рынка на развитие внутреннего рынка и собственного	1. Усиление потребительского спроса улучшит продажи на рынке. 2. Оживление торговли и крупные государственные

² Победить третью волну: почему протекционизм, социальное государство и регулирование выведут нас из кризиса: доклад Лаборатории международной политической экономии кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического института им. Г.В. Плеханова, 10 мая 2017 г.

<p>производства.</p> <p>3. Возврат государству механизма денежной эмиссии, подчинение центрального банка правительству.</p> <p>4. Осуществление денежной эмиссии на инвестиционные программы.</p> <p>5. Увеличение государственных расходов для генерации роста экономики.</p> <p>6. Государственное стимулирование жилищного и инфраструктурного строительства.</p> <p>7. Стимулирование спроса и занятости с помощью развития социальной сферы государства, системы образования и науки.</p> <p>8. Протекционизм, начиная с выхода из ВТО.</p> <p>9. Территориальное расширение рынка, развитие Таможенного союза на базе политики защищенного высокими тарифами рынка.</p> <p>10. Рыночное планирование: разработка системы мероприятий на семи-, восьмилетний период по обеспечению роста и развития экономики.</p> <p>11. Понижение допустимого законом ссудного процента до уровня в 7%. Удешевление кредита для предприятий и население.</p> <p>12. Контроль над ценообразованием: ограничение торговой надбавки и транспортных тарифов.</p> <p>13. Прогрессивная шкала налогообложения и</p>	<p>программы капиталовложений сделают выгодными частные инвестиции.</p> <p>3. Рост экономики будет поддержан протекционистской политикой, нацеленной на массовое и быстрое замещение импорта.</p> <p>4. Сконцентрировав ресурсы, государство сможет смелее тратить, расширяя внутренний рынок.</p> <p>5. Территориальное расширение внутреннего рынка поддержит рост.</p> <p>6. Рост промышленности и сельского хозяйства создаст новые рабочие места во всех сферах, включая торговлю и транспорт.</p> <p>7. Развитие социальной системы, включая набор нового персонала в школы и детские сады, даст экономике больше потребителей.</p> <p>8. Развитие науки и образование, базирующееся на щедром госфинансировании учреждений этого профиля, облегчит реиндустриализацию</p>
--	--

отмена налогов на заработную плату ниже определенного уровня.	и восстановление внутреннего рынка.
14.Расширение социальных гарантий и трудовых прав. Экономика «дорогого труда»	9.Прогрессивные налоги позволят реализовывать более смелую и справедливую бюджетную политику.
	10.Удешевление кредита снимет излишнюю нагрузку с предприятий и населения.
	11.Отмена налогов для большинства наемных работников приведет к росту их реальных доходов

О вызревании Третьей волны мирового кризиса более всего говорили показатели фондового рынка США. В момент президентских выборов они достигли очередного пика. Создавались предпосылки для более сильного биржевого падения, чем произошло в 2008 г. Третья волна могла сильнее ударить по старым центрам капитализма, почти не пострадавшим от «второго издания» кризиса. В табл. 10.2 представлены данные на 2016 г. Во второй половине 2018 г. многие индексы поднялись еще выше. Так S&P 500 в сентябре добрался до уровня в 2927. Даже упав в октябре в район 2700—2800, он был сильно выше уровня 2016 г. Еще круче возрос NASDAQ. В 2018 году индекс поднимался выше 8100. Dow DJIA бил новые рекорды: 26 800 — такого уровня он достиг 3 октября. За два года пузырь на фондовом рынке активно надувался, не будучи обоснованным ростом эффективности американских компаний. Правительственный долг США при этом возрос с 20 до 21,5 трлн дол., чем и был оплачен рост федеральных бюджетных расходов, фактически обеспечив этим номинальное увеличение ВВП. Потому 11 октября 2018 г. падение на бирже вызвало огромную тревогу и породило ожидание продолжительного и

глубокого биржевого падения. Рыночное оживление 2019 г. не сняло в мире ощущения тревоги.

Таблица 10.2

Значение некоторых биржевых индексов США в момент предкризисного пика, во время наибольшего падения в месяцы первой волны кризиса и к моменту окончания президентской предвыборной кампании в США (данные приводятся округленно, по итогам дневных торгов)

Биржевой индекс	Предкризисный пик (октябрь 2007 г.)	Минимальное значение в Первую волну кризиса (2009)	Значение на 26 октября 2016 г.
Промышленный индекс Доу — Джонса (Dow DJIA)	13 877	7 235	18 210
Автоматизированные котировки Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам (NASDAQ)	2 786	1 431	5 261
Индекс 500 акционерных компаний, имеющих наибольшую капитализацию (S&P 500)	1 549	735	2 139
Нью-Йоркская	2 530	1 332	2 234

фондовая биржа и Американская фондовая биржа, составной показатель: NYSE AMEX Composite (XAX)			(2 789 — «посткризисный» максимум был зафиксирован 1 июня 2014 г.)
---	--	--	--

Источник. Победить третью волну: почему протекционизм, социальное государство и регулирование выведут нас из кризиса: доклад Лаборатории международной политической экономии кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического института им. Г.В. Плеханова, 10 мая 2017 г.

Большую часть эпохи глобального кризиса США оставались центром мировой экономики, центром накопления капитала, финансовой деятельности и координирования международной политики, включая и экономическую сферу. Они также вплоть до избрания президентом Трампа оставались центром идеологии неолиберализма. Неолиберальная политика обеспечила рост мировой экономики в 1982—2007 гг., но ее возможности были исчерпаны уже к 2014 г. Дзарасов писал: «Неолиберализм — это идеология современных правящих классов Запада, обосновывающая свое доминирование в мире «моральным превосходством» их системы ценностей. ...Это не что иное, как перерождение классического либерализма в свою противоположность»¹. По этой причине неолиберализм как подход не мог продемонстрировать достаточной практической гибкости для преодоления мирового экономического кризиса. Гибкость могла быть достигнута лишь отказом от неолиберализма, что первым объявил Трамп и что первыми начали ощущать в экономиках полупериферии.

Условный Запад сохранил приверженность к экспортной модели неолиберализма, в чем и состояла стратегия Трампа 2016—2019 гг. Факт этот,

¹ Дзарасов Р.С., Кагарлицкий Б.Ю., Очкина А.В. Неолиберализм и Россия // Политэкономия кризиса. От неолиберальной экономической модели к новому социальному государству. М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. С. 41—42.

наряду с постепенным сдвигом в ряде центров полупериферии прошлой эпохи к неомеркантилизму, обострил противоречия между государствами: новыми промышленными центрами и старыми лидерами капитализма. Завершив очередную повышательную волну развития, капитализм словно бы вернулся к уже известному конфликту между старыми и новыми индустриальными государствами. Это случилось на новом витке развития, которое обеспечит расширение центра мировой системы в эпоху повышательной волны. Этому, вероятно, поможет девальвация фунта, евро и доллара, что может случиться на финальной стадии мирового кризиса, когда его последняя волна будет завершена и новые центры уверенно начнут выходить на новый экономический подъем. Возможно, его первоначальная энергетическая база останется углеводородной, что даст преимущества новым центрам на старте новой волны. Сам же капитализм никуда не исчезнет, не сменится «новой формацией», а продолжит движение к историческому пределу.

В 2020—2045 годы индустриальные технологии будут стремительно развиваться. Транспорт и иные коммуникации охватят огромные новые пространства, обеспечив более тесную связь территорий в Евразии, Африки и других континентов. Транспортные средства постепенно почти все перейдут на автоматическое управление. Распространение, вероятно, получат гибридные дирижабли и другие новейшие воздушные средства, улучшится общественный транспорт. Технология 3D-печати получит широкое распространение, что и в бытовом плане изменит жизнь людей, ограничив их потребность в покупке части предметов. Прогресс информационных технологий в 1970—2020 гг. обеспечит базу новых отраслей и модернизации традиционных. Масштабы хозяйственного развития и момент его старта будут зависеть от времени перехода тех или иных регионов планеты к новой политике. В ряде стран этот процесс может задержаться, но он должен будет начаться, пусть даже этому будет предшествовать жестокая политическая борьба. В целом же в мировом масштабе индустрия поднимется на более высокий уровень автоматизации. Спрос на низкоквалифицированную рабочую силу уменьшится, а потребность в

технически грамотном работнике возрастет, что потребует изменения системы среднего и высшего обучения. Ренессанс робототехники времен большого кризиса перейдет в ее фронтальное наступление, которое будет лишь отчасти сдерживаться до некоторых пор дороговизной энергии.

Развитие не будет бескризисным. Однако новый большой экономический кризис придет, вероятно, примерно через два с половиной десятилетия быстрого роста. Он будет связан с недостатком потребительского спроса в условиях произошедшего перевооружения производства и сокращения спроса на рабочую силу, а также недостаточностью мер властей по созданию дополнительных рабочих мест. То будет кризис «второго издания» кейнсианства с явными признаками смертельного кризиса многих зон рыночной экономики. К этому моменту в энергетике произойдет невиданный прорыв, что поставит вопрос о другой организации не только экономического управления, но и всего общества. Корпоративный капитализм и его коммерческие структуры в результате могут столкнуться с невиданной прежде оппозицией, а также и атакой. Призрак коммунизма примет натуральные черты. Как все это повлияет на судьбу капитализма, речь пойдет в финальной части книги, так как, не коснувшись революций буржуазной формационной эпохи, невозможно ответить на вопрос об условиях, форме и моменте ее завершения.

Краткое обобщение. Новый большой кризис начался в 2008 г.; борьба с его проявлениями привела к затягиванию трансформации капитализма, как это было и в 1970-е гг., но в результате второй волны кризиса 2013—2016 гг. поворот наступил; кризис обострил противоречия между старыми центрами капитализма и новыми монополистическими экономиками, где господствовал производственный капитал; конфликт выразил исчерпание возможностей глобализации и необходимость новой экономической практики, в которой интересы национального рынка стояли бы на первом месте — неолиберализм начал уступать место неомеркантилизму с его протекционизмом и усилением государства.

Часть II. Великие модернизационные революции

Глава 1. Великая русская революция и теоретические блуждания левых *(134-148 стр. в бумажной версии книги)*

В 2017 году в реставрационной России вспомнили о столетнем юбилее Революции. Власти не устраивали торжеств, но в обществе активизировалась дискуссия о том, что же это было? Официальная версия событий была проста: заговорщики сбили страну с пути накануне победы в войне и на пике развития (в очередной раз вспоминались экономические успехи 1913 г.), но оказались способны грубыми мерами обеспечить ее развитие, удерживая контроль лишь временно, чтобы в 1991 г. все не вернулось к прежнему, естественному состоянию дел. Якобы искусственный эксперимент над страной завершился, рынок победил план, культурная традиция взяла верх над «коммунистической химерой». Но в споре с оппонентами приверженцы такого понимания истории выглядели крайне слабо. Они явно находились в конфликте с фактами, одним из которых было участие народных масс в революции.

Великая русская революция не менее реальный факт творимой народными массами истории, чем Великая французская революция. Они заслужили свое «великая» глубиной и широтой перемен, коснувшихся многих стран. Однако Русская революция должна была, по мнению коммунистических лидеров, совершить нечто большее. Она должна была закончить историю капитализма. Это как минимум должно было произойти в странах с индустриальной экономикой, что дало бы пример более отсталым областям мира и потянуло их за собой. То не были представления одних лишь русских большевиков. В 1882 году Фридрих Энгельс так описывал Карлу Каутскому ситуацию после пролетарской революции: «У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что получившиеся страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности». Энгельс продолжает: «Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая

этим своей собственной победы»¹. В реальности революция в России не только дала пример угнетенным отсталых территорий, но должна была навязывать прогресс. В этом состояла и роль Французской революции, хотя ее никто никогда, кажется, не называл социалистической или пролетарской.

Энгельс не мог знать того, как развернется ожидаемый им революционный процесс. Но он был убежден в его неотвратимом приближении, хотя в том же письма Каутскому, когда речь шла о конкретном вопросе, сквозили трезвые ноты: «...Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»². Развив эту мысль, можно было поставить вопрос о том, не является ли рабочий класс национальным и не буржуазный ли он по своим ценностям и ориентирам? Рабочие разных стран имели общую материальную задачу, стремились превратиться из неимущего класса в имущий. Но это превращение, случившееся во второй половине XX в., лишь усилило их национальное чувство. Энгельс не мог видеть его в максимально зрелой на тот момент форме в Англии, стране наиболее развитого на тот момент промышленного капитализма. И все-таки его вера в великую роль рабочего класса была обоснована, но логические построения были не верны. Ведь на его собственном английском примере можно было сделать выводы об имеющем потенциал единстве интересов взятого в целом рабочего класса и крупного капитала в форме государства. Это наблюдение как минимум требовалось включить в схему революции. Именно этот фактор обеспечил Великой русской революции долгое одиночество. Многим революционерам вера в мировую революцию в условиях соперничества государств стоила жизни.

Ортодоксальный (советский) марксизм сохранил приверженность точке

1 Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 6. М. : Политическая литература, 1987. С. 498—499.

2 Там же. С. 498.

зрения, что капитализм выработал свой ресурс. После разгрома сторонников перманентной революции было принято считать: в 1917 г. произошла первая социалистическая революция. Она, как полагают сторонники этого взгляда, создала условия для развития новой системы общественных отношений — новой социально экономической формации. Однако дальнейшие события привели к саморазрушению «социалистической системы». Мировой революции, как ее понимали троцкисты, тоже не последовало. В СССР и других странах «реального социализма» рабочий класс поддержал реставрацию широких рыночных отношений и явно не достаточно препятствовал возврату частной собственности на средство производства, несмотря на утрату многочисленных социальных завоеваний. События эти трактовались как восстановление капитализма.

Коммунистические партии рассыпались. В России партийно-хозяйственная номенклатура превратилась в класс новых собственников. Она создала транснациональные корпорации, банки, торговые сети и крупные товарные производства в сельском хозяйстве. Еще более успешной для инициаторов оказалась реставрация в Китае. Высокотехнологичное производство и наука не были здесь принесены в жертву ради успешной сырьевой торговли на мировом рынке как в ряде стран бывшего СССР.

С точки зрения ортодоксальных коммунистов, все это является лишь временной неудачей социализма. Она была вызвана предательством вождей (подкупленных или иначе соблазненных капиталом), отсутствием демократии, а также непродуманными действиями руководства СССР. В числе ошибок принято называть чрезмерные инвестиции в военное производство и недостаток потребительских товаров, международные авантюры (война в Афганистане), излишнюю расслабленность спецслужб и т.п. Более интересно звучит версия, что перестройка и все последующее стало результатом неудачной попытки части советского руководства мягко встроиться в западный мир (как минимум европейский) и в процессе реставрировать рынок, чему помогал КГБ во главе с

Юрием Андроповым¹. В последнем утверждении есть немалая доля истины, но нет объяснения природы этого стремления в стране «развитого социализма».

Среди прочего делается упрек советской бюрократии в том, что она отстранила рабочий класс от управления, подавила демократию. Эти обвинения «реальному социализму» чаще всего произносят троцкисты. Они в большой мере справедливы. Но это не отменяет того, что рабочий класс в СССР и других «социалистических странах» легко передавал управление производством и государством бюрократии, а в годы перестройки в СССР так и не предпринял серьезной попытки восстановить свою власть. Это вполне объяснимо. Развитие производительных сил и возможных на их основе отношений не дало в XX в. достаточной основы для того, чтобы рабочий класс стал классом, который может и готов (внутренне заинтересован) участвовать в управлении производством. В плановой же экономике у управленческого слоя при всем его принятии коммунистической идеологии не было нужды оглядываться в больших решениях на мнение обычного рабочего. Стоит учесть и то, что новый массовый пролетариат являлся большей частью выходцем из деревни, был плохо образован, не имел опыта классовой борьбы и солидарности. Впрочем, это не помешало ему активно включиться в процесс «социалистического строительства».

Реставрация частной собственности и широких рыночных отношений в странах «реального социализма» в 1980—1990-х гг. не оценивается зачастую как противоречащая правилам истории в понимании ортодоксальной марксистской науки. Между тем всякий переход к новому общественно-экономическому порядку должен носить необратимый характер, если только верно положение о поступательном развитии. Выведение СССР и других «социалистических стран» за рамки капитализма — вот в чем ошибка. Как бы ни настаивали советские марксисты, «реальный социализм» не создавал никакой новой экономической формации, хотя и давал новые формы. Он не сменял и формационной эпохи. Революции XX в. также не имели шанса сделать

это. Они могли ломать архаичные уклад в деревне, придавливать капиталистические отношения в городе и даже объявлять их уничтоженными, передавать государству промышленность, торговлю и землю, но это не выводило общество за рамки капитализма. Он существовал как формационная эпоха, а не как следствие наличия буржуазного класса. Уничтожение такого класса и установление плановой экономики не означало установления ни «основ социализма», ни «социализма в основном», ни «развитого социализма». И все же революционный прорыв в нематериальной сфере выводил общество за пределы возможного при капитализме, но то было лишь прикосновение к горизонту.

Капиталистическая формационная эпоха представляет такой отрезок времени, на котором происходит развитие капиталистического способа производства, но существуют и даже развиваются адаптированные к буржуазным отношениям другие уклады. Феодальная эксплуатация оказывается крайне важной для торгового капитализма. В колониях рабский труд применяется вполне в духе античности, с разделением труда и пошаговым контролем. В результате на определенном этапе и для определенных товаров (зерно, лен и изготовленная из него пенька, сахарный тростник) зависимый работник отлично походит. Но там, где развивается городское производство и городской рынок, ранее всего возникает и потребность в свободном труде для сельского хозяйства и освобождение работника. Класс собственников земли выступает противником такого развития событий, имея политическую власть, он также сдерживает развитие капитализма в городе. Так становятся возможными первые буржуазные революции. Суть их не только в удовлетворении запросов буржуазии, но и в развитии форм отношений, организации производства и обмена, необходимых для развития капитализма. Эта логика предполагает и переходные этапы, когда процесс создания новых форм может быть принят за сами новые формы.

Социалистический уклад виделся сторонникам советского марксизма в том, что в руки государства перешли заводы, транспорт, связь и банки. Имелись

совхозы, предприятия с более близким к промышленности типом организации производства, чем колхозы. Колхозы, будучи формально кооперативами, интегрированными в плановое хозяйство, также попадали в социалистический уклад. Социалистическим уклад провозглашался в силу декларируемого отсутствия в нем эксплуатации человека человеком (наемного труда), погони за прибылью. Государство как управляющий общенародной собственности, вроде бы, не могло быть названо человеком. Однако прибавочный продукт создавался в «социалистическом укладе» по тем же законам, что и в капиталистических странах. Эксплуатация рабочего класса имела место, ибо результаты его труда присваивались государством. Правда, оно сглаживало этот процесс, проводя политику модернизации страны, а также расширяя свою социальную деятельность. Последнее не всегда имело место без давления снизу.

Советской бюрократии было удобно поддерживать веру в социалистический уклад. Она не впадала в разоблачительную тупость, подобно руководству Северной Кореи, объявившему труд на благо родины свободным. Общество в СССР нуждалось во все более качественном описании «социализма», иначе оно потеряло бы в него веру, так как прекрасно знало о росте потребления в «загнивающих капиталистических странах» и собственных неудовлетворенных запросах. Игра с понятиями и аргументами закончилась крахом идеи «развитого социализма». Оппортунизм рабочего класса на постсоветском пространстве оказал сильное моральное воздействие на левых активистов, пытавшихся поднять его на борьбу за сохранение якобы навсегда победившего социалистического уклада.

Последовали трагические события: в 1993 г. российский президент Борис Ельцин расстрелял из танков Совет народных депутатов и отменил демократическую конституцию, фактически устранив парламентскую власть. После, уже в «нулевую эпоху» первых лет правления Владимира Путина, была предпринята попытка активизировать рабочие массы и обновить коммунистические партии, а затем создать левую партию. Дискуссия о создании такой партии происходила в 2005—2007 гг. Материалы ее были опубликованы

Институтом нового общества спустя почти 12 лет, но сама кампания успеха не имела¹. Добиться создания массовой политической организации, способной представлять интересы рабочего класса в их традиционном левом понимании, не получилось и в других постсоветских странах. Масса трудящихся оставалась безразличной к этим попыткам вне зависимости от их умеренности или радикализма. Она также безразлично отнеслась к ужесточению политической системы, разочаровывая левых активистов и деморализуя их. К 2017 году в России рассыпались или превратились в крайне малочисленные секты почти все структуры. Этому не помешал ни экономический кризис, ни протестная волна 2011—2012 гг. в столице. Только наследница КПСС — КПРФ, Коммунистическая партия Геннадия Зюганова сумела адаптироваться к условиям, эксплуатируя свою «торговую марку» в блоке с региональным средним капиталом. Вся левая критика КПРФ скорее сработала во благо этой партии, успокоив обывателя, опасавшегося серьезной красной партии, но охотно голосующего за системных символических коммунистов. В самой партии в эпоху глобального кризиса прекратили националистические идейные маневры и принялись спокойно эксплуатировать красный образ.

Мировой кризис не сразу повлиял на политику в России. Лишь его вторая волна в 2014—2016 гг. показала, что мир изменился и правящие круги страны не могут рассчитывать на дружелюбие держав Запада. В кризисе оказалась вся модель экономических отношений с ЕС и США. Российский капитализм должен был или деградировать под давлением «западных партнеров», чтобы помочь им решать свои финансовые проблемы, выполняя указания иностранных советников, как в 1990-е гг., или искать путь более самостоятельного развития. Последовало смещение экономической политики к новому меркантилизму. Это создало ранее невиданную протопартийную реальность. Кроме оппозиционеров из прозападной либеральной когорты и левых максималистов-фантазеров, можно было выделить четыре условных (местами смыкающихся) протопартии:

1) крупного производственного капитала, расширяющего свои инвестиционные проекты в России и получающего опеку высшей бюрократии, отчасти принуждающей его к новым порядкам;

2) среднего промышленного капитала, который борется за дешевый кредит и заказы, защиту от конкурентов и кое-чего добился к 2019 г. (например, рост выпуска комбайнов);

3) региональных бизнес-бюрократов, самых радикальных по социальной риторике, но с задачей монопольного использования ресурсов своих областей (в борьбе с этой средой Кремль менял губернаторов с 2016 г.);

4) маленького человека — потребителя, работника, самозанятого и мелкого предпринимателя. Последняя партия являлась особенно условной, будучи также наследником советского рабочего класса, но имея буржуазные ценности и задачи. Она представляет тот фундамент, еще малосознательный и зыбкий, на котором вырастут новые структуры, если только они будут учитывать и ее патриотические ценности, проявившиеся с 2014 г. И то, что на момент 2019 г. как подлинные силы выделялись лишь две партии — высшей бюрократии (с опорой на производственный капитал) и прозападной неолиберальной оппозиции (с опорой на финансистов), не должно вводить в заблуждение относительно перспективы.

Всему этому, как можно ожидать, поспособствуют неомеркантильные изменения в экономике России. Этот термин описывает новую логику развития производства, для которой характерно расширение выпуска продукции только там, где возможна и достигается прибыль, — процесс не движется ради прогресса или благополучия народа; появление предприятий обрабатывающей промышленности по логике, обычной для капитализма, — движение от базовой переработки сырья к более сложным продуктам, а не плановое создание наиболее передовых отраслей при упреждающем формировании промышленного машиностроения (как это было в СССР).

В 2014—2018 годах переработка энергоресурсов в России постепенно нарастала. На изменения указывали результаты торговли 2018 г.: несырьевой

энергетический экспорт вырос на 11,6%. Однако и промышленный экспорт в целом увеличился на 10,2%. Это соответствовало 125 млрд дол. При такой динамике через шесть-семь лет доля не сырьевого экспорта имела шанс удвоиться. Согласно национальному проекту «Международная кооперация и экспорт» прогнозировалось увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров до конца 2024 г. на 85%. Это должно составить 250 млрд дол. по курсу и мировым ценам 2018 г., что означает удвоение выручки¹.

Все это стало результатом осознания неустойчивости сырьевых цен и невыгодности переуступки прибыли от переработки российского сырья другим странам. После девальвации рубля 2014—2016 гг. переработка стала более рентабельной, а политика государства — более протекционистской, что нашло отражение в динамике пуска промышленных предприятий. В 2017 году было открыто 164 фабрики. В 2018 году появилось 215 новых фабрик. Ежегодные инвестиции в новую промышленность при этом составляли примерно 210 млрд руб. Лидировали по пускам машиностроение и металлообработка (71 завод). Еще 30 предприятий относились к химической промышленности, а 38 — к строительным материалам и ремонту². Могла ли эта статистика перекрыть три десятилетия потерь индустриальных предприятий, которые продолжали закрываться и во время оживления 2016—2019 гг.? Потери измерялись тысячами производств, нередко крупных и обеспечивавших полную локализацию. Пресса не боялась давать заголовки со словами про закрытие за 25 лет «80 тысяч заводов и фабрик»³. Понесенные после распада СССР потери были огромны. Однако это не отменяло запуска нового роста в новых глобальных экономических и политических условиях.

В 2018 году Россия удерживала второе место по объему экспорта обычных вооружений. На ее долю приходилось 16,4% от общемировых поставок, что

1 Несырьевой энергетический экспорт из России в 2018 году вырос на 11,6%. URL : <http://ru-good.ru/page/nesyrevoj-energeticheskij-eksport-iz-rossii>

2 Итоги 2018 года: в России открылось 215 новых производств. URL : <http://ru-good.ru/page/itogi-2018-goda-v-rossii-otkrylos-215-novyh-proizvodstv>

3 За 25 лет в России закрыты около 80 тысяч заводов и фабрик. URL : <https://newizv.ru/news/economy/20-01-2019/za-25-let-v-rossii-zakryty-okolo-80-tysyach-zavodov-i-fabrik>

соответствовало 14,580 млрд дол.¹ Слабый внутренний спрос сдерживал рост производства в 2016—2018 гг. как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но инвестиции в аграрный сектор увеличивались. Возросли урожаи зерновых. Не без помощи государства увеличился вывоз пшеницы и другой продукции сельского хозяйства. Эта роль государства была ощутима в экономике в целом, что вызывало сетования сторонников «свободного рынка» или упреки тех, кто хотел бы видеть кейнсианское возрождение в форме методично регулируемого национального рынка и социального демократизма в политике. Новая меркантильная практика не вела к разрыву с неолиберальными подходами во всем; она была нацелена на использование слабостей прежде индустриально сильного мирового центра. Потому неолиберализм с его ставкой на усиление эксплуатации рабочего класса не мог быть отброшен в один момент, а должен был вытесняться постепенно, по мере вызревания нового курса и роста значения внутреннего массового потребления.

Пришествие неомеркантилизма в экономику большинством российских левых к 2020 г. замечено не было. Они не осознавали, что вторая волна глобального кризиса (2013—2016) привела к запуску изменений сверху, так как «низы» в момент переломного обострения кризиса упустили свой шанс. Но был ли он значительным, учитывая продолжительное деструктивное влияние неолиберализма на массы трудящихся — их сознание, структуры, способность к солидарности и сопротивлению?

В эпоху до потрясений 2008 г. ослабление левых происходило и на Западе, где поднялась и сошла волна антиглобалистского движения. В целом же в мировом масштабе левые пребывали в трех состояниях: догматизм, либерализм и поиск.

Догматизм является формой защиты от противоречий теории и объективной реальности. Он дает шанс создать массовую организацию даже в современных условиях, если только рабочий класс будет достаточно активен.

1 Рейтинг стран — экспортеров вооружений по объемам экспорта ВиВТ по итогам 2018 года и за период 2015—2018 гг. URL : https://vpk.name/news/239400_reiting_straneksporterov_vooruzhenii_po_obemam_eksporta_vivt_po_itogam_2018_goda_i_za_period_20152018_gg.html

Беда в том, что такая организация может решать некоторые задачи защиты интересов класса, но не знает, куда же его вести, поскольку ее карты не верны, и об этом руководство втайне всегда догадывается. Ей также не доверяют средние слои, которые опасаются, что советская модель или «чистая рабочая демократия» отбросят их назад по уровню достатка, а заодно ограничат свободу повседневной жизни. Популярный в Северной Америке и Европе левый либерализм является адаптацией к неолиберализму. А неолиберализм в 2008—2019 гг. не был сокрушен на Западе, где власть оставалась в руках финансового капитала. Левые либералы принимали неолиберализм как окончательно и бесповоротно победившая реальность, как путь экономического развития, по которому гонят общество, и свернуть тому некуда. Дело левых в этой реальности — собирать группы и решать культурные или местные задачи в большой политике, всякий раз выбирая «меньшее зло» и подыгрывая неолибералам во власти. Причем каждый выбор «меньшего зла» оборачивается для трудящихся масс ухудшением материального положения, потерей прав и свобод. Можно считать случайным отступление Берни Сандерса на выборах в США 2016 г. Но его отказ от борьбы за место кандидата в президенты от Демократической партии и принятие сделки левых либералов с правыми либералами этой партии выражает ощущение растерянности, непонимание, как и куда, следует направлять исторический процесс. Такое же отсутствие карт стало причиной растерянности лидера британских лейбористов Джереми Корбина в момент референдума о членстве страны в ЕС (2016). Не больше понимания возможностей истории показал левый кандидат на президентских выборах во Франции 2017 г. Жан-Люк Меланшон. Говоря о ЕС, он часто использовал такие слова, как «либо» и «если», тогда как следовало предложить обществу реально возможную линию преобразований. Но как же понять в чем она состоит? Как понять, что выгодно массам и возможно одновременно? Как вообще понять логику исторического процесса, если страх вызывает сама мысль о крахе глобального неолиберального порядка под ударами кризиса?

Левые третьего состояния более интересны. Они приняли события

последних 100 лет и пытаются понять причины побед или неудач рабочего движения, созданных благодаря ему государств и партий, а также (это наиболее важно!) выявить и ликвидировать слабости теории и анализа. Однако для этого необходимо освободиться от давления либеральных дискурсов или традиционных догматов, нужно отказаться от дискуссий в этих областях и сосредоточиться на изучении фактов. Парадоксально, но в России в два первых десятилетия XXI в. это оказалось возможным сделать, по всей видимости, легче всего в мире. Без страха попасть под преследование однопартийцев или университетских коллег можно было ставить любые вопросы и давать самые смелые ответы. Можно было работать с любыми источниками и без всяких догматических цепей изучать общественное развитие и кризисы.

Один из важнейших для левых вопросов уже два века звучит одинаково: когда закончится капитализм? Маркс был осторожен в публичных ответах на него. Ленин видел в Первой мировой войне историческую границу для империализма как высшей стадии капиталистического общества. После неудач революционных выступлений на Западе он не мог не осознать, что это был лишь шанс для рабочего класса. Лев Троцкий считал, что шанс этот был не последним и крах капитализма близко. Главное было, чтобы рабочее движение не сбилось с пути. Позднее авторам советских политических учебников пришлось «отыскать» этапы общего кризиса капитализма и на теоретических измышлениях растягивать жизнь империализма, раз капитализм не желал повсеместно сменяться новым более передовым строем. Общим местом для всех сторонников «реального социализма» или его левых критиков было понимание того, что борьба классов — то, что меняет формации и что поставит точку в истории капитализма.

Революции понимались удивительно упрощенно.

Иосиф Сталин в речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. говорил: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации

трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только» продавать крепостных»¹. Советским историкам после этих слов пришлось отыскивать доказательства «революции рабов», каковых не существует: восстания рабов и колонов в III в. выражали кризис хозяйственной и политической системы, усиливали его, но не их борьба привела к новым социально-экономическим формам. Они возникли как ответ господствующих классов на общий кризис. При этом крупные рабовладельцы сенатского сословия и городские капиталисты (сословие всадников) одинаково увидели возможности в эксплуатации прикрепленного к земле работника, не являющегося рабом.

В той же речи 1933 г. Сталин дал пищу для размышлений и советским ученым, занимающимся феодализмом и установлением следующего строя. Естественно, он не вспомнил рассуждения крупнейшего историка-марксиста XX в. и большевика Михаила Покровского о торговом капитализме и дворянской революции, победе буржуазных отношений и товарного производства в сельском хозяйстве при сохранении зависимого крестьянина. Школа Покровского была Сталиным разгромлена. Она не давала простых ответов. А Сталин в своей речи их дал. «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации, — говорил он. — Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть»². Европейские социал-демократы могли бы поспорить с последним утверждением, так как в рамках капитализма боролись за улучшение условий труда и жизни рабочих и в

1 *Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 238.*

2 Там же. С. 238—239.

итоге привели массы к обществу потребления и социальному государству. В теории же революций они не подвинулись.

В первой части книги было показано, как сменяются формационные эпохи. Феодалный строй погиб не под натиском угнетенного и зависимого крестьянства. Кризис XIV в. дает вполне ясную картину того, как это происходило. Все дальнейшее было лишь сохранением экономически полезного феодалного наследия и ликвидация его, когда оно сделалось пережитком и тормозом общественного развития. В разное время для разных стран феодалная форма отношений оказались несовместима с промышленным капитализмом, установившимся после кризиса 1770-х гг. с экономическим центром в Англии. Она долго служила капитализму, пока не стала помехой для него. Аналогичным образом кризис III в. не ликвидировал рабство, а резко понизил его экономическое значение. Рабов же историки находят во Флоренции XIV в. (Пьер Антонетти) или в порту Севилье Испании XVI—XVII вв. (Марселен Дефурно), т.е. далеко не только в колониях Нового Света¹. Крестьянские восстания явились частью кризиса XIV в. Они выражали возмущение сельских «низов» ростом феодалной эксплуатации, но они не уничтожили зависимости массы сельского населения от землевладельца. Зато они помогли землевладельцу измениться: рыцаря во многих случаях сменил городской купец, купивший землю и титул. В Англии то был джентльмен, человек благородных манер с неясным происхождением. Он занял место благородного джентри (англ. *Gentry*), у которого легенда о происхождении была в порядке.

Для города рынок земли был важнее освобождения крестьян. При желании они могли перебраться в город и обрести свободу в его стенах. А вот эффективное рыночное использование земли мог обеспечить только новый тип собственника. Приход его мог быть результатом борьбы разных групп феодалов как дворянская революция против старых бояр в Московии при Иване Грозном.

1 Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М., 2004; Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века. URL : https://royallib.com/book/defurno_marselen/povsednevnyaya_gizn_ispanii_zolotogo_veka.html

Собственник мог и осознать перемены, начав эксплуатировать крестьян даже более сурово, чем во время кризиса XIV в. Так поступила польская шляхта, когда увидела возможности европейского рынка зерна. Такой эксплуататор не желал ходить в домотканой одежде, пользоваться примитивной грубой мебелью и другими предметами быта. Он эксплуатировал крестьян ради денег и тратил эти деньги, становясь любимым клиентом купцов, городских мастеров и лавочников. Дом ему зачастую также нужен был в городе.

Смена феодализма на торговый капитализм произошла в результате глубочайшего хозяйственного кризиса, одного из нескольких великих кризисов в истории. Классовая борьба выражала этот кризис. Она способствовала переменам. Но нельзя сказать, что крестьяне смогли избавиться от феодальной зависимости в результате восстаний. Все важнейшие выступления крестьян были подавлены. Однако землевладельцы в Англии и Франции вынуждены были пойти на уступки эксплуатируемым ими работникам и избавить их от личной зависимости. В Северной Италии и Нидерландах свободный наемный труд в сельском хозяйстве появился не в результате восстаний, а благодаря рыночной выгоде этой передовой формы эксплуатации. К тому же богатые города нуждались в притоке рабочей силы, и это создавало конкуренцию за рабочие руки. Важно и то, что буржуазия Европы создала союз вовсе не с крестьянством, а с дворянами. Это привело к усилению монархии и появлению торговых компаний. Они же сыграли огромную роль в основании европейцами новых территорий, торговых путей, товаров, технических решений и финансовых операций.

В итоге не имевшая место и обострявшаяся борьба классов по вертикали (между эксплуататорами и эксплуатируемыми), а паралич старых хозяйственных форм приводил к их замене в случаях III и XIV в. Прежний господствующий класс не исчезал, а видоизменялся. На востоке Евразии перемена эта даже не всегда была заметна. С одной стороны, трансформации содействовало возмущение угнетенных «низов», с другой — потребность экономических и социальных изменений (всякий раз проводимых сверху), с

третьей — неудачи во внешней политике. Главным же оставался экономический кризис, диктовавший имущим классам свою волю к переменам и реально грозивший их гибелью в случае отказа от необходимых решений. Однако эта гибель не была обязательной. Антагонизм между рабовладельцем и рабом не вел к гибели класса рабовладельцев, а трансформировался в антагонизм между феодалом и зависимым крестьянином, даже если на дворе был всего лишь IV столетие.

Так сменялись формационные эпохи. Механизм этот можно называть революцией, причем революцией, охватывавшей огромные области, даже если новые формы возникали в небольшой части мира. Но то были революции смены формационных эпох, общественно-экономические революции высшего порядка. Революции самые значительные. Революции, имевшие грандиозные последствия. Революции, рождавшие века развития в определенных границах с накоплением условий для новой подобной революции, переворота более высокого уровня. Их детальное изучение даст еще много интересного материала. Из такой революции вышел капитализм в его торговой форме. Его развитие привело к кризису в конце третьей четверти XVIII в., когда случился не политический, но экономический революционный переворот — родился промышленный капитализм. С этого момента все победоносные социальные революции, яркими пятнами выступающие на полотне буржуазной истории, обеспечивали устранение преград для развития промышленности, форсировали ее создание и радикально изменяли под эту задачу общество. Однако то были революции внутри одной формационной эпохи, революции совершенно не такие, какие породили кризисы III и XIV в.

Великая русская революция именовалась многими левыми социалистической. Это была претензия на великую роль — смену формационной эпохи (формации в понимании большевиков). Тот же прицел брали в трактовке Китайской революции, восстаний на Кубе и в других странах. Маркс и Энгельс видели возможный приход социализма в результате пролетарской революции внутри сильного звена капитализма, его развитого

центра; слабое звено в виде отсталых стран не могло дать базу для несущей новые отношения революции. Промышленная отсталость России не позволяла надеяться на великую социалистическую роль ее революции. К тому же, как справедливо подчеркивали троцкистские авторы, классики видели такую революцию как мировое явление. В России второй половины XIX в. виделась возможной буржуазная демократическая революция, но не социалистическая революция в принято тогда ее понимании.

Революция в России должна была укладываться в логику капиталистического развития, дав революциям на Западе опору или устранив для них угрозу внешней реакции. Энгельс так описывал обстановку в немало пострадавшей от кризиса 1870-х гг. стране: «Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговый пресс отказывается служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удастся еще доставать деньги! ...Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть, даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше... Эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции»¹. Он также отмечал во введении к уже процитированной работе «О социальном вопросе в России»: «Существующая ныне Российская империя образует последний сильный оплот всей западноевропейской реакции. ...Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное Российское государство»².

Великая русская революция уложилась в логику капиталистического развития мира. Реставрационная Россия, так раздражающая левых, возникла не вопреки, а благодаря успеху революции. Проблема в том, что для понимания

1 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1—39. Т. 18. 2-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1955—1974. С. 548.

2 Там же. С. 567.

этого факта необходимо было не доскональное изучение событий революции, а нечто совсем иное. Нужен был такой взгляд на революцию, который расширил бы понимание процессов в современном мире, определил бы «точку», в которой находилась Россия два первых десятилетия XXI в., и вскрыл логику революций капиталистической эпохи. Взгляд этот был обеспечен новым методом анализа.

Краткое обобщение. Решение задач великих и больших кризисов, а также переход к понятию «формационная эпоха» в анализе позволяет ответить на вопрос о сути великих модернизационных революций; Великая русская революция есть одна из таких революций, реставрация в ней закономерна; исследовав логику великих революций капиталистической эпохи, можно дать правильный ответ на вопрос о социализме и лучше понять будущее таких государств, как Россия и Китай.

Глава 2. Макроскопирование и нити русской реставрации (148-158 стр. в бумажной версии книги)

Революция 1917 г. никак не противоречила логике глобального развития. Правые напрасно записывали ее в случайности. Она ускорила социально-экономический прогресс во многих странах и обеспечила поддержку революции в Китае. Но она не вела напрямую к установлению качественно новой общественно-экономической системы.

События 1917 г., Гражданская война, концентрация власти у Сталина, репрессии в коммунистической партии и советском обществе, коллективизация и индустриализация изучены историками довольно детально. Вадим Роговин написал исследование в семи томах о борьбе разных политических течений и установлении сталинского режима власти в СССР 1920—1940 гг.¹ Свое видение сталинского «перерождения» представил историк Юрий Жуков. По его оценке,

¹ Роговин В.З. «Троцкизм»: взгляд через годы. Т. 1. М. : Терра, 1992; Роговин В.З. Власть и оппозиции. Т. 2. М. : Товарищество «Журнал „Театр“», 1993; Роговин В.З. Сталинский неонэп. Т. 3. М., 1994; Роговин В.З. 1937. Т. 4. М., 1996; Роговин В.З. Партия расстрелянных. Т. 5. М., 1997; Роговин В.З. Мировая революция и мировая война. Т. 6. М., 1998; Роговин В.З. Конец означает начало. Т. 7. М. : Антидор, 2002.

фактический глава СССР действовал под нажимом обстоятельств и в рамках государственных интересов, включающих блоки с капиталистическими странами, лишь бы только не оказаться один на один с фашистскими державами. Страна входила в Лигу наций и международные блоки, меняла конституцию на более близкую буржуазным демократиям и даже землю передавала колхозам в собственность¹. Сталин и его узкое руководство не шли на поводу у бюрократии, а подчиняли ее своей прагматичной политике. То был поворот вправо после рывка влево во время первой пятилетки (1928—1932). Он должен был создать стабильную систему власти и экономики, сделать бюрократию более зависимой. Все это не столько диктовалось ее запросами, сколько отвечало задаче переоформления строя. В результате же делался шаг не к мировой революции, а к реставрации рынка и собственности. До самих этих событий было еще очень далеко, но шаг делался именно в их сторону.

Практическое сталинское отрицание революционного отрицания и радикализма очень важны. Но часто ли они рассматриваются в контексте Великой русской революции? Не принято ли смотреть на все это как на ее уничтожение и самоуничтожение, а не ее продолжение? Каждый период советской истории изучен уже достаточно хорошо. Историки проделали огромную работу. Проблема лишь в том, что тонкости отдельных событий мало могут помочь в деле выяснения исторической природы этой великой, потрясшей и так сильно изменившей капиталистический мир революции. Исследователи (о доктринерах и циничных исполнителях заказов речь не идет) привыкли приближаться к событиям и изучать их детали, изгибы судеб людей и структур. Они выявляют при этом часто реальные местные причины событий, показывают их последовательность. Так было открыто множество фактов. Однако удаление от большого исторического явления также способно быть методом изучения.

Как есть микроскопирование — приближение к незаметному издали, так может быть и *макроскопирование* (μᾶκρος (макрос) — большой, длинный, гр.).

1 Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2003.

Смысл этого метода в том, чтобы уменьшить большое, удалиться от него и рассмотреть его в связи с другими большими событиями в контексте большого исторического потока. Буржуазное развитие мира является именно таким потоком. В случае Русской революции применение макроскопирования означает рассмотрение ее в контексте перехода от торгового капитализма к промышленному, больших кризисов и длинных экономических волн, Английской, Великой французской и других революций, с выявлением общих этапов и логики этих переворотов.

Революция в России была предопределена еще победой над Наполеоном в 1814 г. Страна сохранила позорное крепостное право, но получила новую таможенную политику. Суть ее состояла в протекции местным производствам. Во время правления Николая I (1825—1855) это привело к подъему в текстильной промышленности и усилению интереса монархии к южным областям, особенно турецким Балканам. Страна имела порочную и сковывавшую ее развитие крепостническую систему, но являлась одним из мировых лидеров. Феодальная зависимость крестьян (даже прикрепление к земле) в эпоху торгового капитализма относительно мало мешала развитию, но после промышленного переворота в конце XVIII в. все резко изменилось. Это сделало неизбежной революцию в Европе.

Спустя более полувека в Санкт-Петербурге полагали себя сильнейшими на континенте. Однако Восточная война 1854—1856 гг. показала, сколь наивным было это представление. Потерпев поражение от Англии и Франции (спасших «больного Европы», Османскую империю от разгрома), в России задумались о реформах, которые бы подвинули страну дальше на пути капиталистического развития. Эти реформы были произведены Александром II (1856—1881 гг. у власти), но в таком виде, что освобожденные без земли крестьяне долгие десятилетия при посредничестве государства выплачивали своим помещикам немалые суммы. Вместе с тем правительство встало на путь свободной торговли, что в условиях повышенных цен на зерно было выгодно крупным землевладельцам. В результате при Александре II промышленность развивалась

медленно, хотя в стране развернулось создание железнодорожной сети. И все же реформ оказалось достаточно, чтобы, используя выгодные обстоятельства, Российская империя разгромила султанскую Турцию в 1878—1879 гг. Однако их требовалось продолжать, а не свертывать.

Так, 1870-е гг. принесли мировой экономический кризис. Русское общество было неудовлетворенно результатами реформ (остановленных на полпути к конституции). Победа в войне не спасла императора от гибели. Он был убит революционерами, что не пошло на пользу прогрессу в стране. Его приемник Александр III пошел по пути дальнейшей реакции. Революция сверху обернулась полуреволюцией, а революционная ситуация 1880—1881 гг. так и не переросла в революцию. Михаил Покровский анализировал консервацию ситуации в деревне, где сохранялась община и атмосфера полной зависимости крестьян от дворянства¹. Сословия не были отменены царем-реформатором; он превратился в реакционера. Зато его преемник вернулся к протекционистской политике. Заградительные пошлины помогли развитию легкой и тяжелой индустрии, а строительство железных дорог (особенно Транссибирской магистрали) дали мощнейшую подпитку индустриальному подъему. При следующем императоре Николае II (1894—1917 гг. правления) все больше «лишних» крестьян прибывало в города, ища работу на промышленных предприятиях.

Мировой кризис 1899—1904 гг. оказался для России чрезвычайно тягостным. Он завершился лишь в 1907 г. В эпоху экономической депрессии Россия потерпела унижительное поражение от Японии (1904). Были разгромлены две русских эскадры, а действия на сухопутном театре военных действий выявили бездарность командования. Правительство Николая действовало жестко в отношении недовольного населения. Оно не постеснялось расстрелять мирную демонстрацию (Кровавое воскресенье 9 января 1905 г.) и тем спровоцировало революцию. В Москве произошло рабочее восстание. Однако, как и в 1880-е гг., власти сумели подавить движение. Уступки с их

стороны были в основном незначительны. Конечно, были отменены откупные платежи, но царизм отказался глотать «горькую пилюлю конституции». Он лишь сделал вид, будто намеревается сделать это. Все это не могло не привести к новой военной катастрофе. Ее породило столкновение с Германией, так как Николай II и его министры самонадеянно полагали себя в силе взять над ней верх еще до конца 1914 г. Германия во многом походила на императорскую Россию своим милитаристским духом и тупым бюрократизмом, но она ушла намного дальше: имела конституцию, и промышленность ее развивалась с 1850—1860-х гг. гораздо активнее.

Германия являлась новым империалистом, который не успел к разделу колоний. Россия успела, получив обширные территории в Средней Азии. Однако она имела на прицеле новые области и доступ к Средиземному морю. Возможно, правительству Николая II казалось, что оно учло опыт борьбы с Японией и переломило настроения в обществе. Но это было не так. Стремясь играть роль одной из ведущих мировых империй, Россия была не в состоянии делать это эффективно. Она была обречена на катастрофу, а значит, должны были найтись силы, способные исправить это положение в перспективе. Отставание от лидеров капиталистического развития (США, Англии, Франции и Германии), архаичность системы власти и отсутствие возможности для трудящихся хотя бы влиять на политику, не говоря уже об отсутствии у них полноценных гражданских прав, — все это вело страну к социальному взрыву. Оказавшись в феврале 1917 г. у власти, русская буржуазия не могла удовлетворить запросов рабочего класса и крестьянства и создать стабильную республиканскую систему. Отсюда возникал страх буржуазных политиков даже перед самым словом «республика».

Борьба рабочего класса и радикальная программа большевиков отражали общее обострение межклассовых противоречий в России. Страна оказалась на острие классовой борьбы в мире: пролетариат во многих странах осознал, что Первая мировая война не только оставила его нищим (об обществе потребления тогда нельзя было и мечтать), но и потребовала от него огромных

жертв в интересах богатого класса. Симпатии мирового пролетариата были явно не на стороне российских белых. Большевики сумели привлечь крестьянство на свою сторону. Это обеспечило им победу в Гражданской войне. Однако это создало и долговременный «мелкобуржуазный феномен» Русской революции, на который сетовали многие коммунисты. Им казалось, что революционный процесс и строительство социализма пошли не так, как нужно, в силу отсталости страны. Они справедливо указывали на то, что огромная масса бывших крестьян влилась в города после коллективизации и размыла рабочий класс. Это усилило позиции советской бюрократии. Но управленческое участие масс и не требовалось для реализации программы модернизации страны. В этом смысле рабоче-крестьянская революция дала начало во многом местному проекту общественного обновления. Отсюда и легкость восприятия массами лозунга о построении социализма в отдельно взятой стране. Сам же этот новый строй также мыслился как некая конструкция, которая может быть возведена плановыми действиями государства.

С 1917 года прошло более века. Этого недостаточно, чтобы сделать окончательные заключения, но о сути революции как длительного процесса уже можно многое сказать. Она очень далеко подвинула русское общество. Так далеко в плане социальных и экономических преобразований прежде не заходила ни одна революция. Но был ли достигнут социализм, о котором мечтали марксисты начала XX в.? Ответ на этот вопрос дали события 1980—1990-х гг. Капитализм реставрировался и был принят населением. Однако социум стал иным, нежели он был до 1917 г. Городская индустриальная страна не вернулась в прежнее положение с началом реставрации, а оказалась в новом состоянии, как это было в случаях английской и французской реставраций. Она должна была прийти в него уже потому, что советская бюрократия двигалась к превращению в класс новых собственников. Сталин едва ли выступал проводником ее интересов. Знакомый с прогнозом Льва Троцкого о реставрации капитализма, анализируя ситуацию, он стрессовал бюрократию, лишал ее спокойной рабочей среды, где могли бы развиваться частнособственнические

чувства¹. Работала на это и война. В 1953—1964 годах СССР пережил новый левый поворот. Затем руль взяли консервативные руководители. Под их «бдительным» оком советское общество ускорило созревание. Не мог не развиваться в среде хозяйственного и партийного начальства интерес к собственности. В этом смысле реставрация была субъективно необходима.

Однако реставрация была закономерна и в другом смысле, в плане объективной необходимости возврата к рыночным отношениям и частной собственности. Позднее советское общество было помешано на накоплении личного имущества, на обладании коврами, относительно редкими сервизами, изделиями из хрусталя, мебелью самого скромного качества. Общество желало многообразного потребления. И здесь оно тяготело к капитализму, стремясь получить супермаркеты, автомобили всевозможных марок, кафе и культуру западного времяпрепровождения. Коммунизм понимался широкими слоями как общество потребления без частной собственности. Когда сторонники реставрации предложили его вместе с частной собственностью, широкие массы приняли это, поскольку все равно были отчуждены от управления производством и всей государственной машиной. Главным было сохранение социальных гарантий, пенсионной системы, бесплатной медицины и образования. Потому партия реставрации осторожно, чтобы не разбудить «спящее общество», демонтировала некоторые социальные завоевания Великой революции.

Президент Путин обрел устойчивую популярность из-за двух факторов: экономического роста, резко увеличившего достаток в обществе, и весьма осмотрительной, даже консервативной социальной политике. Правительство шло по пути неолиберальных реформ, но продвигалось на ощупь, каждый раз стремясь убедиться, что общество отдаст то или иное завоевание без негодования, незаметно. Однако когда Россия пережила вторую волну кризиса, стало понятно, что убирать некоторые права опасно экономически, например, материнский капитал (субсидию гражданам на покупку жилья после рождения

1 *Троцкий Л.Д.* Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? URL : <https://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm>

второго ребенка) и нужны даже дополнительные меры.

Эти выводы были сделаны одновременно с нарастающим протекционизмом в экономической политике, которая делалась все более меркантильной. Они импонировали трудящимся, уставшим от постоянных угроз со стороны экспертов и чиновником неолиберального толка что-либо отнять или отменить. Но были ли они достаточны с точки зрения преодоления кризиса? Скорее они отвечали задаче стабилизации российского рынка после двух волн кризиса. К тому же политика «незаметного» (в форме ночной кражи) изъятия прав и гарантий не была прекращена. В 2018 году она проявилась в попытках тихо провести значительное повышение пенсионного возраста. Один из главных критиков пенсионной реформы депутат Государственной Думы Олег Шеин отмечал: «В 2018 году доля работающих людей в России составляет 55%, спустя 20 лет эта доля будет составлять 54%. То есть разницы практически нет. Мы хорошо знаем, что несильно выросла и продолжительность жизни. По сравнению с Союзом — на три года, однако при этом предлагается поднять пенсионный возраст на 5 и 8 лет»¹. Было очевидно: повышение пенсионного возраста принудит тех, кто занимается внуками, отправиться на работу, что ухудшит положение молодых семей, а люди старшего возраста не станут от этого более привлекательными для работодателей. Реформа создавала угрозу роста безработицы. И хотя многие пенсионеры работали, лишение их пенсий грозило резко ухудшить их материальное положение. Недовольны оказались все. Президент вынужден был прервать молчание и смягчить проект, и так слишком мягкий, по мнению чиновников-либералов. Впрочем, этим не мог быть преодолен кризис подточенной неолиберальными мерами пенсионной системы.

Режим реставрации образца 2018 г. сохранял верность своему идеалу возврата к якобы некогда существовавшему в России чистому капитализму, без социальной системы, без прав для рабочих и политических свобод в обществе. То есть к капитализму, в котором один класс господствует безраздельно над

1 *Шеин О.* О повышении пенсионного возраста и законе о языках. URL : <https://www.idelreal.org/a/29393597.html>

всем обществом, манипулирует им и при этом имеет рост в экономике. Последнее никак не было возможно в реальности, особенно после 2008 г. Зато подковерный конфликт в «верхах» был гарантирован, ибо такой курс сулил русскому капитализму поражение в борьбе со старыми центрами капитализма. Для успеха требовалось двигаться дальше от неолиберальной дикости первой части реставрации к более зрелой модели, предполагающей удовлетворение «низов» не одними только лозунгами.

Великая русская революция увенчалась реставрацией, конец которой не будет означать «восстановление социализма» после «временного отступления». Он не отменит частной собственности, а скорее отразит компромисс между классами явно буржуазного общества. Это не означает, что все новые собственники сохраняют присвоенное имущество — его частичное перераспределение в пользу государства и других собственников вполне возможно в процессе перехода реставрации к более зрелой, патриотической стадии или позднее в ходе преодоления реставрации.

Реставрация имеет политический и экономический уровни. Ее постепенное преодоление на экономическом уровне началось в силу перехода от прежней вполне неолиберальной политики к новой — неомеркантильной. Это означает признание необходимости бороться против США и их союзников, а не вести поиск приемлемых для них уступок. Борьба эта должна вестись прежде всего в экономике, через рост национального производства. Для поощрения его могут применяться любые меры: налоговые льготы, ограничение на вывоз сырья, изъятие предприятий и прозападных собственников при отдаче под суд «людей из 90-х», кража технологий, отказ признания патентов, выданных в недружественных странах, прямая или косвенная свобода копирования, государственные заказы и строительные программы для своих, удаление доллара из расчетов, поощрение инвестиций (особенно иностранных) при ограничении ввоза товаров. Этот перечень может быть продолжен. Очевидно одно: меры такого рода будут создавать иную экономическую и социальную реальность в стране, они будут обеспечивать ее развитие. Последнее крайне

важно, поскольку преодоление реставрации на экономическом уровне подготавливает ее политическое окончание.

Под влиянием второй волны мирового кризиса неолиберальная политика в России пошатнулась. После избрания президентом США Дональда Трампа стало понятно, что мир входит в период демонтажа «Вашингтонского консенсуса» самими его создателями, так как новые центры капитализма слишком усилились за эпоху глобализации. Ни Москва, ни Пекин не сделали из этого вывод, что нужно искать с США генерального сражения. Атакующей стороной оказались не они. Зато государственные администрации России и Китая увидели, что в отличие от американского президента они обладают большей степенью свободы. Их не сдерживает мощный финансовый капитал. Он находится в зависимом положении от фирм в производственном секторе. Потому обе страны одновременно вступили во вторую фазу реставрации, фазу политической зрелости и поиска общественной поддержки. Си Цзиньпин облачился в строгий по-военному костюм Мао Цзэдуна. Страна обрела пенсионную систему и более боевой политический дух, навеянный пропагандой и неприятными новостями с фронтов торговых переговоров. В России патриотическое пробуждение общества случилось в 2014 г. Его символическим проявлением стал всенародный культ победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Либеральные оппозиционеры окрестили это «победобесием». Ярость их вызвала и развернувшаяся народная реабилитация Сталина.

Во многом деструктивная первая часть русской реставрации завершилась.

В 2016—2018 годах российские власти постарались лучше защитить крупных производителей от иностранной конкуренции на внутреннем рынке и побудить их расширить ассортимент и массу вывозимых товаров. Однако это не создало достаточного основания для долговременного экономического роста. Темпы экономического роста оставались низкими. Налоговая система отвечала требованиям уже закончившей эпохи. Вместо прогрессивного налога в России придумали налог на роскошь, 13% — «плоский» подоходный налог взимался

даже с самой низкой заработной платы. Чиновники высшего эшелона пытались обложить налогом доходы самозанятых граждан, как бы мало и нерегулярно те не зарабатывали. Даже дети, если являлись собственникам жилья, должны были уплачивать с него налог. Сам налог на имущество физических лиц хоть и был в 2018 г. невелик вопреки конституции, щедро даровавшей каждому право на жилье, брался и с жилища. Бурную дискуссию вызывали и планы повысить акцизы на бензин и дизельное топливо. В 2019 году с 18 до 20% был повышен налог на добавленную стоимость. Возврат этого налога полагался только экспортерам. Банки и ростовщические конторы (микрокредитные организации) могли взимать любые проценты по кредитам. Неолиберальная машина по высасыванию денег у рядового потребителя работала, и это являлось огромной проблемой в условиях необходимых изменений.

В 2019—2020 годах переход к новой экономической реальности и зрелой реставрации оставался на ранней стадии. Переход этот начался вопреки первоначальным желаниям «верхов» общества, и это было логично: с экономикой меняется и общество, возрождается широкая политическая жизнь, и для держащих власть кругов возрастают с нею связанные проблемы. В дальнейшем правила политической игры должны приобрести публичный характер и сделать возможным участие в ней трудящихся масс, пусть даже в рамках умеренной конституции. То есть должна быть оформлена реальная республика, а быть может, и социальная республика (это выражение использовано в Конституции России Бориса Ельцина). Скорее всего, Россия двинется через систему власти на основе законов и участия масс в принятии решений к системе, более ориентированной на интересы широких слоев общества. Но как возникнут демократические основы постреставрационного общества? Как изменится нация? Почему в принципе все это должно случиться? И как конкретно это может произойти в России? Как это может произойти в Китае, где бюрократия необычайно эффективно использовала плоды революции? Едва ли возможно это понять, не рассмотрев, как заканчивались реставрации после великих революций в Англии и Франции.

Революции эти являлись буржуазными. Революция в России была объявлена социалистической, но породила буржуазное общество и экономику, основанную на рынке.

Великая русская революция позволила коснуться горизонта — общества будущего, поверить в него. Она не сменила формационной эпохи и не вывела государство за рамки капитализма. Начало реставрации в СССР и Китае совпало с окончанием кейнсианской эпохи с присущим ей развитым социальным государством. Неoliberalизм, который, казалось бы, ослабил позиции рабочего класса и даже подтолкнул его к сопротивлению в странах центра мирового капитализма, не дал шанса на возрождение радикального левого движения. В лагере «социализма» вслед за Западом повернули вправо.

Развитие СССР происходило в условиях мирового капитализма. Оно носило во многом догоняющий характер, но и там, где советское общество прорывалось вперед, оно все еще не могло выйти на тот уровень развития производительных сил, что является необходимым для установления нового общественно-экономического строя. Экспроприация экспроприаторов обернулась в итоге восстановлением частной собственности, но уже в более развитом обществе. Обеспечила это советская модернизация. Поворот к неолиберальной глобализации позволил российскому капитализму вписаться в мировую систему, что было в особой манере сделано и Китаем. В Восточной Европе «социализм» пал даже без оговорок.

Краткое обобщение. Удаленный анализ больших исторических событий (макроскопирование) показывает, что великие революции возникают как ответ общества на отставание в развитии и крупные поражения ранее успешного государства; необходимым условием великих революций является экономическая катастрофа, которая может быть выражена и как невозможность вести вооруженную борьбу с соперниками (Россия, Китай); революции способны смести старые классы (включая буржуазию) и даже на время устранить рынок, но от этого они не перестают быть буржуазными по своей

сути, ибо осуществляемая ими модернизация ведет к созданию более успешного капиталистического государства; только на стадии реставрации великие революции открывают экономическую суть.

Глава 3. Реставрации в логике модернизированных революций

(158-166 стр. в бумажной версии книги)

Реставрация явных капиталистических отношений в России, создание нового класса собственников из числа советских управленцев и использовавших ситуацию лиц выглядело как поражение страны в борьбе с США и их союзниками по НАТО. Однако поражение это было внутренним: накопленные в системе противоречия получили выход в форме реставрации. Она носила как материальный, так и культурный характер и со временем сняла вопрос о своей якобы нелогичной сущности. В 2017 году Россия тихо отметила 100-летие Великой революции, но также можно было бы отметить 26-летие старта реставрации, считая от распада СССР в 1991 г., и даже ее 37-летие, считая с 1985 г., когда началась перестройка Михаила Горбачева.

Реставрационная эпоха после экономических, политических и культурных успехов СССР лишь кажется нелогичной, как казались некоторым современникам нелогичными реставрации после успехов политики Оливера Кромвеля или Наполеона Бонапарта. Однако великие буржуазные революции имели не только подъемы и пики. Вслед за термидором (остановкой революции) следовал бонапартистский этап. За ним наступала реставрация. Все это происходило в условиях торгового (Английская революция) и промышленного капитализма (Великая французская и Великая русская революции). Этот строй отношений родился в результате преодоления кризиса XIV в. Большой кризис 1770-х гг. перевел капитализм на промышленный уровень развития. Позднее он стал монополистическим. Но его формы не были тождественны его этапам развития, выражавшимся как в форме экономических, так и политических

изменений. Отмериваемые большими кризисами этапы были периодами развития, в XX в. изменявшими уже монополистический капитализм, эволюция которого не закончилась с рождением сложного государственного регулирования.

Революция 1917 г. в России была чрезвычайно смелой, радикальной и круто изменившей общество. Оно открыло горизонт нового общественного строя. Но достичь его на уровне развития производительных сил XX в. было невозможно. Рынок, а с ним и частная собственность оказались прощены обществом. Оно приняло их с присущим им множеством пороков. Этот факт тяжким бременем лег в сознание или вцепился в душу в бессознательной форме многих постсоветских левых активистов. «Предательство масс» стало выражением, которое старались не произносить вслух, но которое не могли забыть, глядя на кажущуюся пагубной вовлеченность россиян в бытовые вопросы, в потребление, погоню за заработком, накоплением автомобилей, квартир и дач вместо того, чтобы обратить внимание на несовершенство социальной системы и порочность политики. Подобное поведение было характерно для многих обществ, переживших великие, круто все меняющие революции в эпоху капитализма. В Англии времен правления Карла II погоня за достатком стала едва ли не главной идеей реставрации. Во Франции времен Наполеона III молодые республиканцы, такие как будущий президент Жорж Клемансо, сетовали: рабочие не хотят думать о политике, а лишь заняты решением личных материальных задач. Ситуации эти были временными.

Все реставрации заканчивались. Однако не все революции имели эту стадию в явном виде. Она едва ли может быть легко прослежена в случае революции в Нидерландах. Здесь движение против католической феодальной власти началось в 1566 г. Его центром была промышленно развитая южная часть страны (территория современной Бельгии). Эти провинции Испании смогла сохранить за собой. Когда за кризисом последовал новый экономический подъем, это укрепило позиции католической церкви в городах Фландрии. Произошло разделение страны. Силы революции смогли удержаться лишь на

севере за Рейном, в областях, которые ранее сильно отставали в развитии. Но именно сюда мигрировали многие сторонники нового строя, а Амстердам в качестве торгового центра заменил Антверпен, захваченный испанцами после осады 1584—1585 гг. Так протестантское население этого центра переселилось на север. Республика была во многом основана на новом месте. Это не избавило революционный процесс от положенных этапов.

К 1600 году государство стабилизировалось и умирало пыл революции. Началом бонапартистской фазы можно считать падение великого пенсионария Яна де Витта, представлявшего крупный торговый капитал, и переход в 1672 г. власти к Вильгельму Оранскому и его сторонникам. Процесс этот носил во многом стихийный, даже демократический характер. Народ был разгневан внезапным вторжением французских войск. Страна не была подготовлена к обороне. Восставшие массы убили де Витта. Республика стала вновь управляться выборным штатгальтером, чего так не хотела партия де Витта. А 1672 год остался в истории Соединенных провинций как «год бедствий». «Бонапарту» Нидерландов позднее предстояло стать вождем Славной революции в Англии и королем этой страны. Он переехал в Лондон, а за ним последовали голландские капиталы. По опыту страшного разорения 1672 г. их обладатели знали: остров безопаснее для развития капитализма, тем более остров, неплохо населенный, подготовленный для развития революцией и управляемый человеком из Нидерландов — протестантом и преданным сторонником новых общественных отношений. Дальнейшая судьба Соединенных провинций все больше зависела от других государств. Наступал ее политический упадок. В XVIII веке пришел и упадок экономический.

Революция в английских колониях 1775—1783 гг. имеет сходные с революцией в Нидерландах черты. Она победила в новой области, где феодальных отношений не было. Зато имелось рабство чернокожих людей, долгое время не мешавшее развитию капитализма. Эта революция также достигла бонапартистской фазы и подвинулась дальше не вполне так, как великие революции на Старом континенте, т.е. не в логике единства

политического и экономического процесса. Президентская республика стала формой фиксации достижений революции. Впрочем, с точки зрения экономики для США можно считать реставрацией восстановление торговых отношений с Англией. Допуск продуктов ее индустрии на рынок был выгоден плантаторам, поставлявшим в ответ колониальные товары. Особенно важным являлся хлопок. Потому Гражданская война в США (1861—1865), их временный распад на два борющихся государства с протекционистами и противниками рабства на Севере и фритредерами-рабовладельцами на Юге может считаться Славной революцией. Ее своеобразие в том, что «реставрация» имела лишь экономический вид и политическую форму — президентская республика не отрицалась.

Примечательно, что во время Гражданской войны в США — самой масштабной и разрушительной войны второй половины XIX в. — существовала угроза англо-французской военной поддержки Юга. Она так и не реализовалась. Общей же для США внешней угрозы Англия в тот момент не создавала. Относительно спокойные внешние условия помогали развитию американского капитализма. Таких условия в Англии и Франции пришлось искать при помощи реставраций в их культурно-политической форме. Они не являлись некими механическими этапами, а были полезны для капитализма после неудач и истощения стран в ходе внешнеполитической борьбы. Как минимум они позволяли ограничить фронт, не меняя торговый курс. Даже в России после унижительного периода 1990-х гг. наметился постепенный возврат к такой торговой политике, что обеспечила бы развитие капиталистической экономики.

Вопрос о реставрациях выглядит более интересным, чем вопрос о прямых революционных переворотах, так как для многих он является новым. О революциях написаны тысячи книг. Марксизм, вроде бы, уже дал объяснение социальным революциям. Они в одних случаях свергают феодализм или сметаю его остатки, препятствующие развитию (это может быть и политическое господство знати). Такова роль буржуазных революций. В других случаях, когда развитие буржуазного общества зашло достаточно далеко,

происходят революции нового типа. Их, по версии советского марксизма, следует именовать социалистическими революциями. Однако всюду, где в XX в. революции опрокидывали господство буржуазии, уничтожая ее как класс, этот класс возникал вновь. Частичным исключением на момент 2018 г. были лишь Куба и Северная Корея. В других государствах (включая СССР и Китай), где «социализм победил окончательно и бесповоротно», произошли реставрации: буржуазия восстановилась, частная собственность и рынок стали определять экономические процессы. Эксплуатация человека человеком, рынок труда и социальное расслоение вернулись в жизнь общества.

Итог пролетарских революций оказался сходным с итогом революций буржуазных. Там, где они произошли, а не были привнесены, сложился корпоративный капитализм. Во втором десятилетии XXI в. он функционировал в России и Китае, двух странах, за 100 лет до того устранивших или начавших процесс устранения остатков феодальных отношений. В этом плане Великая русская революция и долгая Китайская революция решали сходные задачи. Но общества, в которых совершался переворот, было различны. Россия являлась неудачливой страной глобального политического центра с полупериферийной, отсталой в сравнении с другими капиталистическими странами экономикой. Китай был разбитой великой державой Средних веков. К 1911 году это была периферийная страна с экономикой периферийного типа, без развитой промышленности. Весьма странно думать, будто в этой крестьянской стране, не тянущей на «слабое звено» мирового империализма, могла произойти социалистическая революция. Однако, как это было и в России, провал буржуазных революционеров вывел на первый план радикальную политическую силу. То была Коммунистическая партия Китая, руководимая Мао Цзэдуном. И революция была больше крестьянской, чем пролетарской. Впрочем, и в России крестьяне решили судьбу революции.

Реставрация открытых проявлений и нормальных форм капитализма в России и Китае поставила под вопрос формулу о социалистических революциях. И если в первое время рыночные преобразования могли быть

истолкованы как «временное отступление», то десятилетия функционирования буржуазных экономических и политических структур, а также признание обществом «преимуществ рынка» доказали основательность капитализма в этих государствах. Поэтому вопрос о сути революций в России и Китае вновь является актуальным. Они явно должны были решить проблемы, возникшие в результате мирового и местного капиталистического развития. Но они также должны были в итоге обеспечить охваченным революциями странам лучшие позиции в мировой системе. Революции именовались пролетарскими и социалистическими. Но они решали задачу модернизации общества. Радикализм этих революций и усыновленных в результате режимов (на бонапартистском этапе процесса) был адекватен сложности задач. В итоге можно полагать: этим революциям следует стоять в одном ряду с революциями, которые марксизм именует буржуазными или буржуазно-демократическими.

Чем дальше заходило развитие общества при капитализме, чем сложнее были задачи модернизации ранее успешных стран, тем острее были внешние и внутренние конфликты, тем радикальнее были революции. Тем дальше они заходили. Но прикосновение к горизонту или попытка усидеть на «облаке социализма» (по аналогии со «штурмом неба», по Марксу, предпринятым Парижской коммуной 1871 г.) были обречены. Это были временные прорыва по некоторым позициям далеко вперед. При этом большая часть рабочего класса была не в состоянии оценить эти успехи, зато была недовольна принуждением читать книги и слушать классическую музыку, дефицитом мебели, ковров, сапог и чулок, джинсов и вельветовых пиджаков, сантехники и кафельной плитки. Потребление для поднятых на новый уровень развития масс было первостепенной задачей, новым идеалом и смыслом жизни.

Всякая модернизационная революция решала свою задачу и создавала по-новому неудовлетворенное общество. Казалось, еще недавно оно было мобилизовано радикальными лозунгами на борьбу, активно и беспощадно. Но все менялось, и сторонники дальнейшего развития процесса преобразований сталкивались с безразличием людей. Народ словно бы уставал. Так на смену

аскетичному «социализму» пришли реставрации. Бюрократия и наиболее ловкие члены общества получили ранее национальные имущества и капитал, остальные — возможность участвовать в потребительской гонке или шанс добиться такой возможности своим трудом. Это не только не могло устроить все население, но и раздражало его наиболее передовую группу. Не случайно в рядах оппозиции к реставрации оказалось столько интеллигенции, различных служащих и технических специалистов. Но там было относительно мало молодых людей или россиян среднего возраста. Протест против капитализма стал протестом образованных пенсионеров и людей предпенсионного возраста. В 2000 году это отлично можно было оценить по составу ячеек Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Попытки агитации среди молодежи в тот период наталкивались на ее веру в то, что рынок даст возможность устроиться в жизни и достичь материального благополучия. Лишь немногие в тот период вовлекались в левые организации. Но после 2005 г., когда экономический рост привел к значительному повышению доходов трудящихся, значительная часть этих немногих отошла от протестной политической деятельности. Пришедшие в КПРФ новые люди были ориентированы на карьеру, так, словно имели дело с обычной корпорацией.

Исторической целью «социалистических» революций XX в. был более сильный национальный капитализм. Эту цель не ставили революционные партии или вожди. Более того, она была скрыта от них, поскольку возникала объективно как потребность развития. Само это развитие лишь до определенного предела могло носить социалистические черты. Затем неизбежно возникала необходимость реставрации буржуазных отношений во всей их возможной полноте. Этот переход почти нигде не мог произойти безболезненно или обойтись без потерь территориальных, военной мощи, политического влияния страны или социальной стабильности. В том числе могли быть утрачены структуры и тенденции научного поиска и разработки новой техники. Огромными после распада СССР оказались потери в медицине и образовании. Однако значительная часть рабочего класса и мелких

собственников не брала их в расчет, полагая неизбежными на пути к желанному обществу потребления. Религия в этой ситуации легко «заменяла» утраченное обещанием всего недостающего в ином мире.

Но реставрации как эпохи в рамках длинного революционного перехода конечны. Им предшествуют упомянутые революции как таковые, термидорианские остановка процесса и подавление сторонников дальнейших резких перемен, бонапартистские стабилизации постреволюционного порядка. Сами реставрации в культурном плане служат цели легитимизма: перераспределение имущества и власти, новое право и образ жизни должны быть поданы как естественное продолжение того, что было до революций, объявляемых случайными и вредными инцидентами. Массы, по мнению правящих кругов, должны увидеть бессмысленность революций и признать новый класс как органичного, нормального господина. Реставрации нарушают бонапартистское равновесие в обществе и заставляют «низы» сдавать многие ранее завоеванные позиции. Именно потому реставрации заходят слишком далеко и оказываются конечными. Их как эпоху закрывают особые революции либо менее выраженные общественные подъемы в условиях внешней угрозы.

Процесс завершения реставраций сложен. Сводить его всегда к одномоментному акту было бы грубой ошибкой. Славная революция представляет собой его кульминацию, когда переход в новое качество совершается окончательно и по всем пунктам: экономика, культура, форма правления и политический курс, общественное сознание и культура. Все переходит в новый вид. Процесс обретает революционные черты, а может быть и оформлен как политическая революция. Следует уточнить: понятие «славная революция» вводится на основе истории Британии XVII в., когда имела место Славная революция как завершение радикального модернизационного преобразования нации. Если понятие «термидор» происходит из Великой французской революции, то термины «реставрация» и «славная революция» имеют английские корни.

Необходимо подчеркнуть, что окончание реставрации — это не вторичная,

корректирующая революция. Славные революции не поправляют ошибок исторического процесса, не возвращают его из тупика реакции, якобы означающей одно лишь обратное движение прогресса, некий его откат, и не являются самостоятельными, отдельными революциями. Они продолжают движение, удаляя помехи. Это движение в особой форме продолжала и реставрация, пока не достигла своих пределов.

Формационные эпохи отделены грандиозными переворотами, какими были кризисы III или XIV столетий. Особое место занимает неолитическая революция. Эти революции производят не окончательный системный сдвиг. Они не создают в готовом виде ни рабовладельческого строя, ни феодализма с его развитыми формами, ни капитализма. По итогам кризиса XIV в. легко сказать, что Европа как была, так и осталась феодальной. Но часы истории уже были переведены. Развитие двинулось по новому, буржуазному пути. Именно на нем модернизированные революции совершают доводку наций и государств. Они создают условия для дальнейшего капиталистического развития, устанавливают господство передовых групп буржуазии, в принудительном порядке превращают феодалов в сельских капиталистов или устраняют их. В XX веке имевшаяся буржуазия оказывалась лишней, и революционные партии в России и Китае вели дело без нее. Рабочий класс при этом вовсе не играл роли статиста. Он своими руками создавал систему, дававшую ему и его детям новые материальные, культурные и карьерные возможности, но и подготавливал возрождение во многом из собственной среды временно бывшего лишним эксплуататорского класса.

Стоит отметить, что замещение буржуазии как «праздного класса» бюрократией не единожды происходило в Европе и Северной Америке. Оно не было таким радикальным, как в Советской России, но, например, во Франции период частичного замещения связан с властью Наполеона. Капитал вынужден был терпеть своего протектора и его слишком амбициозную внешнюю политику, которой не понимал. По мнению Коряковцева, еще более важен опыт замещения в период с 1948 по 1982 г., когда имели место «революция

менеджеров» (замещение в управлении бизнесом) и развитие экономических ведомств государства с кейнсианской практикой регулирования. Это можно трактовать как симптом излета капитализма в качестве господствующего способа производства. Но нет ли здесь поспешности? Изъятие бюрократией власти у рабовладельцев в ранний период Римской империи предвещал ей два столетия экономического расцвета. В раннем феодальном обществе знать отодвигалась монархами, нередко опиравшимися на сильную и разветвленную администрацию. Лишь на следующем этапе класс брал свое — ликвидировал замещение, что и породило европейский феодализм. Потому в полном замещении буржуазии в СССР не стоит видеть установления новой формации. То было временное состояние, возникшее благодаря радикальности стоящей перед обществом задачи модернизации.

Великие модернизированные революции — это насильственные преобразования общества, социальные революции внутри формационной эпохи капитализма. Подобные явления в других эпохах еще нуждаются в своем выделении. Однако нуждается в понимании и связь фаз великих революций с длинными волнами экономического развития и большими кризисами. Проясняется же она лишь через конкретное рассмотрение этапов имевших место великих революций, особенно фазы реставрации и ее преодоления. В этом же процессе открывается и механика преодоления реставраций.

Краткое обобщение. Великие революции капитализма имеют несколько обязательных стадий; за революционным сломом старого порядка следует остановка процесса — термидор; на следующем, бонапартистском этапе новое государство с героическим пафосом использует данные революцией преимущества для борьбы с внешними противниками и развития экономики; перенапряжение общества приводит к следующей стадии — реставрации — внешнему восстановлению дореволюционного или близкого к нему правления на новой социально-экономической основе, что позволяет завершить перестройку экономики и нормализовать отношения с другими странами;

безраздельное господство «верхов» заканчивается с падением режима реставрации, так как славная революция отстраняет от власти наиболее реакционную часть правящих кругов и создает новую политическую систему (по сути, республиканскую), реабилитирующую идеи революции и обеспечивающую участие общества во власти.

Глава 4. «Веселая» английская Реставрация и ее славный конец

(166-174 стр. в бумажной версии книги)

Реставрации возможны лишь там, где революция выполнила свою основную работу по слому старого порядка и вошла в стадию свертывания, а затем и стабилизации нового порядка. Этой дорогой шли все буржуазные революции, не миновала его и революция в Англии. Накануне революции здесь произошел подъем капиталистического производства в сельском хозяйстве. Росли колониальная торговля, города и рынок капиталов. Новые силы общества не могли не столкнуться со старой властью и не опрокинуть ее.

В Английской революции Оливер Кромвель сыграл роль лидера антироялистской борьбы и роль душителя радикальных движений. Он оказался и «бонапартом» революции. Под его руководством страна победила феодальную реакцию, очистила парламент от сторонников компромиссов и отправила в суд, а после — на эшафот низложенного короля Карла I. Готовясь умереть, лишенный власти монарх не мог не думать о сыне, находившемся в безопасности и воплощавшем надежду на восстановление трона. Карл I верил, что династия вернется. Но он не мог представить, что англичане иронично нарекут его сына Веселым королем, а сам он войдет в историю как Карл Укороченный.

Тем временем под началом Кромвеля революция вошла в термидорианскую фазу: правительство разгромило левеллеров и диггеров, развернуло преследование радикальных проповедников. Левеллеры являлись

мелкобуржуазными демократами. Диггеры были движением бедных крестьян, самовольно распахивавших земли, им не принадлежащие по закону. Проповедники просто выступали проводниками уравнительных идей, имея огромное влияние на весьма религиозных солдат, сельских и городских жителей.

Следующий этап можно характеризовать как бонапартистский. Кромвель основал свой протекторат. Он сохранил мощную армию нового образца, несмотря на дефицит денежных средств и разорение страны из-за гражданской войны. Это была постоянная армия, равной которой страна не имела при монархии. Она была направлена в католическую Ирландию. Часть сил участвовала в завоевании испанских островов в Карибском море. Не все складывалось удачно на этом направлении, но в 1655 г. была захвачена Ямайка. К этому моменту Кромвелем был создан мощный военный флот. Впервые в мировой истории можно говорить о линейных кораблях как его главной силе. Следом республиканская протестантская Англия начала войну с «братскими» протестантскими Нидерландами, тоже не монархией. Эта первая англо-голландская война 1652—1654 гг. оказалась для англичан успешной.

В сфере экономики действия Кромвеля были следующими: изъятые земли церкви и роялистов (людей богатых и знатных) активно распродавались, впервые с 1290 г. евреям было разрешено проживать в стране (это можно назвать привлечением инвестиций). Девятого (19) октября 1651 г. был введен Навигационный акт. Этот закон просуществовал до 1849 г. Он разрешал иностранным судам ввозить в Англию товары лишь из своей страны, что сразу било по голландским купцам. Зато это было выгодно для развития английского флота. Навигационный акт можно считать одним из главных деяний протектора, поскольку он носил ярко выраженный протекционистский характер. Глава буржуазного государства поощрял им национальную буржуазию, особенно торговую. Он пошел и дальше: силой оружия англичане принудили Нидерланды признать Навигационный акт, что было сделано по мирному договору в 1654 г. Соседи едва ли могли отрицать факт: Англия, в результате революции, стала

намного сильнее, ее экономика получила основу для развития, но не могла ее вполне использовать — страна была истощена налогами и войнами. Общество устало и от избыточной протестантской строгости. Оно хотело более мягкого правления. Правящие круги видели угрозу народного возмущения и стремились обрести стабильность. Ощущалась и некоторая изолированность Англии от других стран с традиционной формой правления.

Кромвель умер в 1658 г. Его сын власти не удержал. На восстановленный трон был возведен сын казненного короля под именем Карла II. История наградила его прозвищем, вполне соответствующим его «веселому» реставрационному правлению.

Принц Карл был протестантом и заверял, что готов править вместе с парламентом.

Архитектором Реставрации 1660 г. стал генерал Джордж Монк. Военные хотели сохранить свое положение. Англия же сохранила даже внешнюю политику Кромвеля, ее антиголландский характер. Современник Реставрации, чиновник морского ведомства Сэмюэл Пипс, в своем дневнике отметил ликование, охватившее Лондон в момент прибытия солдат Монка. Им были так рады, что угощали лучшими кусками говядины, которые те жарили на огне. В этом акте щедрости мясников выразилось все стремление общества избавиться от власти аскетов-революционеров. Пройдет пять лет и тот же Пипс с сожалением отметит, что прежние симпатии общества утрачены¹. Слишком многие тяготы принесла Реставрация. Роскошь и распущенность двора раздражали протестантов не меньше, чем военный неудачи короны. Недовольство вызывали и налоги, а с ними и неэффективное с точки зрения интересов страны расходование королем денег. В государстве процветала коррупция. Флот терпел неудачи в войне с Нидерландами, а французские союзники вели себя двусмысленно и не очень помогали на море. В плане ведения войн реставрационный порядок был менее эффективен, чем революционный режим.

1 Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М., 2010. URL : https://royallib.com/book/pips_semyuel/domoy_uginat_i_v_postel_iz_dnevnika.html

Веселый король не только развлекался с дамами, ел бараньи котлеты (в случае болезни он предпочитал их модному тогда кровопусканию) и гулял с собачками. Он укреплял свою власть. Однако его попытка внушить подданным терпимое отношение к католицизму успехом не увенчалось. Население подозревало короля в стремлении реставрировать не только символы и власть монархии, но и старые общественные отношения. Эти подозрения подтвердились позднее — при следующем монархе.

Карл II сумел избавиться от парламента, укрепил свою власть и сделал наследником брата-католика. Он также сблизился с французским королем-католиком Людовиком XIV. Народ не знал ни об этом, ни о том, что перед смертью Карл II принял католицизм. Так он исполнил тайное обещание, данное французскому королю. Но то был знак и для окружения. Когда в 1685 г. брат покойного короля Яков II взшел на престол, Реставрация продолжилась. Она достигла кульминации.

Католическая религия в XVII в. не была чем-то вроде обыкновенного поклонения иконам и признания морального авторитета Папы. Это была идеология феодальной реакции. Протестантизм же этой реакции противостоял. Он выражал буржуазный образ мысли. Потому модернизированное революцией английское общество справедливо видело во всяком усилении католицизма в мире, в выдвижении католиков на государственные посты (не говоря уже о троне) угрозу глубокой реакции: возвращения общества к дореволюционным порядкам и отношениям. Этот вопрос волновал как «низы», так и «верхи» буржуазного общества.

Англичанам пришлось принять воцарение Якова II. Они сделали это с опасением. Когда король начал открыто поощрять католиков, особенно офицеров в армии, и притеснять англиканских епископов, подготавливая обратную трансформацию национальной церкви в церковь католическую, общество было встревожено. За этими событиями должен был последовать разгром протестантизма вообще и, вполне вероятно, возврат феодальной зависимости в деревне. Логично было ожидать обратного перемещения

земельного имущества от тех, кто приобрел его в революцию. Однако когда во Франции 17 октября 1685 г. Людовик XIV подписал эдикт об отмене Нантского эдикта, чем лишил французских протестантов (гугенотов) прав, английское общество начало осознавать масштабы угрозы. Еще до этого оно было взбудоражено публикациями о том, что во Франции католический король с 1681 по 1685 г. развернул притеснение протестантов, заставив их принимать на постоянной основе солдат драгунских полков. Драгона́ды (фр. *dragonades*) как принудительный постой кавалерии должны были побудить гугенотов к переходу в католицизм. В Англии же они вызвали бурное обсуждение и осуждение обществом короля-католика. Когда Нантский эдикт был отменен, сотни тысяч гугенотов покинули родину, их материальные потери и тяготы были огромны. Многие направились в буржуазные и протестантские Нидерланды. Правитель этой страны Вильгельм Оранский сформировал из них три пехотных полка, которые позднее приняли участие в его вторжении на Британские острова.

Яков стремился править Англией сильной рукой. Власть короля была укреплена стараниями его брата. Тот, хотя и не стремился высказывать напрямую свои желания, как это делал его неудачливый отец, и вообще делал вид, будто мало интересуется политикой, все же постепенно сосредоточил в своих руках достаточно власти, чтобы его брат мог продолжить дело. Это продолжение дела закономерно привело к краху реставрационной политической системы и окончательному отрешению династии Стюартов от власти. Во многом помог этому и экономический рост периода Реставрации. Основу для него создала революция.

Недовольство протестантов в Англии нарастало. Это чувствовали политические иммигранты — противники реакции, собравшиеся в Нидерландах. Их лидером был герцог Джеймс Скотт Монмут. Этот незаконнорожденный сын Карла II отличался пылким нравом и умением нравиться народу, поскольку он был демонстративным протестантом. Если бы отец пожелал передать ему власть, мотивируя это угодной стране и желанной

для парламента религией сына, то английская история едва ли имела бы Славную революцию. Вернее это и была бы Славная революция. Ее, возможно, дополнило бы оформление конституционного правления и устранение реакционных деятелей. Но планы отца были иными. Он был недоволен популярностью юного герцога. В 1679 году король выслал сына подальше от будоражимых им толп островитян. Это не помешало тому в 1685 г. быстро собрать чуть более 80 приверженцев и высадиться на английский берег. Этот шаг породил восстание в юго-западной части острова. Однако Яков еще не успел потерять доверие «верхов» государства. Армия сохранила ему лояльность.

Восстание Монмута было подавлено, молодой герцог — казнен.

Этот успех убедил Якова в правильности политического курса. Казалось, божество поощряло его и давало благожелательные знаки. В 1688 году эта уверенность сыграет с монархом злую шутку. Он откажется собрать парламент в условиях угрозы вторжения Вильгельма Оранского. Он будет уверен, что военного перевеса будет достаточно для победы над относительно немногочисленными силами вторжения.

Восстание Монмута было подавлено до отмены Нантского эдикта. Людовик XIV едва ли осознавал, что его успех в борьбе с «еретиками» означает дискредитацию всякого католического правления в глазах англичан. Если кто-то и сомневался в необходимости лишения католиков как приверженцев враждебной идеологии политических прав, а католического короля власти, то эти сомнения были отброшены. Газеты, различные листки, рассказы очевидцев и жертв гонений подготавливали почву для падения режима реставрации. Это отлично понял и Вильгельм Оранский. И когда в 1688 г. Яков усилил гонение на англиканское духовенство, подготовка вторжения на острова ускорилась. Пятнадцатого ноября 12 тыс. солдат-протестантов принца Вильгельма высадились в Англии¹. Формальные права на престол ему давал брак с Марией Стюарт, дочерью Якова. Экспедиция располагала также еще одним

«аргументом». Им был бережно доставленный печатный станок.

Вильгельм в срочном порядке подготовил, напечатал и распространил воззвания. Их было несколько. Наиболее радикальные позднее не были им признаны. Но именно они дали максимальный эффект: солдаты армии Якова отказывались подчиняться офицерам-католикам и начали перебегать к противнику, католики (в листовках им предписывалось не иметь оружия) были напуганы, а Лондон охватили волнения. За солдатами последовали офицеры, включая близкого к королю герцога Мальборо. Им не удавалось еще увлечь за собой всю армию. Но ее разложение было фактом. Если Яков первоначально рассчитывал разгромить противника, используя численный перевес (его армия насчитывала около 40 тысяч человек), то затем ему пришлось вступить в переговоры. Следующим шагом был побег из страны к католическому собрату Людовику. Король Франции был в ярости: голландцы сбросили с трона союзного монарха, а следом, в 1689 г., ввели запретительный таможенный тариф на товары из Франции. Яков рассчитывал вернуться, и король Франции помог ему собрать и перебросить армию в Ирландию. Здесь в 1690 г. он сражался во главе своей армией католиков против протестантов «узурпатора Вильгельма» и проиграл в сражении на реке Бойн. В тот день Яков был еще и опозорен. Он так неудачно расположил штаб и так дурно поддерживал связь с частями сражающейся армии, что получил от ирландских солдат презрительно прозвище. Яков Деръмо — так вошел в историю последний кормчий английской Реставрации. С ним она последовала ко дну. Высадка же в Ирландии не вернула изгнанному монарху симпатий консервативной партии (тори) и лишь усилила неприязнь либералов (вигов). Хотя Вильгельм использовал в ирландской кампании большей частью своих неанглийских солдат, это не помешало ему победить.

Британский историк Стивен Пинкус отмечал: «Для вильямистов, и особенно вильямистов-вигов, борьба против Франции, борьба за европейские, а также английские свободы стала центральным революционным принципом. Яков II, как они постоянно доказывали, поддерживал Людовика XIV за

границей, при этом имитируя его стиль управления дома. ...Яков II, по мнению защитников революции, стал французским королем. ...Революционеры отвергли профранцузскую политику и союз с Французским государством, предпочитая альянс с Нидерландами». Революционеры не желали быть «жалким народом», нацией управляемой без учета ее потребностей¹.

Славная революция вовсе не оказалась мирной и бескровной. Она переросла в открытую гражданскую войну, пусть и на окраинах государства, в Ирландии и горах Шотландии. Потому весь процесс смены власти охватил 1688—1691 гг. Он оказался не одномоментным и местами весьма жестоким.

После высадки в Англии Вильгельм не имел времени выбирать парламент. Да это было бы сложно сделать и с юридической точки зрения. Он созвал конвент, собрание депутатов последнего парламента. Славная революция к тому моменту была уже фактом. Конвент определил то, что королем может быть лишь протестант. Вильгельм и Мария вместе взошли на признанный вакантным трон. Правление Вильгельма характеризовалось отказом от целого ряда символических актов монархической традиции, таких как периодическое омывание королем ног нищим. Новый монарх избрал «странное» непубличное проживание, сохранив и даже сделав более популярной приватную жизнь. В отличие от французского монарха он не выставлял напоказ своих повседневных действий. Однако это были не главные признаки перемен. Закончилось время безраздельного правления реставрационной верхушки, позволявшей себе хоть и оглядываться на остальные классы, но не разделять с ними власть. Порядок этот не мог сохраниться уже потому, что народ сыграл в Славной революции решающую роль. Ведущий его за собой класс собственников поставил вопрос о фактической конституции и получил ее. Этот результат удовлетворил как имущие классы, так и более бедную часть общества, не желавшую возвращения к старым порядкам не меньше купцов, лавочников и владельцев мануфактур. Главное же, финальная стадия взятой в целом Английской революции дала механизм сохранения капитализма и буржуазного управления.

Пинкус в книге «1688 год. Первая современная революция» выдвинул идею двух планов модернизации. Один из них был католическим, строящимся на французском опыте абсолютизма, другой являлся протестантским, построенным на приоритете гражданских прав, свобод и представительном правлении¹. Людовик XIV сумел создать весьма эффективную государственную систему, мощный флот и передовую армию. Именно его военный министр Франсуа-Мишель де Лавуа разработал систему магазинов, военных складов, что обеспечила армии короля преимущества в один месяц при начале кампании. Еще не успевала пробиться трава, а французская кавалерия и артиллерия могли действовать. Маршал Себастьян де Вобан поднял на новый уровень искусство фортификации и осады, но также под его началом был разработан облегченный мушкет с усовершенствованным ударным кремневым замком и штыком. Фактически глава правительства и министр финансов Жан-Батист Кольбер поставил новые производства, отменил внутренние пошлины между семью центральными провинциями, улучшил сообщения и добился высоких доходов казны. Можно ли было не принять эту эффективную монархию за витрину модернизации? Дьявол крылся в отношении короля к собственности. Он полагал себя представителем бога на земле, который лишь дает подданным право на владение имуществом, а само оно может быть по воле короля изъято в любой момент. Действия в отношении протестантов показали, как католический модернизатор обращается с имуществом и правами неугодных ему подданных. Такого рода «модернизация» было совершенно не нужна буржуазной Англии.

Реставрация в 1688—1691 гг. была остановлена. Правление Якова II стало пиком реакции. Она пресеклась, когда глава Нидерландов принц Вильгельм Оранский высадился с интернациональной армией в Британии и встретил поддержку народа. Его войска получали жалование, но не были чуждыми идеологии наемниками. Это были протестантские войска, отбывшие на помощь угнетенной протестантской нации в борьбе с католическим врагом. Идеологическая борьба выразилась не только в этом. Армия Якова II и вся

государственная машина перешла на сторону «вторгшегося иностранного принца», хотя король-католик этого явно не предполагал. Борьба в целом приняла более сложный характер, чем мог ожидать этот человек. А ожидать революционного отторжения реставрационного порядка он не мог.

В итоге Англия создала сбалансированную политическую систему и правовые акты, закрепившие обязанности исключительно протестантского короля и права его подданных, если они не являлись католиками, следует понимать: приверженцами реакционной религиозной партии. Но учрежденная созданным Вильгельмом конвентом система была намного более умеренной, чем в период революционного парламента. Это была не республика, а конституционная монархия без конституции как документа. Она не дала политических прав «низам». При этом возникшая система оказалась стабильной и закрепила важнейшие для развития общества завоевания революции. В некоторых вопросах она пошла дальше непосредственной революции. Так, был создан Банк Англии. Дальнейшие политические изменения в стране (парламентские и иные реформы) реализовывались в эволюционной форме через борьбу классов на основе созданной всем процессом революции.

Краткое обобщение. Английская революция дает пример полноценного великого переворота, где ясно прослеживаются все стадии процесса; в английском обществе Реставрация была встречена с энтузиазмом, она дала импульс экономике, но стремление абсолютистской партии вернуть страну к дореволюционным порядкам встретило отторжение в «низах» и в «верхах» нации; государственная машина (включая армию) в критический момент отказалась поддерживать короля-католика и перешла на сторону протестантского претендента на трон; народные массы приняли активное, хотя и вedomое участие в Славной революции; новое правительство признало права парламента и утвердило завоеванные в революции гражданские права; победа Славной революции была обеспечена внешней угрозой (европейская католическая реакция в лице абсолютистской Франции) и потребностью

общества защитить и подкрепить завоевания революции от внутренней реакции.

Глава 5. Реставрация и Славная революция по-французски

(174-188 стр. в бумажной версии книги)

Великая французская революция оставила в наследство понятия «термидор» и «бонапартизм». В 1789—1794 годах революция находилась на подъеме. В 1794—1799 годах ее ход был остановлен стараниями новой буржуазии. Террор и репрессии обрушились на самих радикальных революционеров. Предпринимались попытки нормализовать хозяйственную жизнь страны уже в новых, измененных годами ломки старых отношений условиях. Однако лишь приход к власти генерала Бонапарта, установление его диктатуры обеспечило успех этого дела. Наступила бонапартистская стабилизация созданной революцией системы. Этим и были обеспечены мощь и победы наполеоновской Франции. Но все имело предел.

Эпоха реставрации началась во Франции в 1814 г. Союзные войска вступили в Париж, а император Наполеон подписал отречение и отправился на остров Эльба. Однако уже в 1815 г. реставрационный режим был сброшен. Причиной тому был отход новой власти от компромисса с буржуазной элитой Первой империи, а также всем обществом, уставшим от войн, но не желавшим феодальной реставрации.

Наполеон почувствовал момент и вернулся во Францию. Без единого выстрела он получил обратно власть: на его сторону перешли войска, его с ликованием во многих местах встречал народ. Произошла антифеодальная революция. Роялисты и король Людовик XVIII бежали из страны. Некоторые банкирские дома Лондона и Амстердама немедленно провели переговоры с императором о предоставлении под 8% займа в районе 80—100 млн франков,

каковой и был получен¹. Наполеон быстро сконцентрировал войска, но не смог добиться победы над англо-прусскими войсками под Ватерлоо и отрекся вторично. Впрочем, первое и второе падение Бонапарта едва ли произошло бы, если бы он руководствовался прежде не экономической, а политической логикой.

Проблема Наполеона состояла в том, что экономически эпоха реставрации началась во Франции гораздо раньше, чем политически, и, в сущности, его правление было органичным для нее. Великая французская революция зашла дальше английской, голландской или американской революций. Она передала большую часть земли в руки мелких собственников, нередко бывших зависимых крестьян. Но она не сделала этого со всей землей. В период консульства Наполеон вернул землю прежним собственникам, большая часть которых вернулась во Францию и даже поддержала новый политический строй. Если бы вся земля попала в руки новых собственников, они были бы гораздо больше склонны защищать страну от иностранного вторжения и считали бы недопустимым возвращение династии Бурбонов. Но даже маршалы императора, вступив в брак с дамами старой знати, были склонны в 1814 г. разменять Бонапартов на спокойное положение при другой династии.

Готовясь покинуть Францию навсегда, Наполеон не мог не видеть раскола общества. Одна часть его горячо поддерживала императора, другая не менее горячо выступала против него. Граф Лас-Каз вспоминал: «Окна нашей гостиницы выходили на большую площадь, которая беспрестанно заполнялась возбужденной и враждебно настроенной к нам толпой, которая вела себя чрезвычайно воинственно и оскорбительно». По дороге императора и графа к морю был арест национальной гвардией, обыск кареты и многочисленные недружелюбные акты разного рода начальников. Оскорбления бросали и дамы провинциального фешенебельного круга. Удаление Наполеона происходило, «чтобы способствовать спокойствию Франции, от былой мощи которой сейчас ничего не осталось»². Реставрация окончательно побеждала, имея не только

1 Лас-Каз Э.О. Мемориал святой Елены. В 2 т. Т. 1. М. : Захаров, 2014. С. 409.

2 Лас-Каз Э.О. Мемориал святой Елены. В 2 т. Т. 1. М. : Захаров, 2014. С. 24—25.

противников, но и многочисленных симпатизантов.

Запустив процесс реставрации, Наполеон руководствовался определенной логикой. Экономическая ее сторона состояла в том, что возврат поместий прежним хозяевам давал в условиях победивших буржуазных отношений основу для развития производства. С другой стороны, масса молодых образованных дворян пополняла кадры империи. Они шли в армию и государственный аппарат. Это расширяло клиентелу императора и позволяло ему во внешней политике действовать более свободно, а внутри страны твердо держать власть в руках. Казалось, что власть обретала «гранитный фундамент», как выражался сам Наполеон. Однако «гранит» раскололся вместе с обществом после серии военных неудач. Во время вторичной ссылки Наполеон говорил, что для управления Францией он не видел проблемы в конституционном правлении; для управления Европой это не подходило.

Получив невиданные прежде возможности действовать, Наполеон не смог победить Англию. Что же касается его вторжения в Испанию, которое часто называют стратегической ошибкой императора французов, то нужно отметить: отделение испанских колоний от метрополии и установление их тесной связи с Англией обеспечило этой стране выход из затяжного кризиса 1809—1820 гг. Она потянула за собой другие экономики.

Испанские колонии имели исключительное экономическое значение. Стремление овладеть ими через контроль над Испанией не было ошибкой Наполеона, а являлось вполне логичным и в перспективе невероятно выгодным для французского капитала шагом.

Франция надорвалась. В изгнании Наполеон мог сколько угодно утверждать: «Последующие поколения поймут, что я мог бы сделать для них, если бы обстоятельства не были иными»¹. Факт истощения страны, больше даже морального истощения, был налицо. С этого момента политическая реставрация была необходима. Людовик XVIII понимал потребности общества в спокойном правлении и, как и Карл II в Англии, заключил сделку с

обогатившимся после 1789 г. классом. Тот получил Хартию — дарованную конституцию, Бурбоны — трон. Иммигрантам достались щедрые выплаты в рамках закона «О миллиарде», предусматривавшем компенсации дворянам потерь имущества из-за революции за счет государства в общем размере 1 млрд франков. В противовес этой мере и к пользе промышленного капитала была сохранена протекционистская таможенная политика времен Наполеона. Политическая система функционировала стабильно, и даже когда в 1823 г. французские войска отправились подавлять революцию в Испании, она не дала сбой. Но в 1824 г. на престол взошел брат умершего короля Карл X. Он был настроен на пересмотр сделки с буржуазией. Ультрамонархические убеждения короля были известны. Как только он перешел к решительным действиям, его правление оборвалось.

В июле 1830 г. в ответ на ограничивающие свободу прессы и сокращающие количество избирателей королевские ордонансы восстал Париж. Верные королю войска не справились. Но если молодые радикалы на баррикадах надеялись получить республику, то получили они лишь ее суррогат в виде короля-буржуа Луи-Филиппа I, представителя орлеанской ветви Бурбонов. Либеральные и финансовые круги справедливо заключили: провозглашение республики не понравится монархам Европы и излишне возбудит трудящиеся массы Франции. Эпоха реставрации продолжилась. Свобод и избирателей стало больше, но не намного. Зато на гербе нового монарха появилась надпись «Конституционная хартия 1830».

Когда в 1847 г. разразился мировой экономический кризис, промышленная буржуазия Франции потребовала прав. Ее интересовало снижение ценза для пассивного и активного участия в выборах. Король отдал предпочтение консервативной политике. А глава правительства Франсуа Гизо дал требующим избирательных прав буржуа такой ответ: «Обогащайтесь, и вы станете избирателями». Не больше заботы было проявлено о рабочем классе. В силу кризиса в стране росли безработица и обнищание масс. В результате во многих слоях общества усиливалось недовольство монархией и Гизо.

Февраль 1848 г. принес революцию. Монархия во Франции пала еще раз. Реставрация же этим не завершилась. Столкнувшись с новой силой — восставшим рабочим классом Парижа — французская буржуазия повернула от республики в сторону «закона и порядка», а потом и Второй империи. Она больше слышать не хотела о демократической и социальной республике, за которую боролся рабочий класс Парижа и других городов страны. В понимании капитала рабочие предъявляли необоснованное требование давать им работу за государственный счет, если у них не оказывалось работы из-за кризиса. Буржуазия также была напугана тем, что рабочие стремились к управлению государством. Как палач Парижа генерал Луи Эжен Кавеньяк не подчеркивал своих республиканских убеждений, это уже не могло спасти республику. На выборах президента победил Луи Наполеон Бонапарт. В 1851 году он без особых затруднений произвел государственный переворот и стал императором французов. Многие республиканцы покинули страну. Кавеньяк отправился в тюрьму.

Легкость, с которой Луи Наполеон одержал победу, указывала на неизжитость еще реставрационной формы власти. Суть же ее состояла в неготовности правящего класса идти на политический компромисс с мелкими собственниками города и растущим рабочим классом. Не было и внешней необходимости делать это. Революционная «Весна народов» принудила многих монархов принять «горькие пилюли конституции». Русский царь Николай I ограничился спасением австрийского дома от революционных венгров, за что вскоре пришлось платить: Австрия не поддержала Россию в Восточной войне 1853—1856 гг., она сосредоточила войска на границе и заставила недавних спасителей держать столь нужные на реальном театре силы вдали от него, готовясь парировать нападение «друзей». Для Франции же успех Восточной войны стал ценным подкреплением реставрационной системы, которая показала себя способной восстановить честь нации.

Реставрационный режим Наполеона III отличался от режима Луи-Филиппа тем, что не просто заигрывал с идеей национальной гордости, а поднял ее на

знамена как воплощение духа Франции и династии. Режим опирался на более широкие буржуазные круги и был готов на большие изменения, сохраняя при этом более жесткий контроль над политикой. Всеобщее избирательное право и плебисциты не обманывали его левых критиков. В анекдоте того времени рабочие спрашивают мэра: «Что такое бибисцит?». Он объясняет: «Это старинное латинское слово, означающее: всегда отвечай правительству „Да“».

Развитие экономики требовало расширения и улучшения образования, принимались меры социального плана. В 1869 году был даже проведен конкурс на заменитель сливочного масла, продукта, который бы помог улучшить питание бедных. Так появился маргарин, первоначально названный химиком Ипполитом Меж-Моури олеомаргарином. Император был популярен в сельской местности, но доля городского населения стремительно возрастала, и здесь копилось недовольство. Тому были причиной узость монархической конституции, контроль властей над прессой и судом, административное дирижирование выборами и большие расходы военные авантюры.

Реставрация лишила Францию величия, а ее молодежь — героических идеалов, о чем так сожалел Жюльен Сорель в романе Стендаля «Красное и черное» (1830)¹. Деньги и положение в обществе для большинства были привлекательнее республиканских идей. И все же реставрация создала условия для определенного развития, направляемого буржуазией, но с 1860-х гг. включавших и поиск социального компромисса для обеспечения стабильности политической системы. В 1850-е годы правящие круги могли обходиться без этого. Удачная Восточная война 1853—1856 гг. против России и Парижский мирный договор восстановили престиж Франции как великой державы. Экономическая ситуация была хорошей, а массы находились под впечатлением успехов страны и роста собственного благосостояния.

В 1864 году режим Луи Наполеона снял запрет на забастовки. Ранее была смягчена практика трудовых книжек и рекомендаций. При судебном разбирательстве заявления работодателя потеряли преимущества перед

показаниями рабочих. В 1866 году Наполеон III предложил образовать страховой фонд, который помогал бы трудящимся города и деревни в случае потери работоспособности, а также их семьям и вдовам. В тот же год фабричные рабочие получили право создавать профессиональные организации, был ограничен детский труд. Воскресенье стало обязательным выходным днем. Таковой статус получили и другие официальные праздники. Все это дополнило более ранние мероприятия: содействие строительству недорогого жилья с помощью субсидий правительства, созданию больниц для бедных и программы юридической помощи для них, а также развитие школьного образования. Вторая империя подвинулась дальше июльской монархии Луи-Филиппа, известной своим запретом крестьянам жить в одних помещениях со скотом, уже потому, что в 1848 г. французская буржуазия смогла оценить силу возмущенного рабочего класса. Между тем ни создание новых библиотек, специального среднего образования и новых университетов (управляемых при империи бюрократически), ни рост экономики не могли бесконечно продлить реставрацию.

Луи Наполеон в работе «Фрагменты истории» (1841) сам показал: режим Луи-Филиппа не может считаться закончившим революцию, а скорее подобен Стюартам после реставрации, находившимся в «фальшивом положении». «Вильгельм III, напротив, был и по натуре и по убеждению тем, что он представлял собой на престоле. ...Вильгельм III удовлетворил требования своей эпохи и восстановил общественное спокойствие; но если бы он последовал политике Стюартов, то был бы свергнут с престола... История Англии говорит королям во всеуслышание: шествуйте во главе идей вашего века, эти идеи следуют за вами и вас поддерживают»¹. Будущий император осознавал силу естественных общественных тенденций, спрятанных за понятием «идеи», а губительность для власти сопротивления им в 1848 г. доказало крушение режима Луи-Филиппа.

1 Карл-Людвиг-Наполеон Бонапарт (Наполеон III): Его жизнь и сочинения. Составлено по английским, женеvским, брюссельским и французским источникам XIX в. Изд. 2-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - С. 233-234.

Июльская монархия отворачивалась от социальных проблем, тогда как Луи Наполеон не стеснялся рассуждать о необходимости бороться с бедностью, помогать рабочим, давать малоимущим французам землю в колониях. В дальнейшем, придя к власти он показал гибкость в социальной политике и умение играть с общественным мнением. Он старался соединить старые и новые силы, служить мостом между ними. Проблема его «социальной империи» состояла в ином: неспособности решать важные для нации внешние задачи, и нежелании реально допускать к управлению «низы». Причем под этим словом следует понимать мелких и средних собственников. А именно они ранее голосовали за него как кандидата в президенты и утвердили Вторую империю.

Следуя рекомендациям своего покойного дяди, Наполеон III был готов терпеть представительную систему власти, но не понимал — в XIX веке Франции требуется намного больше, чем дал в XVII веке Англии Вильгельм III. Важно и то, что план либеральной империи был абсолютно не интересен консервативной партии супруги императора Евгении, урожденной испанской графини де Монтихо. Она хотела авторитарной империи, а не смещения реставрационного режима к республике. Сила этой партии сыграла решающую роль в развязывании Францией войны с Пруссией в 1870 г. Война же выявила, что кадровый отбор в империи был в основном отрицательным. Нация не пожелала сплотиться вокруг некомпетентности и избалованности регентши Евгении и ее администрации, когда Наполеон III уже оказался в прусском плену.

Более всего реставрационный режим Луи Наполеона подтачивала неэффективность внешней политики 1860-х гг. Военная интервенция в Мексику закончилась провалом и надолго научила французский капитал не вторгаться в освободившиеся чужие колонии. Хуже же всего была нерешительность и невразумительность Парижа в Европе. Правительство Луи Наполеона примерялось ко многим странам, но ни Бельгии, ни Люксембурга к Франции не присоединило. Зато оно допустило усиление Пруссии. В этой стране Отто фон Бисмарк после долгих бесед убедил королевское окружение: Наполеона III опасаться не нужно, он не воплощение революции и даже не призрак своего

великого предка, а посредственность, банкир на троне.

Однако эта посредственность не только недооценивала возросшую при ее попустительстве силу Пруссии, но и переоценивала способности своих салонных маршалов и генералов, а также состояние армии. В Париже воображали возможный конфликт с Пруссией как маленькую победоносную кампанию. Обернулась же она катастрофой.

Реставрация демобилизовала французское общество. Не только белый террор 1815—1816 гг., но также культ денег и комфортабельной жизни в безыдейную эпоху Луи-Филиппа представили миру французов другого характера. Аристократы-иммигранты скорее представляли собой карикатуру на благородный пример человека времен Великой революции и наполеоновских войн. Буржуазный обыватель же совершенно не случайно был восхищен романами Александра Дюма. В таких героях, как Д'Артаньян из романа «Три мушкетера» или граф де Бюсси и шут-дворянин Шико из романа «Графиня де Монсоро», публика видела себя. Она видела действующего в личных интересах человека, ловкого, дерзкого, острого на слово, но не подчиненного идейно течениям своего времени, а достаточно легкомысленного. В этих авантюрных героях проявлялось ослабление интереса к общественной жизни и культ жизни частной. Под влиянием революции 1848 г. и во время Второй империи идеи высокого служения родине или идеалам справедливости (у радикальной оппозиции) пережили своеобразное возрождение. Правительство Наполеона III ощущало потребность в моральной мобилизации общества, его объединении во имя общей цели, сколь бы она ни была ложна. Потому война против Пруссии рассматривалась в бонапартистских кругах как война для общества целебная. Разве Восточная война не укрепила режим?

Франко-Прусская война началась по инициативе правительства Франции. Однако развивалась она совсем не так, как рассчитывали в Париже. Одна армия была блокирована в крепости Мец. Командовавший ею маршал Франсуа Базен ничего не предпринимал для высвобождения или более-менее активного использования сил. Другая армия была окружена в Седане. Командовал ею

будущий президент республики маршал Патрис де Мак-Магон. При армии находился Наполеон III. В сражении под Седаном выяснилось, насколько был прав прусский фельдмаршал Хельмут фон Мольтке, считавший, что французские военные (особенно командование и управления войсками) застряли в предыдущей эпохе. Армия империи сдалась в плен. Попал в плен и император. Ответом на новость о катастрофе стало восстание в Париже. Была провозглашена республика и создано временное правительство.

Временную власть возглавил умеренный республиканец Леон Гамбетта. Он, как и большинство радикалов-оппозиционеров, был против начала войны, но после ее начала считал недопустимым поражение страны. Положение было таково, что республика почти не имела кадровых войск. Особенно недоставало офицеров: они были в плену либо в Меце. Началось создание армии, которую российский военный теоретик Генрих Леер весьма точно назвал в своих лекциях импровизированной¹. Немцы вскоре окружили Париж. Войска республики сражались неудачно. Гамбетта покинул столицу на воздушном шаре. Он прилагал все усилия к тому, чтобы страна продолжала борьбу. Но власть перешла к сторонникам мира. К этому времени Мец капитулировал, и 170 тыс. человек сдались в плен. Это произошло 27 октября 1870 г.

Последовало новое унижение французов. В Версальском дворце была провозглашена Империя германской нации.

В начале февраля во Франции состоялись выборы Национального собрания. Они прошли на основе всеобщего избирательного права для мужчин, которое прочно уже вошло в жизнь Франции и не было отторгнуто ни в империи Наполеона III, ни в послевоенный период. Выборы состоялись на фоне почти непрерывно поступавших вестей о неудачах. Неудачными были и попытки правительства найти поддержку в Англии и России. Перед голосованием стало известно: 80-тысячная армия генерала Жюстена Кленшана сложила оружие в Швейцарии, куда была с боями вытеснена. В итоге противник захватил в плен с начала конфликта почти 500 тыс. французов. От

1 Леер Г.А. Публичные лекции о войне 1870—1871 годов между Францией и Германиею от Седана до конца войны... СПб., 1873.

бесчинства захватчиков страдало мирное население. В незатронутых войной провинциях многим казалось, что нашествие пруссаков — результат глупой политики прежней власти. На выборах победили сторонники мира. Ими оказались не республиканцы, а монархисты и консерваторы, которых и олицетворял угодивший в плен Луи Наполеон.

Правительство национальной обороны сменилось кабинетом переговоров. Во главе его стал консервативный историк Адольф Тьер. Гамбетта пытался вразумить Национальное собрание, но был со скандалом удален и с ощущением бессилия отправился в иммиграцию. Командующий силами добровольцев герой объединения Италии Джузеппе Гарибальди также не смог внушить депутатам, что мир в таких условиях может быть только позорным. Писатель-республиканец Виктор Гюго заявил собранию: «Три недели назад вы отказались выслушать Гарибальди... Сегодня вы отказываетесь выслушать меня. Этого с меня достаточно. Я подаю в отставку. ...я вновь заявляю, что отказываюсь дольше оставаться в этом Собрании!»¹.

В такой обстановке и был заключен предварительный мирный договор 26 февраля 1871 г. Возмущенный им, а также наглым произволом новых властей Париж восстал. Народ провозгласил Коммуну и повел борьбу против правого правительства. Власти бросили на подавление революционного выступления все силы. С готовностью на помощь им пришли германские войска. В глазах Бисмарка успех Коммуны давал радикальный пример трудящимся других стран, с другой стороны, ее разгром и утверждение правого кабинета закрепляли успех Германии в войне и делали Францию слабым потенциальным противником. Умеренность коммунаров в вопросе частной собственности, их осторожное обращение с Банком Франции не помогли восстанию. Провинциальная мелкобуржуазная Франция не поняла и не приняла его. Зато ее представители, облаченные в военные мундиры, подавили Коммуну. При этом они проявили такую жестокость, с которой не шли в сравнение даже зверства пруссаков.

В глазах солдат Тьера коммунары были фанатиками, еще более

1 Гюго В. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 15. М., 1953. URL : <http://booksonline.com.ua/view.php?book=52942&page=130>

радикальными, чем республиканцы, следовательно, способными натворить еще больше бед настрадавшейся стране. Коммуна представляла ультрарадикальное крыло революции, Тьер — партию реакции, являвшуюся также партией сохранения реставрационного порядка. Крупные собственники должны были по-прежнему безраздельно господствовать в стране, лишь используя мелкую сельскую и городскую группу собственников. Коммуна предлагала рабочему классу городов самоуправляться и контролировать владельцев предприятий (рабочий контроль). Однако ее критики из числа более умеренных буржуазных республиканцев не без основания замечали, что новое государственное устройство должно суметь найти опору во всей Франции. На свою беду республиканцы были отодвинуты событиями в сторону. Для Коммуны они были лишь провалившимися говорунами, для партии Тьера — помехой в виде проигравшей группировки.

Коммуна продержалась два месяца и была потоплена в крови. Версальцы ловили и расстреливали в Париже всех, у кого находили следы пороха на руках или кого считали коммунаром. К сотням тысяч убитых на войне добавились десятки тысяч убитых на войне гражданской, возникшей в результате поражений новой республики и крайнего обнищания парижских пролетариев. Даже матрасы многие из них в месяцы немецкой осады Парижа были вынуждены сдать в ломбарды. Не было работы. Нечем было платить за жилье. Но из всего этого не возник четкий план, способный опрокинуть реакционное Национальное собрание и его правительство. Произошло это под влиянием других событий.

Сторонники республики и национальной гордости проиграли выборы, проиграли войну и в роковой момент не смогли ни сдержать или направить радикалов Коммуны, ни остановить палачей Тьера. Настал мир. Германские войска удалились из страны. Эпоха реставрации продолжалась. На этой фазе Великой революции Франция пережила народное движение 1815 г., восстания 1830 и 1848 г., республиканскую революцию 1870 г. и даже коммунаское восстание Парижа 1871 г. За мир пришлось дорого заплатить: республика была

обязана выплатить Германии золотом или равноценными золоту прусскими, бельгийскими, английскими или иными ценными бумагами 5 млрд франков. Причем последний платеж должен был произойти не позднее 1874 г. Год этот имел особое значение, о коем знал Бисмарк, но едва ли догадывался Тьер. Он ощущал себя победителем и был согласен оставаться президентом республики, даже терпеть это странное слово «республика» как часть названия французского государства, лишь бы все оставалось как есть.

На мировом рынке дела шли неплохо. Сказывалось строительство железных дорог в США и Германии, а это настраивало французскую буржуазию на оптимизм. Огромная сумма могла быть выплачена Германии в условиях экономического роста без больших затруднений. Экономический кризис закончился в 1869 г., и экономисты могли рассчитывать, что следующий спад случится не ранее 1877 г. Однако случился casus 1873, внепланово разразился тяжелейший мировой экономический кризис 1873—1880 гг. Это событие, а также планы Германии помогли Франции выйти, наконец, на финальную стадию революции — закончить реставрацию. Но если говорить о кризисе и последовавшей депрессии, то они создали особые условия борьбы партий, неизменно демонстрируя: монархисты не в состоянии обеспечить стране выход из кризиса и бурное экономическое развитие. Падение в тесно связанной с внешними рынками текстильной промышленности было особенно сильным. Распространение в мире протекционизма поставило перед Францией вопрос о поиске новых рынков, каковыми могли быть прежде всего колониальные территории. Для их захвата страна должна была обладать гибкой и эффективной политической системой, отвечающей задачам развития в ней капитализма и его экспансии во вне.

Успех партии реставрации (монархической партии в широком смысле) после разгрома Коммуны 1871 г. казался столь серьезным, что многим грезилось возведение на трон даже не Наполеона IV (Маленький принц), а представителя Бурбонов графа Генриха де Шамбора. В начале 1873 г. Тьера на посту президента сменил Мак-Магон. Он начал чистку государственного

аппарата от явных и скрытых республиканцев. Свобода собраний была ограничена. В конце года срок полномочий маршала-президента был увеличен до семи лет. Это казалось неплохим ответом на некоторые экономические затруднения и подходило для решения вопроса о восстановлении монархии. Палата депутатов предложила корону графу Шамбору. Правым политикам казалось ясно, что смена династии пойдет на пользу стране, уставшей от второго Бонапарта и рассчитывающей на мир и деловое процветание.

Шамбор оказался на редкость неадекватным положению человеком. Он отказался принять трехцветное знамя, что даже Мак-Магон счел нелепым. В отличие от представителя Бурбонов президент понимал: страна прошла век бурных событий и не способна быть прежней. Мак-Магон не мог не сознавать, что монархия лишь прикрывает постреволюционный порядок в экономике и распределении власти между классами, а не восстанавливает старый строй. Белое знамя с лилиями было здесь неуместно, поскольку работало бы на раздражение общества.

На раздражение общества сыграло само предложение короны Шамбору. Отныне — в условиях нараставшего экономического кризиса — республиканские политики могли говорить, что деньги государства пойдут на двор совершенно ненужного народу монарха, тогда как у Франции столь велики проблемы в образовании и столь много граждан не имеют заработка. Однако это было не все. Существовала еще проблема безопасности страны. В результате популярность республиканских идей лишь возросла, тем более Гамбетта и его товарищи вели активную агитацию в провинциальной Франции. Их план состоял в том, чтобы показать консервативному обывателю, сколь полезна республика, и тем снять страх перед ней как неким анархическим порядком, где не будет уважения собственности.

Конец реставрационным надеждам положила не глупость очередного возможного претендента, а умеренная республиканская конституция. Во Франции была учреждена президентская республика с двухпалатным парламентом, а вовсе не некая радикальная однопалатная парламентская

система власти как в 1792—1794 гг. На пятом году существования республики (если считать с 1870 г.) страна получила весьма умеренную конституцию. Ее не просто долго писали. В обществе шла активная борьба монархистов и республиканцев, уже разделившихся на правых и левых. Последние сохраняли верность радикальной демократической Бельвильской программе 1869 г.

Гамбетта сумел убедить мелкобуржуазную провинциальную Францию в выгоды республики. Дух ее в тот период воскрешается в литературе, изобразительном искусстве и музыке. В 1874 году выходит роман Гюго «Девяносто третий год», где речь идет о борьбе старой и новой Франции в 1793 г. В романе сложные нравственные идеалы революции и ее дух просвещения сталкиваются со слепотой, что было крайне актуальной постановкой вопроса в тот момент. «Способен ли был такой слепец принять благословенный свет?» — этот вопрос автор адресует не только мятежникам-роялистам провинции Вандея, но и французским обывателям¹. Они сами спрашивали себя в тот момент: пассивность и далее или республика? Восемь тысяч копий книги были распроданы всего за 12 дней. Последовало новое издание.

Идея республики брала в обществе верх.

Подобно маршу *Lillibullero* в момент Славной революции в Англии, во Франции популярной становится своя песня — новый гимн революции, «Полк Самбры и Мааса» (*Le Regiment de Sambre et Meuse*). Еще в 1867 г. композитор Робер Панкет пишет музыку на патриотические стихи Поля Сезана, а в роковом 1870 г. Франсуа-Жозеф Роски аранжирует мелодию в марш, который становится новой «Марсельезой». В Третьей республике ее популярность будет столь велика, что в обязательном порядке эту песню о воинах революции из полка Самбры и Мааса будут учить в школах.

В 1880 году во Франции была проведена общая амнистия, фактически амнистия коммунаров. Это случилось под давлением народного движения в столице, видевшего героев в тех, кого реакция именвала преступниками. Республиканцы почувствовали необходимость опереться на эту тенденцию.

1 Гюго В. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 15. М., 1953. URL : https://bookz.ru/authors/gugo-viktor/so4ineni_903/page-15-so4ineni_903.html

Один из лидеров французских коммунистов XX в. Жак Дюкло так описывал процесс: «Когда Гамбетта узнал, что бывший член Коммуны Тренке избран муниципальным советником от квартала Пер-Лашез, в то время как кандидат, которого поддерживал Гамбетта, потерпел поражение, он убедился в необходимости что-то предпринять. ...Реакционеры и клерикалы не сложили оружия и продолжали кампанию злобной клеветы на побежденную Коммуну, которая так сильно напугала их когда-то. Но республиканцы, которые тоже были напуганы ею, начинали осознавать, что Коммуна спасла республику. ...Героическая борьба Парижской Коммуны сделала невозможной реставрацию монархии»¹. Амнистия коммунаров показала, что страна стала не только формальной, но и фактической республикой, где невозможно игнорировать столь важный для нации вопрос.

Еще до амнистии Гамбетта попал под потоки критики слева за недостатки нового основного закона. Однако он был принят и реставрационным надеждам монархистов был положен конец. Тридцатого января 1879 г. Мак-Магон сложил с себя полномочия. Вместе с ним в прошлое ушла реставрация. Амнистия завершила процесс славной революции, в которой Парижская коммуна сыграла немаловажную роль, показав, что реставрационный порядок обречен все более опираться на насилие, тогда как неприятие его будет только возрастать. За годы реставрации городское население Франции увеличилось более чем на 2 млн человек, и городское население сказало свое слово. Этим словом была «республика».

Ни выросший при реставрации рабочий класс, ни мелкобуржуазные радикалы не были удовлетворены такой республикой, что дала конституция. Однако они получили возможность влиять на политический процесс и бороться за расширение прав и свобод. Как и в Англии, этим революция завершилась, т.е. была произведена Славная революцию, или реставрирующая революция. Частями ее было восстание в Париже 1870 г. — ответ на сообщение о капитуляции армии императора под Седаном, знаменитая Парижская коммуна

1 Дюкло Ж. На штурм неба. Парижская коммуна — предвестница нового мира. М., 1963. URL : <https://www.rulit.me/books/na-shturm-neba-parizhsкая-kommuna-predvestnica-novogo-mira-read-181499-60.html>

1871 г. и ее подавление нашедшими опору в остальной Франции силами реакции. Была иммиграция вождей республиканцев, не веривших в восстание столичного рабочего класса, их возвращение и работа по консолидации сил способных остановить реакцию. Уже при республике они поведут решительную атаку на позиции клерикалов в системе образования и выбьют их с них. Университеты станут не бюрократически управляемыми высшими учебными заведениями, а самоуправляемыми универсальными научно-образовательными центрами. Однако для всего этого нужно было закончить реставрацию. И она была закончена при участии масс (как и в Англии) и под их нажимом. Республика, которую приняло и добилось общество, дала народу возможность участвовать в управлении государством.

В 1877 году правительство Мак-Магона вновь оказало давление на выборы, но республиканцы получили большинство. Возможно, в этот момент монархисты осознали: конституция 1875 г. не является временной мерой, формальностью для обеспечения общего порядка, а становится окончательной заменой практики неотложных дел без конституции в стиле Тьера и надежд на возрождение монархического правления.

С точки зрения класса буржуазии умеренная республика и умеренные республиканцы как ее контролеры была лучше нестабильной монархической системы, время которой навсегда прошло. Республика обуздывала массы, определяла границы возможных действий и реформ, а также давала возможность более гибко управлять государством. Однако был еще германский фактор. Он определял принципиально важную внешнюю границу эпохи реставрации и диктовал необходимость окончания этого этапа Великой революции именно в 1870-е гг.

Когда для Бисмарка настало время писать воспоминания, он сожалел, что в 1873—1874 гг. Германия не смогла устроить повторный разгром Франции. В военном отношении в империи германской нации все было готово. У французов же ничего не было толком подготовлено. Новые казнозарядные полевые пушки начали поступать в войска лишь в 1875 г. Правое монархистское правительство

страны едва ли было способно организовать оборону хотя бы на уровне временной республиканской власти 1870 г. Оно противостояло широким слоям общества, контролировать которые могло лишь в условиях мира. Если Германия лишала Францию мира, то неизбежно должен был последовать политический кризис, причем радикальная республиканская программа (тесно связанная с обороной и вполне отражавшая идею национальной гордости) могла получить поддержку уже не только в Париже и некоторых областях страны, а повсеместно. Повторная же война была способна привести к более глубоким социальным преобразованиям, к пересмотру прав и изъятию состояний крупных собственников. Коммуна здесь не могла быть забыта.

В 1874—1875 годах Франции удалось избежать позора и унижения только из-за позиции Великобритании и России. Вместе с этим страна избежала потери места среди государств глобального центра капитализма. Случись повторный и притом более серьезный, чем в 1870—1871 гг., разгром, Франция могла стать зависимой от Германии или лишилась бы энергии для колониальных захватов, необходимых с точки зрения преодоления кризиса в экономике и общего развития. Дело могло дойти до революции, но в любом случае большая кровопролитная война не была полезна для национального развития. Между тем война была возможна, а некомпетентность и неэффективность монархистов, с точки зрения обороны, была очевидна. Они показали ее в недавней войне и являлись виновниками поражения.

Внешнее давление — угроза новой страшной и неудачной войны — подтолкнуло провинциальную Францию к пересмотру своих воззрений. Реставрационные игры нужно было пресечь хотя бы для того, что бы быть способными к борьбе на большой карте. Все это не могло не сделать более внимательными слушателей республиканских ораторов, а капитал побудить к поиску опоры в новой политической организации и отстаивающих ее силах.

Войны не случилось, но республиканцы стали получать поддержку. Они побеждали на выборах, как бы исполнительная власть не препятствовала этому. А победа на выборах в мягкой форме выражала глубокое изменение

общественных настроений. Республика стала необходимой, республика стала желанной, республика дала механизм борьбы различных сил общества, но первые, кого она уничтожила, были монархисты. К 1880 году быть монархистом стало невыгодно, и когда в 1879 г. газеты сообщили о смерти на англо-зулусской войне принца Наполеона, это воспринималось обществом без особого огорчения. Францию больше интересовали выборы президента, осуществляемые депутатами. Победу на них с большим отрывом одержал республиканец Жюль Гриви, а Мак-Магона граждане проводили без сожаления как старый призрак никому не нужных монархий.

Так завершилась французская реставрация и началось упрочение республики.

Краткое обобщение. В рамках великого революционного процесса во Франции реставрация началась после военной катастрофы 1814 г. и была связана с усталостью общества от больших военно-политических задач; реставрация не единожды давала сбой в форме революционных выступлений против монархии — в 1815 г. на 100 дней вернулся Наполеон, в 1830 г. народ изгнал короля Карла X, но реставрационная эпоха продолжилась под началом короля-буржуа Луи-Филиппа, в 1848 г. его смело новое восстание, но эпоха реставрации с 1851 г. продолжилась в форме империи Наполеона III; для французской реставрации было характерно раннее очищение от аристократической партии с ее феодальной неадекватностью, а также постепенное символическое возрождение героической эпохи Наполеона; во Франции реставрация гораздо больше, чем в Англии предстает подделкой дореволюционной монархии, но именно потому она и является так долго приемлемой для общества и устойчивой; конец реставрации был положен не в силу республиканского восстания 1870 г. или Парижской коммуны 1871 г., а из-за необходимости иметь эффективную республиканскую систему власти, способную организовать оборону от возможного нового немецкого вторжения и ответить на затяжной экономический кризис (1873—1879) новыми

колониальными захватами, наконец, республика только и могла консолидировать нацию, где «низы» не желали более терпеть безраздельного господства «верхов», тем более не подкрепленное экономическими благами, как в период Второй империи.

Глава 6. Механика славных революций, выводы для России

(189-204 стр. в бумажной версии книги)

Славная революция по-французски растянулась почти на десять лет. Она имела ряд драматических эпизодов, среди которых особое место занимают франко-прусская война с провозглашением республики и Парижская коммуна. Партия сохранения реставрации сумела преодолеть эти преграды, но оказалась бессильна перед лицом угрозы нового разгрома и тяжелейшим экономическим кризисом. Ее представители тешили себя надеждой, что король и флаг с лилиями покажут Францию рядовой европейской державой с почтением к старому порядку и тем смягчат отношение к ней. Однако развитие страны требовало иного. Нельзя было ограничиться успокоением Бисмарка, подобно тому, как в 1830 г. сохранением трона после восстания в Париже Франция успокаивала реакционных европейских монархов.

Внешний фактор и экономическая необходимость перемен выразились в позиции большинства граждан. Именно в результате этого, не в форме одного народного восстания или военного переворота, а через последовательную борьбу масс против реакции Франция завершила реставрацию. Роль масс здесь оказалась решающей, пусть она и не была выражена в одном порыве, а раскрылась в упорной борьбе республиканцев и монархистов.

В Великобритании 1680-х гг. внешний фактор также сыграл важную роль, в том числе оказав влияние на широкие слои общества. Принц Вильгельм, прибывший с войсками в Англию, им не являлся. Фактор этот олицетворял король Франции Людовик XIV. Протестантская буржуазная Англия должна

была пресечь его амбиции (флот «короля-солнца» был тогда намного сильнее английского). Существовала угроза разгрома Нидерландов, а после установление французского господства на всех торговых путях и важнейших заокеанских рынках. Французы только ждали момент, когда представитель их королевского дома унаследует испанский трон, так как своих наследников там не было. Это означало создание не имеющей прецедента по силе католической мировой империи. Король-католик Яков II унаследовал от Кромвеля и своего брата Веселого короля Карла II отличную армию и флот. Яков был другом французов, а следовательно, являлся лишним, инородным элементом в системе власти, сам не понимая того. Ситуация была подобна той, что имела бы место, будь президентом России в разгар обострения отношения с ЕС и США политик типа Алексея Навального, сторонник уступок врагу и отказа от протекционизма. Его свержение было бы делом чести для огромного количества людей, включая массу военных, полицейских и чиновников. Все это при условии того, что реставрационная эпоха прежде выполнила свою работу: породила структуры и дала обществу отдохнуть от великих свершений прошлого.

Все это показывает, что реставрации заканчиваются не только из-за внутренних условий. Внешнеполитическая ситуация играет едва ли не решающую роль, выступая катализатором процесса. При ее помощи становится очевидной необходимость срочно отказаться от культурных и политических мероприятий, якобы должных завершить обратное историческое движение и преодолеть наследие «случайной» революции. Общество меняет символы: возвращается на их уровне в героическую эпоху.

В обществе падает интерес к авантурным литературным персонажам, действующим в собственных интересах и лишь лавирующим в потоке исторических событий. Становятся более востребованные герои принципа, общественного интереса, критики, но не циники. По этой причине Франция периода становления Третьей республики с упоением принимала творчество Гюго. Грандиозные похороны этого писателя в 1885 г. стали демонстрацией

всенародного одобрения республики и разделение ее идеалов, которым Гюго был верен. Горе и честь маленького человека, его природное право быть свободным, не унижаться даже в самых трудных ситуациях — все это выражало республиканские идеалы Великой французской революции. Какие бы недостатки не имел прозаический стиль Гюго, дух его произведений был велик. Французское общество нуждалось в этих уроках, поскольку исторически дозрело до них, так как совершало славную революцию своей национальной истории.

Вместе с окончанием реставрации выясняется, куда же, в самом деле, должна была привести общество революция. Было ли это аскетическое протестантское общество свободного труда в рамках союзных общин без лендлордов и присваивающего себе право быть представителем бога правителя, не желающего слушать общины? Была ли это свободная республика мелких собственников, трудящихся в тени великих конституционных свобод? Быть может, социализм в отдельной стране с культурно и политически развитым рабочим должен стать итогом славной революции в России? По всей видимости, радикальная постановка задач, прорыв вперед так далеко, как еще даже невозможно уйти, является признаком великих революций эпохи капитализма. В дальнейшем многое намеченное радикальными революционерами становится возможным. Однако выходящее из эпохи реставрации общество решает более умеренные задачи в весьма специфических условиях. Оно в массе не разделяет максималистских мечтаний великого революционного момента, но оно также не грезит дореволюционным прошлым. При этом трудящиеся классы вынуждены стать политически более активными.

Что же получилось с радикальными надеждами 1917 г.? Спустя 100 лет было видно: социализм как новый общественно-экономический строй отложен до момента зрелости всемирных условий, что требует в случае России промышленного развития, а значит, сопротивления внешним противникам. Их нажим в 2017—2018 гг. сделался более сильным, а глобальный экономический кризис (выразившийся на время менее ярко из-за выросшей до 85 дол. за

баррель цены на нефть) продолжал требовать отказа от неолиберальной политики. Положение на рынке труда оставалось сложным, 9,9% россиян назвали себя безработными в опросе Сбербанк, а еще 11,1% — занятыми лишь частично¹. В такой обстановке кабинет Дмитрия Медведева считал возможным повысить пенсионный возраст, но при всем желании либеральные экономисты во власти не могли закрыть программу материнского капитала. Она даже была расширена и продлена до 2021 г. Таково было давление низких продаж, выражавшее возросшую зависимость капитала от внутреннего рынка. С другой стороны, реализация плана полной коммерциализации медицины обвалила бы продажи лекарств и не привела бы к частым обращениям к врачам. Следовательно, по этому пункту возврат в дореволюционную Россию также оказывается невыгодным. Однако реставрационная эпоха не могла быть закончена в результате нескольких действий, пусть даже подкрепленных усилением промышленного и торгового протекционизма. Перечисленные признаки лишь частично выражали исчерпания реставрационного процесса и необходимости в обратном движении к революционным принципам, которое требовало особых событий.

Россия подошла к пределу экономической реставрации. Высшая бюрократия сумела это оценить. Она стала проводником изменений, наблюдая, как наличие более развитых демократических механизмов в Бразилии и Южной Африке облегчило для США задачу обезвреживания этих потенциально опасных центров капитализма. С другой стороны, масса российских граждан была недовольна ухудшением своего материального положения. Как выразился российский политолог Сергей Рунько, представители средних слоев мечтали о том, чтобы вернуться в 2007 г. Тогда они больше зарабатывали в долларах и могли дешевле отдыхать на турецких курортах. Однако прозападная либеральная оппозиция не смогла использовать эти настроения для захвата власти в 2017—2018 гг. Причиной тому было недоверие широких масс прозападным политикам. Основано оно было на горьких уроках первой фазы

1 Ремизов Д. Засекреченная безработица. URL : <http://www.19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/83670-zasekrechennaya-bezrabotitsa>

реставрации. При этом наблюдалось снижение симпатий к президенту. В ходе выборов президента общественная повестка дня сместилась влево. Массы показали, что желают более развитой социальной политики. Это принудило Путина вести избирательную кампанию с учетом этого факта. Более того, было санкционировано выдвижение умеренно-левого кандидата — бизнесмена Павла Грудина. Произошло это после того, как власти убедились: Путин не сможет собрать реальную поддержку избирателей, как в 2012 г., на одной лишь полемике с либеральными кандидатами. Попытка сместить предвыборную повестку вправо осенью 2017 г. провалилась. Правящие круги дали общественным настроениям выход.

Победив на левом поле, а не как центрист, Путин вынужден был столкнуться со всеми последствиями изменения настроений в стране. Общество устало от неолиберализма и не желало молча пропускать инициативы министров, о которых президент якобы ничего не знает. Не работали пропагандистские отсылки к православию, «поруганной династии» или необходимости десоветизации и десталинизации. Массы желали слышать о советской эпохе только хорошее. Стремление гордиться ее достижениями, возродившись в 2014 г., только усилилось под влиянием американских санкций. Если в США рассчитывали этим помочь своим сторонникам победить во власти, то эффект получился обратным. С точки зрения процесса российской национальной истории, запущенного в 1917 г., это влекло за собой трансформацию реставрационной системы. Она оказалась в условиях внешнего конфликта и экономической потребности в другом курсе. Это влекло за собой частичное преодоление реставрационной политики, даже ширящееся ее преодоление, но не окончание самой эпохи реставрации, так как компромиссная для классов политическая система еще не существовала. «Верхи» могли учитывать или игнорировать запросы общества, но оформленной в реальную республику с открытой борьбой партий системы в России не существовало. Подобным было и положение в Китае, где политических свобод имелось еще меньше.

Российское общество в 2016—2019 гг. демонстрировало признаки возможного выхода из частной жизни на простор общественной жизни. Власти реагировали на сигналы. В массах же еще только пробуждалось чувство достоинства, которое продолжит крепнуть в форме национальной гордости по мере развития национального капитализма, что обеспечит в дальнейшем полное политическое завершение реставрации — славную революцию. До этого момента, видимо, бюрократия выполнит в значительной мере работу по возвращению капиталов в страну (включая перерегистрацию компаний в России), привлечет и переселит множество рабочих из других государств. Последним гражданам едва ли будут массово удовлетворены, так как станут не без основания оценивать этот процесс с позиции работников, сталкивающихся с ростом конкуренции на рынке труда. Континентальный экономический и политический блок в Евразии, вероятно, также будет выстроен «верхами» без активного участия и понимания большей части общества. Небольшим может оказаться и влияние широких масс на переход русского нового меркантилизма к приоритетной ориентации на внутренний рынок, тогда как ориентация на внешний рынок явно превалировала с момента второй волны глобального кризиса.

Исторические условия к концу второго десятилетия XXI в. в России были таковы, что изменения могли происходить сверху и лишь под нажимом «низов». Это «консервировало» реставрацию, словно бы откладывая политическое ее завершение. На деле массы не имели ни достаточной зрелости, ни понимания границ возможного. Максималистская левая агитация внушала одной их небольшой части возможность восстановления социализма, одновременно пугая другую — большую часть хотя бы своим отрицанием рынка. Трудящиеся этой группы ощущали, что замена экономического принуждения к труду может произойти в экономике современного типа лишь внеэкономическим принуждением. Потому принятие СССР на культурном и патриотическом уровне не означало для широких слоев общества принятие его хозяйственных практик. С другой стороны, либеральная прозападная оппозиция апеллировала

к мертвой идее «свободного рынка». Массы отторгли также грезы консерваторов белогвардейского толка как не имеющую отношения к реальной России архаику.

Если русское общество и не дозрело до завершения реставрационной эпохи вполне, то оно созревало. Этот процесс должен был на протяжении 2020—2045 гг. подгоняться экономическим развитием.

Завершение реставрационной эпохи на экономическом уровне должно выразиться в соединении широкой социальной политики государства с усилением его регулирующей роли, таможенным и иным протекционизмом, а также концентрацией ресурсов (включая важнейшие производства) в руках правительства¹. Для проведения такого курса необходимо полное удаление неолиберальной бюрократии от рычагов управления. Процесс этот займет немало времени и будет, вероятно, сопряжен с острой борьбой еще только формирующихся в России партий новой эпохи. Славная революция как его кульминация может отложиться до окончания повышательной волны, если бюрократия проявит гибкость и дальновидность, а может произойти гораздо раньше. И чем более подготовленной она окажется, тем большим будет переворот в политической системе. Он не уничтожит капитализма, но закрепит важнейшие изменения, вызванные Великой революцией. Правда, для этого общество должно стать более зрелым во взглядах и солидарным, политически грамотным и рациональным, а формирование нации должно приблизиться к завершению. По всей видимости, предпосылки эти будут созданы в процессе бурного хозяйственного развития.

Учитывая, что революция в России в момент кульминации и на бонапартистском этапе зашла дальше более ранних модернизационных революций, с полным основанием можно поставить вопрос: не будет ли ее славная революция столь же радикальной? Сама эта революция должна иметь место после провозглашения многими левыми начала заката капитализма, будто

1 Победить третью волну: почему протекционизм, социальное государство и регулирование выведут нас из кризиса: доклад Лаборатории международной политической экономики кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического института им. Г.В. Плеханова, 10 мая 2017 г.

бы выразившегося за XX в. во множестве этапов. Легенда эта дает опору надеждам на скорое возвращение «социализма», сколь бы буржуазными ни были запросы рабочего класса и сколь бы ни малы были еще предпосылки для преодоления труда. Обоснована ли такая надежда? Будет ли конец реставрации в России вторичной революцией такого вида, что воплотит многие ожидания большевиков? Ответ на эти вопросы во многом дает анализ реставрационных эпох, поскольку именно в них предстает общество и структуры экономики в том виде, что во многом сохраняется после Славной революции.

Все это касается и Китая, гораздо лучше использовавшего возможности реставрации в рамках собственной великой революции. Но само китайское общество являлось менее развитым, чем общество в СССР. Оно больше подходило для решения задач, которые стояли перед глобальным капитализмом. Россия же и другие постсоветские страны оказались в одном ряду с западными экономиками, где капитал счел сохранение всей ранее созданной индустрии политически опасным и менее выгодным экономически, чем поиск внешних вложений. Китай принимал капиталы. Россия их отдавала через офшоры. При этом страна оказалась в компании старых капиталистических держав и по другому признаку — склонности к неолиберальным реформам. Китай медленно (даже очень медленно) выстраивал социальную систему, власти России ее подтачивали и разрушали. Правящие круги не смущала культурная деградация общества, тем более что она во многом повторяла процессы в Западной Европе и Северной Америке.

Великую китайскую революцию нельзя считать завершенной, пока реставрация в этой стране не будет закончена. Здесь события, возможно, будут развиваться не только как в России, но и в историческом единстве для обоих государств. Общим является конфликт с США, что диктует объединение усилий. Это не снимает противоречий: восстановление российской индустрии нуждается в ограничении ввоза китайской продукции, что может вести к росту взаимной торговли, так как будет меняться модель обмена, сам же он будет все более расширяться. Такой сценарий не отменяет вопроса о балансе классовых

сил в Китае и России после реставрации. Какие группы буржуазии славная революция уничтожит? Какой договор неформально заключат различные группы буржуазии и рабочего класса? Как он может быть политически оформлен и даст ли это основу для объединения евразийских государств в новое государство? Все это невозможно предугадать, поскольку логика великих революций реализуется всякий раз в различных условиях и на разном этапе мирового капиталистического развития. Не только географические, но и социально-экономические условия каждый раз оказываются отличными от условий более ранней великой революции.

Реставрация в Англии восстановила союз городской и сельской буржуазии с классом знатных землевладельцев, который прошел экономическую перековку, — опирался на новые отношения, рынок и частную, а не феодальную собственность. Он был младшим партнером в блоке с капиталом, при том что сделка была перезаключена на условиях последнего. В случае Франции в эру реставрации имела место экономика наемного труда при господстве банков и акционерных компаний. В обоих случаях в эпоху реставрации довершалось оформление экономических структур, которым суждено было перейти в последующую фазу процесса. Она не являлась только фазой отката революции, а была необходима с точки зрения логики национального капиталистического развития.

Великая французская революция запретила и уничтожила акционерные компании как преступные, несправедливые и привилегированные организации. Реставрация восстановила их, дала им возможность развиваться, прийти в транспорт и индустрию. На следующем этапе они господствовали в экономике. Но все это происходило в условиях новой политической организации общества.

В России полное преодоление реставрации, завершение ее на политическом уровне, вероятно, уберет от власти связанную с неолиберальной эпохой группировку. В процессе она может лишиться немалой доли имущества. В этом смысле славная революция по-русски может стать радикальней предшественниц в Англии и Франции, особенно если эти богатства будут

национализированы и станут основой расширения экономической политики государства. Национализации через превращение акционерных компаний в государственные предприятия может подлежать вся сырьевая сфера экономики. Управление ресурсами для развития своего рынка и направление прибыли на инвестиционные и социальные программы может стать крайне необходимым, а промежуточные формы этого (лишь с долей государства и для него) будут уже недостаточными — перестанут соответствовать потребностям общества и равно его пониманию. Подобное развитие событий вновь подтвердит буржуазный характер революции в России в том смысле, что уничтожение класса буржуазии должно было помочь модернизации страны, ведущей к восстановлению частной собственности и буржуазии. Призрак коммунизма лишь на время показался материализованным в советском обществе.

Пока славная революция в России не произошла, вопрос о социализме остается открытым на практическом уровне. Размышляя об этом, екатеринбургский философ Андрей Коряковцев заметил, что проблема имеет решение, только если отделить формы общественного сознания от форм общественной практики, мыслимое от практического, говоря упрощенно. В результате окажется, что советское общество оставалось рыночным, представляя специфическую модель управляемого рынка, а так называемая реставрация капитализма была лишь попыткой такой реставрации, результатом которой стала другая модель управляемого рынка. То есть капитализм никуда не исчезал из недр общества, где он скрывался в средствах производства, отношениях между работодателем и наемным работником, а также в неудовлетворенных бытовых потребностях людей.

В «Нищете философии» (1847) Маркс указывал, что мельница создала феодализм, а паровая машина — капитализм. Он писал: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹. Последнее полностью отразит реальность, если уточнить: промышленный капитализм, родившийся в 1770-е гг. в ходе

1 Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. URL : <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Misere/misere-2.html#c2>

промышленной революции в Англии. По этой же логике границей капитализма является не рационализация народных масс, важная для начала модернизационных революций, а развитие средств производства до уровня возможности уничтожения труда. По этой логике борьба за социальную республику и влияние в ней прогрессивных сил не является отвлечением трудящихся от работы по слову капитализма и восстановлению социализма (социалистическая революция в понимании немалой доли левых), ибо все обстоит ровно наоборот. Великая русская революция не может быть повторена ни в результате двукратного, ни в результате троекратного прочтения работ Ленина и даже заучивания абзацев из советского учебника «Исторический материализм». Русская революция, как и революция китайская, может быть лишь продолжена, что означает движение в направлении социализма. Ибо только социальная — не олигархическая и притом фактическая республика позволит в условиях наступающей автоматизации в экономике повести наступление на труд как явление, порожденное экономической необходимостью. Это даст возрастающей группе населения возможность трудиться творчески, развиваться и вести развивающую общество и их самих деятельность, не опасаясь остаться без средств на жизнь. В результате материальное развитие дополнится развитием самого человека, что и позволит далее, при наличии материальных условий, всему обществу шагнуть в новое общество.

Какие бы жуткие катастрофические формы ни приняла реставрация в России, она была исторически необходима. Ее закономерность подтверждена сходством логики великих революций. Сходство это должно сохраняться и в окончании реставрационного периода. Этот процесс можно назвать славной революцией, реставрирующей или вторичной революцией. При этом последний термин несет в себе риск чрезмерной оценки революции. Она же вовсе не повторяет основную революцию. Она также не устанавливает политической системы или экономического порядка, видевшегося наилучшим в момент революции. Нравственные идеалы революции иначе воспринимаются в момент

славной революции. Иным является общество. Выходя из реставрации, оно «развращено индивидуализмом» и в ходе славной революции во многом заново учится солидарности и политической последовательности.

Славная революция, это не восстановительный акт в чистом виде. Она создает на новой, более прочной, чем в момент революционной ломки, социально-экономической базе систему власти и законов, общественных структур, соответствующих задачам революции в целом. Славная революция — революция политическая, тогда как преодоление реставрации процесс многосторонний, подготовляющий ее как свое завершение.

В случае славных революций обратное движение к некоторым поднятым на революционные знамена принципам и формам происходит не автоматически. Должны соединиться страх «верхов» — имущих классов, возникших благодаря революции или изменившихся под ее влиянием (некоторые крупные землевладельцы), перед комплексом угроз, включая внешнюю, и готовность широких масс пресечь явно не выгодные им планы сторонников сохранения реставрации. Когда это происходит, спящее общество сбрасывает рутину повседневности и приходит в движение. В результате «низы» завоевывают долговременный политический компромисс с правящим классом, дающий им возможность отстаивать свои интересы по конституционным правилам. Затем они постепенно расширяют свои права и возможности. Правящий класс ощущает потребность в этом компромиссе, поскольку благодаря ему получает возможность эффективно действовать в новых мировых исторических условиях. В Англии то были победоносная война с Францией и экономическое подчинение Нидерландов, во Франции — энергичные колониальные захваты Третьей республики в 1880—1890-е гг. В России этим результатом может оказаться евразийская экспансия капитала при одновременном соединении стран в единый рынок.

Политическое завершение реставрации, предстоящее России, не безболезненный процесс. Его форма может быть относительно мирной. Но едва ли процесс развернется исключительно как реформа. Таких примеров история

не знает. Роль масс является решающей в революции. Их пассивность и лишь временами нарушаемая социальная спячка в эпоху реставрации создает обманчивое впечатление, тогда как в момент славной революции они вновь приходят в движение. Их активность возрастает и оказывается повышенной после политической революции. Но активность эта находится в русле новой конституции. Славная революция есть политическая доводка нации и государства, тогда как социальный переворот происходит ранее, экономическая основа общества окончательно оформляется реставрацией. К моменту этой доводки должны быть уничтожены остатки феодализма и феодальный класс, но необязательно исчезают реакционные надежды.

Ликвидации, в ходе славных революций, подлежат лишь те силы, которые прямо препятствуют созданию республиканской в широком смысле политической системы. Само понятие «республика», согласно Полибию, соединяет монархию и демократию. Потому конституционная монархия и буржуазная республика близки. Безжалостно, с исключением всякого компромисса в процессе славной революции удаляются лишь силы, прямо стоящие за обратное движение общества, — за восстановление старого порядка. Угроза для общества с их стороны оказывается непереносимой в условиях, когда необходимо сделать обратное — ответить на вызовы экономического кризиса и внешний конфликт. При этом опыт Франции показывает: радикальная реакция может устраняться восстанием, но это не имеет прямым следствием завершение реставрации, поскольку она как процесс еще не выполнила своей работы. Восстания, таким образом, играют корректирующую роль.

Владимир Ленин отмечал, что для революции мало того, чтобы «низы» не хотели жить, как ранее, терпя особенные материальные бедствия. Требуется еще, «чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде»¹. В этом состоит революционная ситуация, которая переходит в революцию, когда возрастает активность масс. Побуждает же их «к самостоятельному историческому выступлению» ситуация кризиса и имущие классы². Такая

1 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 23. М. : Политическая литература, 1973. С. 300.

2 Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 26. М. : Политическая литература, 1969. С. 218.

характеристика условий революции соответствует началу каждой из великих революций в истории капитализма. Однако в ходе славной революции нет класса, который бы подлежал ликвидации. Есть лишь наиболее реакционная группировка капиталистов, устранить которую (как минимум от власти) стремятся как эксплуатируемые классы, так и многочисленные группы буржуазии. В случае Франции 1870-х гг. не было даже риска обратного движения общества к феодализму, вопрос стоит лишь в продолжение реставрационного режима с теми или иным символическим оформлением.

Готовность имущих классов к компромиссу с трудящимися является необходимым условием успеха славной революции. К этому компромиссу они должны быть принуждены, что выражается в не раз упомянутой внешней угрозе и движении масс. Возникновение и развитие народного движения, повышение активности «низов» является тем фактором, без которого окончание реставрации как периода великой революции не может произойти. Сама эта активность происходит из разворота трудящихся классов от своей повседневной жизни к проблемам, стоящим перед нацией при явной неспособности «верхов» решить новые задачи. Их способность — гарантия продолжения реставрационной эпохи. Но в обратном случае произвол властей, роскошный образ жизни богатой буржуазии, несправедливость налоговой системы, ограниченность гражданских прав и свобод, фиктивность выборов, бедность и безработица — все начинает обращать на себя внимание людей. Они вдруг замечают множество пороков общества, но главное, они ощущают их нестерпимость. Все это происходит в результате падения уровня жизни и повышения сложности решения людьми своих повседневных задач. Пропадает вера в якобы или прежде реально обеспеченные материальные возможности. Общество созревает до перемен.

Так политика становится сначала повседневным интересом, а затем повседневным делом миллионов людей, ранее выглядевших в глазах элиты удовлетворенными. Вместе с этим становится ясно: система реставрации ничего не в состоянии уже дать и «верхам» общества, но, напротив, несет для

них разносторонние угрозы. Одной из них является беспомощность реставрационной элиты в проведении новой экономической политики, что могла бы обеспечить расширение рынка и очередное повышение богатства буржуазии. Более того, капитал несет потери из-за неуклюжести и недальновидности реставрационной администрации. Соединяется недовольство разных групп буржуазии, крестьянства (если оно еще существует) и рабочего класса. При этом капиталисты опасаются неуправляемого развития событий в силу обособленного от них стихийного выступления масс.

В 2014—2018 годах немалое влияние на российскую политику оказал страх правящих кругов перед возможностью «майдана», государственного переворота в интересах внешних сил с использованием накопленного в низах общества недовольства. Он привел к лавированию национальной реставрационной администрации, к внешнеполитическим демонстрациям и некоторым социальным уступкам с ее стороны, повлиял на изменение экономической линии. Массы сами отшатнулись от неолиберальной оппозиции. Они почувствовали в ней враждебную своим интересам силу. Политического завершения реставрации быть не могло, но характерное для второй фазы реставрации вызревание патриотизма было налицо. Далее национальное чувство должно сыграть еще большую роль, поскольку вопрос о славной революции есть вопрос о защите и обеспечении национального развития, не отменяющего классовых противоречий и классовой борьбы внутри государства.

Нежелание масс «жить по-старому» в условиях начала и конца великой революции выглядит по-разному. В первый момент это отрицание старого порядка — феодальных отношений и структур, а также самой аристократии. Это отрицание старого класса включает право на физическое существование многих его представителей. Нежелание прежней жизни в обществе является глубоким, затрагивающим экономические связи и законы. Оно состоит в отрицании всего старого общественного порядка. В момент приближения конца эпохи реставрации нежелание «жить по-старому» может иметь характер отрицания угрозы возврата к реальности, существовавшей до начала великой

революции и даже еще раньше. Так было в Англии конца XVII в. Здесь страх возвращения к прошлому дал дорогу стремлению масс и большей части господствующего класса завершить реставрационную эпоху.

В условиях большей зрелости капитализма (ставшего промышленным) нежелание старой жизни выглядит иначе. Оно состоит в стремлении покончить с реставрацией как порядком вещей, который мешает развитию. Возврат к феодальному порядку невозможен, и это понимает партия реставрация. Для нее главным становится законсервировать свое господство, положение и сознание «низов», используя даже символы бонапартистского этапа великой революции. Народная оппозиция реставрационному режиму акцентирует внимание на архаичности, антидемократизме и неэффективности существующего порядка, если не считать за эффективность обогащение правящей группировки и близких к ней компаний. Но для реставрационного периода характерен не только консерватизм «верхов», но и страх «низов» перед новой революцией. Даже если экономические бедствия подталкивают их к восстанию (Франция, 1848), это не гарантирует окончания реставрации, поскольку буржуазия, решив свои задачи, объединяется для подавления радикального движения и останавливает революцию. Именно таким оказался результат июньского восстания рабочих Парижа в 1848 г. под лозунгом социальной республики. Оно произошло после первого восстания и отмены монархии, но его результатом было не развитие революционного процесса, а его свертывание. Правые республиканцы нашли опору в армии и имущих слоях общества, подавили выступление. За этим последовало избрание президентом Луи Наполеона и его 18 брюмера.

Для России реставрационная эпоха открыто началась в 1991 г. Подготовилась же она всем правлением Горбачева. До 2014—2016 годов реставрация оставалась на ранней стадии и никак не конфликтовала с «цивилизованным миром». В этот период наблюдалось отрицание революции и всего последовавшего за ней героического периода национальной истории, хотя приход к власти Путина и такие его меры, как возврат мелодии советского гимна и весьма скромного по началу культу победы в Великой Отечественной

войне, а также пропаганда до крайности невнятного, абстрактного и умеренного патриотизма роднит эту эпоху со временем правления во Франции Луи-Филиппа (1830—1848). Но за этим наступила более интересная фаза реставрации. Она символически похожа на правление Наполеона III. Тогда Франция соревновалась с Англией в военно-морской мощи, отражала с ней вместе «угрозу русской реакции» в Восточной войне, играла на большой карте в великую державу и была полна патриотизма, еще крайне обывательского, отчужденного от истории патриотизма читателей газет и журналов, пассивных наблюдателей, занятых своими частными делами, но все более склонных гордиться своей страной, ее победами, но не ее революцией. Эта эпоха охватила более 20 лет. Она была связана с преодолением кризиса 1847—1850 гг., процветанием промышленности и торговли в силу правления, отражавшего интересы не одних финансовых кругов. Но было и исчерпание возможностей развития, и осыпание дешевой позолоты с фасада государственного здания. За всем этим последовали военные неудачи и крах Второй империи. Возникли новые угрозы. Встали новые задачи. Начался новый большой кризис мировой экономики. Только после этого широкие массы потребовали закончить игру.

Реставрация в Англии продолжалась с 1660 по 1688 г. Эта эпоха охватила 28 лет. В американской революции ее можно определить с 1815 по 1861 г. Она началась с заключения мира США и Англии после войны 1812—1815 гг., когда рабовладельческий Юг смог получать товары с британских фабрик и поставлять на них хлопок, и закончилась с Гражданской войной 1861—1865 гг. Тогда была установлена американская конституция и пробила себе дорогу вполне протекционистская политика. Американская реставрация носила условный и в основном экономический характер; «бонапарт» революции и президент США Джордж Вашингтон отменил предложение провозгласить себя императором, политический процесс остался в республиканском русле — для окончания периода реставрации монархию свергать не потребовалось.

Французская реставрация была несравнимо яснее американской. С 1815 года она продержалась до 1875 г., когда депутатами была принята

республиканская конституция. Шестьдесят лет продолжалась реставрация. Однако 27 последних лет представляли собой эпоху поздней реставрации, уже подготавливавшей славную революцию. Сколько может продлиться русская реставрация? Вторая волна кризиса, гражданская война на Украине, конфликт с США и ЕС вывели ее в зрелое состояние, сходное с началом эпохи правления Наполеона III. Но задача нового времени является более сложной: нация, которая сможет закончить эпоху и установить реальное республиканское правление, должна будет еще выплавиться в котле нового экономического роста. Так, 2014—2016 гг. давали обществу шанс выступить с программой окончания реставрации, но «верхи» оказались способны изменить направленность решений в экономике, а «низы» не отказали им в доверии. Однако «низы» эти не удовлетворены своим положением. В 2018—2019 годы они не увидели перспективы роста своего благосостояния. С другой стороны, они «разбавлены» миллионами иностранных рабочих, мечтающих только о легализации и устройстве своих семей в «благополучной России». Всем этим создаются непростые условия, означающие непростую борьбу за преодоление реставрации.

Для славной революции в промышленную эру мало нежелания масс жить как прежде. Они должны быть готовы выйти из частной жизни не на короткое время, а для выполнения новой роли. Эта роль в XXI в. является большей, чем в другие эпохи в силу экономического прогресса. Для завершения реставрации на политическом уровне нужен и раскол эксплуататорских «верхов» общества, выражающий тупик прежней экономической стратегии в условиях кризиса. Важна и внешняя угроза, а с нею и задача рывка во вне, требующая для сохранения государства и его развития большее включение широких масс в политический процесс. Сами эти массы должны быть достаточно зрелыми и представлять целостность в виде нации. Важность своего участия должны понимать и сами люди, принявшие к тому моменту ценности славной революции как национальные ценности. В этих условиях выработки политических решений становятся публичным делом, а социальная республика

делается возможной. Открывается новая страница национальной истории.

Краткое обобщение. В эпоху реставрации частная жизнь становится для большинства трудящихся важнее жизни общественной, что связано не только с усталостью от героических периодов революции, но является условием созревания общественного сознания; начиная реставрацию с отрицания героического наследия революции и ее символов, общество постепенно приходит к их принятию; для окончания реставрации необходимо соединение движения масс с готовностью «верхов» не только идти на социальные уступки, но допустить создание компромиссной политической системы («верхи» не могут более править без поддержки общества!); нация при этом должна находиться под давлением экономических проблем и внешней угрозы, справиться с которыми может только новая государственная система, что требует устранения адептов политики реставрации от власти, демонтажа ее символов и опорных структур; славная революция легко может быть после выдана за мирный демократический поворот общества, за дарование реформ, но она всегда есть результат народного движения; славная революция подтверждает, что массы научились понимать и отстаивать свои интересы в новых исторических условиях; славная революция, как и весь революционный процесс, — явление капиталистической формационной эпохи, потому не может выйти за его рамки, тем более что экономические изменения, в ходе славной революции, являются гораздо более умеренными, чем в момент непосредственного революционного переворота; Россия и Китай к 2020 г. только начали входить в фазу зрелой реставрации, славная революция для них является неминуемой перспективой.

Заключение и вопрос о социализме

(205-217 стр. в бумажной версии книги)

Капитализм породил циклические кризисы и революции, но сам он был порожден всем прежним развитием Европы и остального мира. Ему предшествовали первобытная эра с неолитической революцией, рабовладельческая формационная эпоха с кризисом III в. в ее финале. Феодальная формационная эпоха продолжалась почти 11 столетий и закончилась кризисом XIV в. Этот кризис и породил торговый капитализм как первую часть капиталистической формационной эпохи.

В советском марксизме (истматизме) не было и не могло быть такой категории, как формационная эпоха, так как она многое поставила бы под сомнение. Не было этой категории в западном марксизме и смежных с ним направлениях. Марксистское понимание истории было принято базировать на формационной теории. Согласно ей общественно-экономическая формация есть тип общества, развивающийся на базе определенного способа производства. Названия формации получали в соответствии с установившимся способом производства: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая¹. Формация являлась периодом развития формы (способа производства) в том или ином государстве. Понятие «формационная эпоха» предполагает возникновение формы из промежуточных и переходных состояний, а также сохранение типов отношений прошлых эпох, если это выгодно для развития более передовых отношений. Так, торговый капитализм во многих частях мира усилил феодальную эксплуатацию крестьян, а кое-где воскресил рабский труд. Слом этих отношений стал задачей промышленного капитализма.

Формационная эпоха обозначается по определяющему процессу способу производства. Он не является сходу преобладающим. Но способ хозяйствования уже соответствует еще только нарождающемуся способу

¹ Политическая экономия: словарь / под ред. М.И. Волкова [и др.]. 3-е изд., доп. М. : Политиздат, 1983. С. 298.

производства. Так, европейское дворянство в период торгового капитализма часто ведет свои дела по-капиталистически, интересуясь ситуацией на рынке и заботясь о выгодной продаже или покупке товаров. С другой стороны, центры полноценного буржуазного производства в Европе в то время занимают незначительную территорию, часто концентрируясь, тогда как окружающая среда выглядит почти сплошь феодальной. Однако же и в этой «отсталой» среде постепенно усиливается капиталистический способ хозяйствования, хотя при этом может происходить даже архаизация всего процесса производства. Не это важно, а диктат капиталистического рынка.

В 1770-е годы капитализм пережил глубокое изменение. Под влиянием большого экономического кризиса он в своем центре сделался промышленным. Сохранение феодальных отношений, феодального класса у власти (в блоке с буржуазией) и пережитков Средних веков с этого момента стало возрастающей помехой для развития. Во время торгового капитализма все это было не столь значимо, а наличие массы крепостных крестьян даже обеспечивало некоторые преимущества в борьбе с другими государствами. Лишь в нескольких странах в ту эпоху буржуазия окончательно победила. Потому для североамериканских колоний Англии и Франции оставался один выход — революция. В Европе модернизацию таким путем были готовы принять немало народов. Наступила новая, индустриальная эпоха.

Изменившись в Англии, капитализм изменился вообще. В этом факте нашел подтверждение его не локальный, а всеобщий, эпохальный характер.

Промышленный капитализм принес длинные волны развития и большие кризисы, а с ними и более частые кризисы перепроизводства. Все эти кризисы имели циклический характер, но выполняли разную работу. Торгово-промышленные кризисы корректировали рост, содействуя обновлению средств производства, большие кризисы выступали выразителями перенакопления и средством смены модели роста. Они изменяли условия экономического развития. Эти изменения должны были всякий раз обеспечить устойчивую волну последующего экономического развития — повышательную или

понижительную — с преобладанием интенсивного или экстенсивного (втягивающего в капиталистический оборот новые части мира) роста. Исходя из этих задач, встававших объективно в годы больших кризисов, волны делали востребованными разные научно-технические открытия. Так, на первый план выходили новые отрасли производства, изменялись социально-политические условия в мире и отдельных странах.

Источником кризисов эпохи торгового капитализма во многом служили внешние преграды. Промышленный капитализм выдвинул вперед внутренние противоречия. Порожденные им циклически повторяющиеся большие и средние (торгово-промышленные) кризисы сделали возможным определение иерархии кризисов в развитии человечества. Наивысший ранг имеют кризисы смены формационных эпох. За ними следуют большие кризисы торгового и промышленного капитализма. Ступенью ниже находятся кризисы среднего, торгово-промышленного цикла. Напрасно их часто воспринимают как кризисы вообще. Их роль скромна. За ними следуют частные (промежуточные) кризисы. Если они и выполняют в экономике функцию, то она состоит в преодолении случайных преград отдельными сферами.

Но как быть с детищем XX в., со «всемогущей» контрциклической политикой, могучей, никогда прежде не виданной ролью государства? События 2008—2019 гг. подтвердили тонкое замечание Броделя (отнесенное к ситуации 1970-х гг.), что результатом всего этого стало превращение урагана в наводнение¹. Так «успех» в борьбе с проявлениями большого кризиса породил после обвала 2008—2009 гг. еще волну 2013—2016 гг. и тревоги 2018—2019 гг.

Многие социальные революции были связаны с большими кризисами или прямо ими вызывались. Такой была революционная «Весна народов» 1848 г. или Первая русская революция 1905—1906 гг. Социальные революции — неотъемлемая часть развития в рамках капиталистической формационной эпохи. Они решают задачу модернизации, все более сложные по мере развития промышленного капитализма. Революции эти могут носить национальный

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. III. Время мира. М. : Прогресс, 1992. С. 76—77.

характер или являться великими, затрагивающими множество народов. Такие модернизационные революции совершают самый глубокий и устойчивый переворот в обществе. Вызвано это остротой противоречий между реакционными силами и устремленными вперед классами. Великие революции всегда одерживают победу, так, сила внутренних процессов оказывается больше возможностей внешних и внутренних противников перемен.

Великие революции XX в. — русская и китайская — показали способность перешагивать через буржуазию и частную собственность ради форсирования экономического, социального и культурного развития, по итогам остающегося капиталистическим.

Великая французская революция смела не только аристократию, но и связанную со старым порядком крупную буржуазию. Ее место после падения якобинской диктатуры в 1794 г. заняли новые богатые. Революции в России и Китае устранили класс буржуазии. Он вновь возник лишь на стадии реставрации. Все великие революции проходили этот этап. Он был необходимым и логичным в плане оформления экономического результата революции. Однако революции первой половины XX в. разворачивались в условиях роста пролетариата, который не был удовлетворен материально и был заперт в границах своего класса. Этими объективными условиями и был вызван его радикальный настрой, рассматриваемый коммунистами как некий абсолютный, безусловный классовый признак. Между тем класс этот был классом буржуазного общества, им порожденным и в его границах способным существовать. Но он был гордо назван могильщиком капитализма, и миллионы его представителей в разных частях мира верили, что являются новой общественной силой. Низкая укорененность огромной массы пролетариев в нации обеспечивалась отсутствием недвижимой собственности и социальных перспектив даже для детей из рабочих семей. Люди чувствовали: такие же рабочих других стран ближе им по интересам, чем буржуазия в своей стране.

В период 1904—1929 гг. развитие капитализма поставило новый важный вопрос. Он не был технологическим или чисто хозяйственным, но являлся в

равной мере социальным и экономическим. В промышленно развитых странах армия пролетариата так выросла, что спрос с ее стороны начал играть решающую роль в развитии производства. Так был широко поставлен сформулированный еще Марксом вопрос о пролетарской революции. Рабочий класс становился с точки зрения значения его спроса для экономики всем, будучи при этом ничем в глазах господствующего класса. Большой кризис 1929—1933 гг. поставил вопрос об изменении этого положения: эксплуатируемый класс центральных стран мирового капитализма в интересах стабилизации и роста экономики должен был начать получать обратно часть созданного его трудом прибавочного продукта. Фашизм являлся попыткой избежать этого, предложив рабочему перспективу колониального хозяйчика. С другой стороны, революционное государство России и Китая создало систему, где рабочий мог выдвинуться и ожидал роста благосостояния, а потом и построения социализма.

Коряковцев отметил, «до конца 1940-х годов — начала 1950-х годов» продолжался «единный период мировой социальной революции». Промышленный капитализм переживал социальный кризис, разрешение которого не выводило общество за пределы капитализма, но многое в нем изменяло. Такова была эта революция. «Ее итогом стали: на Западе — структурная перестройка капитализма, а в странах Восточной Европы, Мезоамерики и Азии — общества, социалистические по самоназванию, но имеющие специфическую структуру собственнических и классовых отношений. Общими чертами нового социального устройства явились регулирование рынка государственными и гражданскими институтами, «плановая экономика» и хотя бы частичное перераспределение общественного продукта в пользу непосредственных производителей. Все это способствовало снятию социального напряжения»¹. Снятие это произошло в условиях окончания одной волны развития и начала другой. Экономический кризис 1948 г. потому оказался относительно непродолжительным и легким, что, исполняя роль большого кризиса, был словно бы упрежден великим переворотом в

1 Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 650.

социально-экономическом поведении индустриально развитых государств. Они пошли навстречу массовому потребителю из рабочего класса, создав «общество потребления». Так удалось избежать второй Великой депрессии.

По своему значению этот переворот не уступал перевороту третьей четверти XVIII в., когда капитализм стал промышленным. Но он был иным и означал переход развития капитализма в условия не просто технологические и политические, но социальные. То были совсем новые социальные условия, они несли в себе новые сложности для буржуазного порядка.

В 1968 году молодое поколение в индустриально развитых странах выставило капитализму следующий набор требований. Выходцы из рабочих и мелкобуржуазных семей мечтали о творческой роли, о карьере и яркой жизни при сохранении всех завоеваний отцов и матерей — комфортабельных квартир, автомобилей, хорошей пищи и одежды, возможности путешествовать и развлекаться. Лозунг «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» привел многих из них в лагерь неолиберализма, где некоторые (как анархист Даниэль Кон-Бендит) сделали карьеру. С большим экономическим кризисом 1970-х гг. неолиберализм открыл новые возможности для части трудящихся. Глобализация нуждалась в центрах, а они — в офисном персонале транснациональных компаний, сервисных и торговых фирмах. Все это создавало возможности для части детей рабочего класса. Приватизация квартир сделала немало представителей этого класса собственниками.

Немалому числу людей на Западе неолиберализм принес больше иллюзий, чем возможностей. Да и возможности его оказались не столь романтичными, как грезы хиппи или студентов с революционной фразеологией. Однако глобализация изменила общество, во многих странах она расколола прежде единый национальный рабочий класс. Промышленный рабочий класс сократился, а сельский быстро наполнился иностранными рабочими. Их приток изменил и город. Пропагандисты глобализации рассуждали о равенстве людей и свободе передвижения для представителей всех рас и гендеров, в реальности же увеличивалась сегрегация. В итоге оппозиция неолиберализму оказалась слаба;

пресловутое «восстание среднего класса» приняло жалкие формы растерянного блуждания при немом признании неизменности неолиберализма. Медленная сдача левыми позиций превратилась в стремительную капитуляцию. Они не понимали окружавшего их общества, не видели цикличности развития и постоянно путали причины событий с их следствиями. Коммунистическая ортодоксия стала эмоциональным спасением для одних, левый либерализм — выходом в практику для других, сколь бы практика эта не была бессмысленной или реакционной. Отчаянье возрастало, когда взоры обращались к пролетариату, некогда способному на столь многое, а теперь «обманутому», «разложившемуся», «утратившему революционность» и «потерявшему веру в социализм».

В реальности же эта ситуация открывала то понимание «социализма», что имел и мог иметь рабочий класс. Марксово уничтожение труда было для него далекой абстракцией, а вот потребительские, накопительские и карьерные амбиции приводили его в движение. Капитализм вызывал ненависть рабочих старых индустриальных стран, пока его развитие не позволило им удовлетворить сначала одни — благополучие в фордистской или кейнсианской экономике, а потом другие — демонстративное потребление, карьера, творческая работа и развлечения (близкий к буржуазному образу жизни) — потребности. Созданные вновь уже в периферийных и полупериферийных экономиках промышленные рабочие места занимались выходцами их сел, которые тем не менее были зачастую ориентированы на ценности и достижения западного рабочего. Мировое производство при этом невероятно расширилось с 1950 по 2008 г.

В первой половине XX в. вера в рабочий класс как могильщика будто бы старого и дряхлого капитализма выглядела органичной. Вера в приближающийся конец капитализма привела к отторжению левыми теории циклов Николая Кондратьева. Она была неудобна сторонникам перманентной революции, поскольку позволяла видеть будущее у капитализма. Она не подходила для строительства социализма в одной отдельно взятой стране, так

как ставила «социализм» в один ряд с капитализмом, который не загнивал, а развивался в некой большой цикличности. Диагноз же капитализму ставился один: скорая гибель по причине внутреннего антагонизма. На деле же в эту эпоху промышленный капитализм лишь вошел в свою бурную молодость. Юношеский рост его прекратился к моменту кризиса 1899—1904(7) гг. Повышательная волна 1950—1960-х гг. и понижительная 1980—2000-х гг. обеспечили переход к капитализму более зрелому. В эту эпоху произошло обуржуазивание рабочего класса, впервые ощутившего себя органичной частью капитализма. Несмотря на неравномерный характер распределения буржуазности и возможностей для рабочего класса, как отмечали Коряковцев и Вискунов, факт победы над буржуазией оставался неизменным. Ей пришлось признать экономическую диктатуру пролетариата и, не отменяя эксплуатации, в ряде случаев столь же суровой, как в Англии первой половины XIX в., находить обходные пути. Таким обходным путем была глобализация с характерным переносом индустрии в слаборазвитые части мира при сохранении прежних основных центров потребления в старых промышленных странах.

Перемены принес 2008 г. Новый большой экономический кризис поставил вопрос о зрелом поведении ряда модернизированных за XX в. государств. Открылось и нездоровье старых центров капитализма. Однако, помимо расширения общего ядра мировой системы через конфликт старых и новых центров, необходимым стало национальное возрождение в России и Китае, что было связано с логикой великих модернизационных революций. Роль наций в капиталистическом развитии была недооценена марксизмом, подчеркивавшим более классовые противоречия. Образование наций и их развитие в первой четверти XXI в. было еще не решенной практической задачей. Разделение континентов на множество государств не мешало экономическому развитию в эпоху неолиберализма, но может оказаться для многих стран серьезной помехой в условиях нового повышательного периода. Это поставит вопрос об интеграции или реинтеграции. За новыми рынками могут последовать новые нации.

В России в годы второй волны глобального кризиса вполне выделились две обобщенных общественных партии: национальная и неолиберальная. Последняя направлена против усиления регулирующей роли государства, роста его силы и влияния, а также значения национального рынка. Эта сила отстаивает интересы международного финансового капитала и стремится убедить общество в возможности экономического развития на основе примирения с такими его агентами, как США и ЕС. Партия эта имеет своих представителей как во власти, так и в оппозиции. Аналогичным образом разделена другая общественная партия, в которой можно выделить право-консервативную, провластно-бюрократическую, левую и иные тенденции. При этом общественная повестка дня имеет тенденцию смещения влево, что со временем приведет общество к пониманию ценности социальной республики. Борьба за нее, а затем борьба в ее рамках и будет изменять общество, подготавливая его к новым социальным отношениям и мобилизуя его в борьбе за расширение прав и свобод, а с ними и новых возможностей для каждого гражданина. Однако на момент 2019—2020 гг. все еще актуальной оставалась задача разгрома неолиберальной партии.

Левый максимализм апеллирует к традиции рабочей борьбы XX в. Но общество все время отвергает радикальные подчеркнуто антибуржуазные силы, поскольку оно решает задачи в рамках капиталистической реальности. Миллионы трудящихся стремятся к обуржуазиванию в том смысле, что они хотят улучшения своего материального и социального положения в рамках рыночного национального хозяйства. Они воспринимают уничтожение рынка и частной собственности как угрозу возврата к радикальным формам отношений революционного переворота, тогда как весь смысл принятия массами реставрации состоял в том, чтобы воспользоваться плодами модернизационной революции. При этом массы еще не готовы понять, что суть коммунизма не в уничтожении буржуазии, а в уничтожении труда как отчужденной и лишь экономически мотивированной при капитализме деятельности. Лишь вплотную приблизившись к возможному массовому уничтожению труда, общество

сможет поставить вопрос о преодолении частной собственности на средства производства, что не означает отмены личной собственности на средства производства вне рыночных отношений. Сама новая формационная эпоха не отвергнет собственность, но уничтожит эксплуатацию. Это устранение эксплуатации станет возможным не в форме провозглашения освобождения труда от господства капитала, а как результат такой экономической реальности, где труд (мотивированный экономически или морально) более не будет необходимым. Прежде чем это произойдет, сфера применения рыночных отношений должна будет сузиться. Революционная генерация электрической энергии и применение 3D-принтеров, в том числе и пищевых, резко уменьшит необходимость массового производства. Изготовление автоматами крупных вещей по заказу также окажет влияние на процесс. Изменится сам человек, его запросы и ценности.

Экономический подъем 2020—2045 гг. будет базироваться на автоматизации производства при качественно новом освоении внутренней периферии капитализма. Потому экономический рост в континентальной Евразии, Южной Америке и даже в Африке может оказаться более динамичным, чем в Северной Америке и на развитых окраинах Евразии. При этом увеличение армии квалифицированных рабочих и служащих едва ли возвратит коммунистическое движение в его прежнем виде. Но также невозможна и социал-демократия в ее старой форме. Это не означает исчезновение максималистских левых сил, просто их роль в обществе будет скорее арьергардной. Они будут пугать буржуазию призраком радикального левого наступления, но их ограничителем будут выступать сами массы. В России двух первых десятилетий XXI в. они показали готовность голосовать за Коммунистическую партию Российской Федерации для оказания давления на высшую бюрократию. Но голосовали они, ощущая, что этот призрак коммунизма чистейшая подделка. Настоящий же призрак пугал их самих. Потому силы с максималистскими лозунгами и апелляцией к революционному опыту XX в. на выборах только проваливались и привлечь в свои ряды много

людей не смогли.

В Западной Европе и Северной Америке либеральные левые утонули в частных вопросах и стремлении быть актуальными с точки зрения продвигаемых неолиберальной буржуазией вопросов. Для либеральных левых главным стало отвоевывание особых прав для меньшинств при создании и охране общества разноправных малых групп, далекого от социал-республиканского принципа равных прав и обязанностей для граждан, но удобного для буржуазного дирижирования политикой. Незримо для самих себя такие левые оказались в лагере наиболее реакционного финансового капитала, заинтересованного в расщеплении наций и блокировании интеграции в различных регионах мира, которые он рассматривал как свою неизменную периферию. Потому в США рабочий класс отдал предпочтение Трампу, а во Франции так выросла поддержка Марин Ле Пен и ее партии.

Либеральным левым могло казаться, что они нашли ведущую в будущее тропу. В скорый конец неолиберальной глобализации они не верили, в свои силы тоже. В итоге они только мешали обществу выйти из смертельной для неолиберального порядка кризисной эпохи. Именующие себя троцкистами, марксистами-ленинистами или революционными коммунистами левые максималисты были подобны слепцам, блуждающим в тумане. Они даже не сделали вывода из опыта национального «перерождения» коммунистического движения во второй половине XX в. Анализ капитализма с их стороны решал задачу доказательства предсмертного состояния этого «отжившего строя», подтверждения верности имевшего место «социализма» и социалистического характера русской революции, которую погубил лишь сталинский бюрократический термидор. Капитализм интересовал таких левых с точки зрения гробовщика, все еще надеющегося дождаться заказа. Было не важно, чем капитализм болен, как исцелялся от кризисов, прекратил ли рост и развитие или процесс этот обрел новый вид. На какой стадии развития реально находится общество с таким подходом, было невозможно понять. Сами стадии также отмерялись неверно, а подлинное исследование или знание могло разрушить

эмоциональное убежище верящих в светлое будущее людей. Зато его отлично помогали сохранить бесконечные рассуждения о социализме как первой фазе коммунизма, ранняя форма которой якобы уже возвестила о скором крахе капитализма.

Советские учебники исторического материализма на втором десятилетии ХХI в. научились читать и цитировать так, будто бы они не были наполнены ложными схемами и искажениями марксова видения. Зато они сглаживали теоретические трудности, с которыми сталкивались Маркс и Энгельс. Они дышали наукообразной строгостью изложения, но обходили множество важных фактов, таких, например, как рассмотренный в этой книге casus 1873 г. История причислялась и искажалась до нелепого, если знать, как на деле разворачивались события и какой экономический смысл они имели. Но истматисты умели развить некоторые глупости. Внешне убедительно звучала мысль одного из них, утверждавшего: труд рабов в Риме был менее производителен, чем труд лично свободных крестьян раннего Средневековья, а в его победе якобы и состоял первый результат революции против рабовладельцев. На деле же в Римской империи рабы трудились на специализированных производствах в условиях рыночного спроса как стимула для его владельцев и при неплохих климатических условиях (оптимум I—II вв.). Почвы не были еще истощены. Свободный крестьянин раннего феодализма вел натуральное хозяйство без рынка и не имел специализации, а получал сам почти все необходимые продукты. Почвы были во многих частях Европы истощены, и потому население сокращалось, а земли эти зарастали лесом. Климат ухудшился — наступил пессимум. В этих условиях производительность труда была много ниже, чем в прежнее время, когда широко применялся труд рабов. Все эти важные для понимания хода развития детали остаются совершенно неважными с точки зрения веры.

Марксистская наука превращалась в религию, а классовая борьба — в обряд. Деятельность на такой основе обречена была на бесплодность, если не считать плодами сам эффект ролевой игры. Никакие призывы внимательнее

читать Ленина, Троцкого или Сталина не могли компенсировать незнание механизмов смены формационных эпох, искаженного понимания развития эксплуататорских обществ и малополезной внеэкономической хронологии истории. Проблемой являлось вульгарное представление о капитализме, его этапности и кризисах. Логику его развития и развития классовых противоречий в нем пытались понять без анализа сходных процессов в более ранних обществах. Сам рабочий класс описывался исходя из приписанной ему роли, тогда как не эксплуатация его труда, но развитие производства определяло историческую границу буржуазной формационной эпохи. Общество не могло быть готово к социализму, когда не готова была экономика, да и само наречение переходных (революционных) форм хозяйствования неким принципиально новым строем нуждалось в пересмотре.

Спектр задач, которые капитализм должен еще решить, необходимо изучать. Но множество связанных с этой формационной эпохой вопросов имеют ответы. В этой книге была предпринята попытка собрать и расставить по местам факты истории человечества так, чтобы логика развития капитализма сделалась более понятной, а следом стало возможно увидеть и приблизить горизонт нового общества.

После биржевого обвала 2008 г. часть левых окрылила вера в близкое обрушение капитализма, раз системой было накоплено столько проблем и противоречий. Между тем кризис являлся механизмом разрешения и смягчения противоречий. Он диктовал решения, которые разблокировали бы развитие экономики — сделали возможным выход из кризиса. Он представал своего рода революцией, не уничтожающей капитализм, а отмеряющей новую стадию его развития. А стадии буржуазного развития неравнозначны уровням его общей зрелости. Сменяющий же их кризис не убивает капитализм, он изменяет его до определенного предела. Пределом этим служит такое изменение общества, после которого рынок более не является необходимым механизмом общественного развития. Экономическая мотивация при этом должна в большей мере потерять свое значение. По этой логике кризис, что последует за

подъемом — повышательной волной 2020—2045 гг., едва ли окажется последним в истории капитализма. Но он может потребовать такое изменение политической системы и отношений между нациями, которое приведет к появлению континентальных социальных республик с сокращенной до предела возможной сферой частной собственности. Еще до этого переломного момента неомеркантильное развитие капитализма будет ставить вопрос об изменении формы власти, о включении масс в политическое управление, так чтобы на месте олигархических республик оказались республики социальные и демократические.

Обуржуазивание рабочего класса, фактическое для одной его части и ценностное для другой, более молодой не отменяет закона о решающей роли масс в истории. В ходе капиталистического развития они чаще выходили за границу повседневного труда, чем это случалось в другие формационные эпохи. Высокая зрелость промышленного капитализма и установление экономической диктатуры рабочего класса позволяют ему подвигать историю в ее политической форме не только рывками и толчками, растворяясь затем в каждодневной деятельности, а более стабильными и сознательными усилиями. Но для этого сами массы рабочих и примыкающих к ним слоев должны подняться на уровень зрелости буржуазной реальности, уметь оценивать межгосударственные противоречия и значимые для себя меры государства. Все это будет возможно в условиях нового экономического подъема, хотя и случится в форме буржуазной политики (реформистской или революционной в буржуазно-демократическом смысле), а не максималистской по лозунгам.

Рабочий класс является классом буржуазного общества. Социализм же лежит за пределами развития этого строя, окрепшего в собственной формационной эпохе. Добиваясь учета своих материальных и культурных интересов, возможности обогащения и карьеры в государстве и бизнесе, этот класс остается в симбиозе и антагонизме с другим классом — капиталистами. Оба они принуждены к труду: один не сможет жить без заработка, другой лишится богатств, если потеряет контроль над капиталом. Оба этих состоящих

из живых людей класса привязаны к мертвому труду. Маркс писал: «Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает»¹. Эксплуатация труда рабочего обогащает буржуа, но она порабощает его личность, заставляет служить процессу, который далеко не всегда приносит ему радость. Творческое развитие человека в разной форме заблокировано в лице пролетария и капиталиста, подчиненных экономическому процессу. Потому освобождение труда, возможное лишь в форме его уничтожения, будет освобождением и капиталиста, что не означает абсолютной добровольности этого процесса.

Овладение государством — такова политическая задача нового времени для масс. Она имеет особое значение для стран, переживающих реставрации в рамках своих великих революций, но не может быть решена трудящимися быстро. Неомеркантильный период экономического развития мира предоставит новые возможности, но и сам процесс замещения неолиберализма новой экономической практикой является механизмом вовлечения общества в государственные дела, даже если это первоначально происходит в форме привлечения их на сторону одной из группировок капитала. Борьба партий становится настоящей, и это вселяет надежду на левое возрождение. Но успех дела едва ли будет возможен без подлинных знаний о том, как устроен капитализм, как он развивается, с какими кризисами сталкивается и благодаря чему их преодолевает, как в целом движется исторический процесс.

В XIX веке марксизм выделился на фоне других течений своим научным подходом. Он нес новое знание, и действия на его основе изменяли мир. Но происходило и накопление ошибок, многие из которых были канонизированы. Потому сейчас получение нового знания не может обойтись без их отсева. А без нового знания не может обойтись прогресс. И только с новым знанием марксизм вернет себе значение в современном мире.

Список литературы

1. *Андерсен П.* Переходы от античности к феодализму. М. : Территория будущего, 2007.
2. *Антонетти П.* Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М., 2004.
3. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. В 3 т. Т. 1. М., 1940.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I—III. М. : Прогресс, 1986, 1988, 1992.
5. *Бродель Ф.* Что такое Франция? : в 3 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1986, 1995, 1997.
6. *Валлерстайн И.* Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хайдер и сопротивление. С. 42. URL : <http://ecsocman.hse.ru/data/566/719/1231/005Vallerstajn.pdf>
7. *Валлерстайн И.* Год 2008: смерть неолиберальной глобализации. URL : https://scepsis.net/library/id_1786.html
8. *Валлерстайн И.* Крах либерализма. URL : <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vallerstajn-immanuil/analiz-mirovih-sistem-i-situaciya-v-sovremennom-mire/34>
9. *Валлерстайн И.* Мир-система модерна. Т. 1—4. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015—2016.
10. *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции. М. : Наука : Памятники исторической мысли, 1997.
11. *Вольтер* История Карла XII, короля Швеции. М. : Лениздат : Команда А, 2013. URL : <http://lovereads.me/read/84836/52>
12. Всемирная история : в 24 т. Минск : Литература, 1996—1997.
13. *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. 3-е изд. М. : URSS. 2017.
14. *Гюго В.* Собрание сочинений. В 15 т. Т. 15. М., 1953. URL : <http://booksonline.com.ua/view.php?book=52942&page=130>
15. *Дерлугьян Г.* Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013.
16. *Дефурно М.* Повседневная жизнь Испании Золотого века. М. : Молодая гвардия. 2004. URL : https://royallib.com/book/defurno_marselen/povsednevnyaya_gizn_ishpanii_zolotogo_veka.html
17. *Дзарасов Р.С.* Развитие в современном мире: капитализм и развитие. URL : <http://dzarasov.ru/16-razvitiye-v-sovremennom-mire-kapitalizm-i-razvitiye>
18. *Дзарасов Р.С., Кагарлицкий Б.Ю., Очкина А.В.* Неолиберализм и Россия //

- Политэкономия кризиса. От неолиберальной экономической модели к новому социальному государству. М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. С. 41—42.
19. Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Кризис глобальной экономики и Россия». URL : http://igso.ru/world_crisis_and_russia/
20. Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Противоречия экономики Китая: падение как окончание «чуда». URL : http://igso.ru/china_problem/
21. Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) «Энергетическая революция: проблемы перспективы мировой энергетики» от 5 марта 2012 г. URL : <http://igso.ru/reports/>
22. Доклад Института глобализации и социальных движений (ИГСО) и Лаборатории международной политической экономии при кафедре политической экономии и истории экономических учений РЭУ им. Г.В. Плеханова «Дональд Трамп и экономическая ситуация: стратегии кандидатов в президенты и вторая волна кризиса в США». URL : http://igso.ru/trump_situation/
23. Дюкло Ж. На штурм неба. Парижская коммуна — предвестница нового мира. М. : 1963 URL : <https://www.rulit.me/books/na-shturm-neba-parizhskaya-kommuna-predvestnica-novogo-mira-read-181499-60.html>
24. Кудрявцев О.В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. 411 с.
25. Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. 431 с.
26. Федосик В.А. Церковь и государство: критика богословских концепций. Минск: Наука и техника., 1988. 209 с.
27. Егоров А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова. 2013. Вып. 12. С. 346—365. URL : <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1376051918>
28. Егоров А.Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. М : Нестор-История, 2014.
29. Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2003.
30. За 25 лет в России закрыты около 80 тысяч заводов и фабрик. URL : <https://newizv.ru/news/economy/20-01-2019/za-25-let-v-rossii-zakryty-okolo-80-tysyach-zavodov-i-fabrik>
31. Итоги 2018 года: в России открылось 215 новых производств. URL: <http://ru-good.ru/page/itogi-2018-goda-v-rossii-otkrylos-215-novyh-proizvodstv>
32. Кагарлицкий Б.Ю. От империй к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М. : Высшая школа экономики, 2010.

33. *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М. : Едиториал УРСС, 2017.
34. Карл-Людвиг-Наполеон Бонапарт (Наполеон III): Его жизнь и сочинения. Составлено по английским, женевским, брюссельским и французским источникам XIX в. Изд. 2-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011, 336 с.
35. *Кляйн Н.* Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М. : Добрая книга, 2009.
36. *Князев С.* «Самая выгодная инвестиция»: как план Маршалла помог США покорить Европу. URL : <https://russian.rt.com/science/article/499577-plan-marshalla-ssha-evropa>
37. *Коленкур де А.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. URL : <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/kolencur/part07.html>
38. *Колташов В.Г.* Великие кризисы. Кризис 1770—1780-х годов. URL : http://www.finansy.ru/st/post_1275029846.html
39. *Колташов В.Г.* Кризис глобальной экономики. М., 2011.
40. *Колташов В.Г.* План Цезаря годится и для нас. URL : <http://svpressa.ru/economy/article/136244/>
41. *Колташов В.Г.* Политическое лидерство. URL : http://lit.lib.ru/k/koltashow_w_g/text_0020-1.shtml.
42. *Колташов В.Г.* Сила капитала и слабость олигархии. URL : <http://neosoc.ru/сила-капитала-и-слабость-олигархии/>
43. Конструирование социального. Европа. V—XVI вв. = Constructing the Social: Europe. V—XVI // Летняя школа «Как быть медиевистом: новые научные вызовы и университетские курсы истории Средних веков и раннего Нового времени» / сост. П.Ю. Уваров, И.В. Дубровский. М. : УРСС, 2001.
44. *Коряковцев А., Вискунов С.* Марксизм и полифония разумов. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016.
45. *Коряковцев А.* Лекции в Политехническом. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=Qf2fC4kTNVA>
46. *Коряковцев А.А.* Социальные прогнозы К. Маркса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. С. 70—85.
47. *Кургинян С.Е.* Красная весна. М. : МОФ ЭТЦ, 2015.
48. *Лас-Каз Э.О.* Мемориал святой Елены : в 2 т. М. : Захаров, 2014.
49. *Леер Г.А.* Публичные лекции о войне 1870—1871 годов между Францией и Германиею от Седана до конца войны... СПб., 1873.
50. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Изд-во политической литературы, 1965—1975.

51. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. URL : https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Lenin_Imperialism/imp.html#c0
52. Люксембург Р. Накопление капитала. М. : Государственное издательство, 1924.
53. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Мысль, 1996.
54. Макиавелли Н. История Флоренции. М. : Азбука-Классика : Non-Fiction, 2017.
55. Маништейн Э. фон Утерянные победы. М. : Вече, 2017.
56. Маркс К. Капитал, Т. 1. URL : http://libelli.ru/works/kapital/1_8_1.htm
57. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. URL : <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Misere/misere-2.html#c2>
58. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : в 9 т. М. : Политиздат, 1984.
59. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1—39. 2-е изд. М. : Изд-во политической литературы, 1955—1974.
60. Матъез А. Французская революция. Ростов н/Д : Феникс, 1995.
61. Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов : в 3 т. М. : Соцэкгиз, 1959.
62. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу. М. : Международные отношения, 1989.
63. Моммзен Т. История Рима. СПб. : Наука : Ювента, 1997. URL : <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1355853009>
64. Несырьевой энергетический экспорт из России в 2018 году вырос на 11,6%. URL : <http://ru-good.ru/page/nesyrevoj-energeticheskij-eksport-iz-rossii>
65. Пинкус С. 1688 год. Первая современная революция. М. : АСТ, 2017.
66. Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М., 2010. URL : https://royallib.com/book/pips_semyuel/domoy_uginat_i_v_postel_iz_dnevnika.html
67. Пиренн А. Нидерландская революция. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937.
68. Победить третью волну: почему протекционизм, социальное государство и регулирование выведут нас из кризиса: доклад Лаборатории международной политической экономии кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического института им. Г.В. Плеханова, 10 мая 2017 г.
69. Покровский М.Н. Русская история : в 3 т. М. : Историческая библиотека, 2002.
70. Полетаев А.В., Савельева И.М. «Циклы Кондратьева» в исторической перспективе. М. : ЗАО «Юридический дом „Юстицинформ“», 2009.
71. Политическая экономия: словарь / под ред. М.И. Волкова [и др.]. 3-е издание., доп.

- М. : Политиздат, 1983.
72. *Поньон Э.* Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М. : Молодая гвардия, 2009.
73. *Потемкин Ф.В.* Промышленная революция во Франции. Т. 1—2. М., 1971. URL : http://istmat.info/files/uploads/28152/industr-revolution_f-v-potemkin_v1.pdf
74. Рейтинг стран — экспортеров вооружений по объемам экспорта ВиВТ по итогам 2018 года и за период 2015—2018 гг. URL : https://vpk.name/news/239400_reiting_straneksporteroov_vooruzhenii_po_obemam_eksporta_vivt_po_itogam_2018_goda_i_za_period_20152018_gg.html
75. *Ремизов Д.* Засекреченная безработица. URL : <http://www.19rus.info/index.php/ekonomika-i-finansy/item/83670-zasekrechennaya-bezrabortitsa>
76. *Роговин В.З.* «Троцкизм»: взгляд через годы. Т. 1. М. : Терра, 1992.
77. *Роговин В.З.* 1937. Т. 4. М., 1996.
78. *Роговин В.З.* Власть и оппозиции. Т. 2. М. : Товарищество «Журнал „Театр“», 1993.
79. *Роговин В.З.* Конец означает начало. Т. 7. М. : Антидор, 2002.
80. *Роговин В.З.* Мировая революция и мировая война. Т. 6. М., 1998.
81. *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. Т. 5. М. , 1997.
82. *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. Т. 3. М., 1994.
83. *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Харьков : Майдан, 1999. URL : https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/sergeev/03.php
84. Социальная идентичность средневекового человека: сборник / отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М. : Наука, 2007.
85. *Сталин И.В.* Полное собрание сочинений. М. : Государственное издательство политической литературы, 1946—2006.
86. *Стендаль Ф.* Красное и черное. М. : Т8RUGRAM, 2018.
87. *Троцкий Л.Д.* Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? URL : <https://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm>
88. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. URL : https://royallib.com/book/harvi_devid/kratkaya_istoriya_neoliberalizma.html
89. *Хардт М., Негри А.* Империя. М. : Праксис, 2004. URL : <http://rebels-library.org/files/empire.pdf>
90. Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. В.И. Кузищина. М., 1987. С. 8, 30, 314—315.
91. *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб. : Санкт-Петербург, 1906.

92. *Шеин О.* О повышении пенсионного возраста и законе о языках. URL : <https://www.idelreal.org/a/29393597.html>
93. *Шубин А.В.* Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007.
94. *Ebrey P., Walthall A., Palais J.* East Asia: A Cultural, Social, and Political History. Boston : Houghton Mifflin Harcourt (HMH), 2006.
95. Institute of the New Society. URL : https://www.youtube.com/channel/UC8Nf5l_mQECIV9Xz-uGgPeQ
96. *Myers Van Ness Ph.* General History for College and High Schools, Revised ed. Boston : Ginn and Company, 1906.
97. *Najemy J.M.* A History of Florence. 1200—1575. Blackwell Publishing, 2006.
98. *Wallerstein I.* World-system analysis. An introduction. Durham (NC, USA) : Duke University Press, 2004.